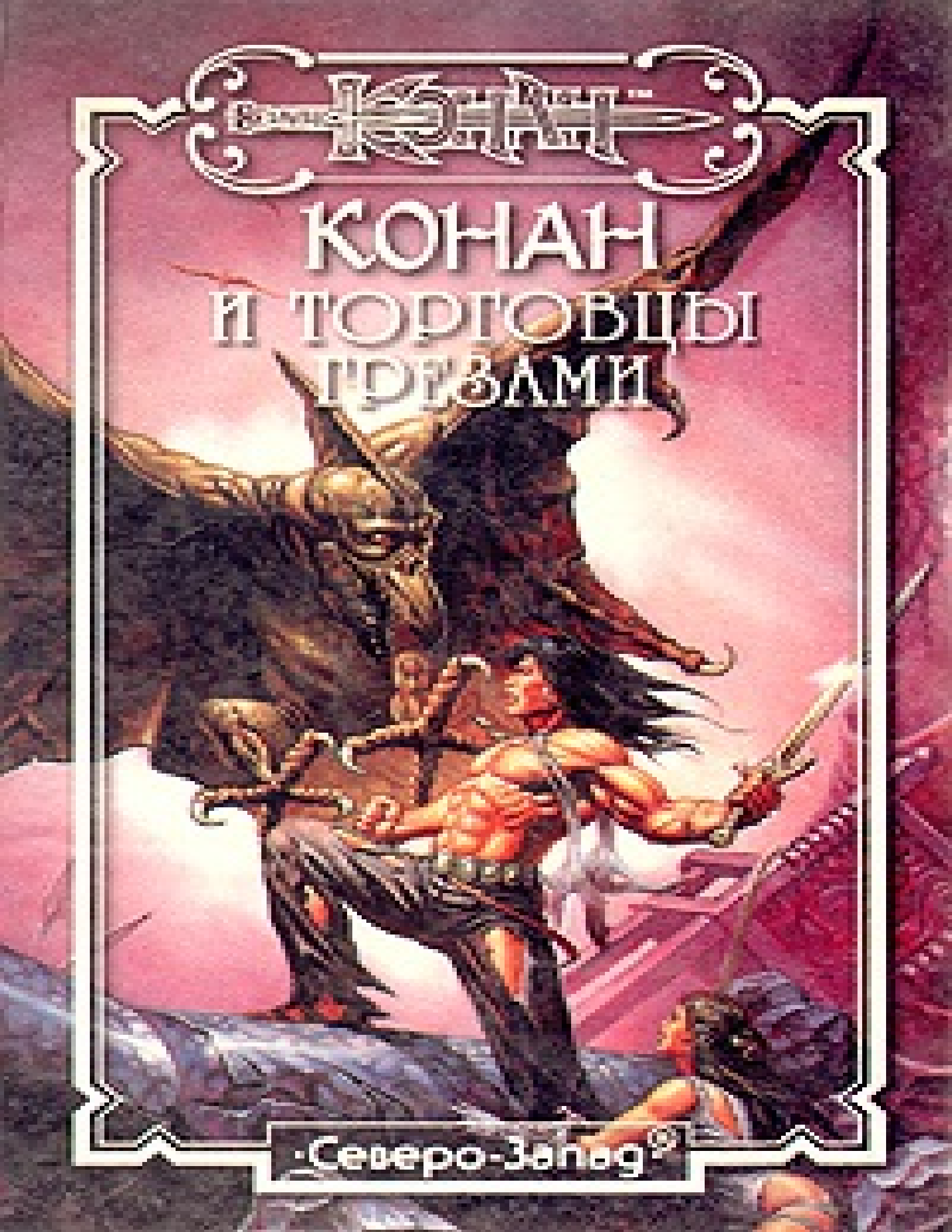
Роберт Говард

КОНАН И ТОРГОВЦЫ ГРЕЗАМИ



Северо-Запад

Annotation

Время действия – сразу после романов «Песчаные небеса» и «Берег Проклятых», по дороге из Турана в Замору. Место действия – тихий провинциальный городок Дэлирам на Дороге Королей, возле границы. Ловим серийного маньяка, попутно пытаемся заработать и разобраться в несколько странной ситуации в городе, связанной с мафиозными заморочками, потерявшимся караваном, а также попадаем в различные неприятности, суть коих кроется в прибывающем грузе серого лотоса и не желающих делиться мафиози. Действующие лица – старые знакомые времен Карелы и ее шайки, тихий супермен Мораддин, «Ищейка» – девушка из племени гулей, работающая агентшей-007 на Немедию, разнообразная местная мафия и прочий винегрет.

- Олаф Бьорн Локнит
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
  - ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
  - ЭПИЛОГ

Олаф Бьорн Локнит
Торговцы грезами

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Без сомнения, самый раздражающий звук на свете – скрип старых половиц над вашей головой. Особенно, если таковой начался с раннего утра и беспрерывно продолжается до самого полудня. Скрипение иногда прерывалось глухим раздраженным ударом по стене, и тогда расставленные на полках оловянные кружки начинали жалобно звенеть в ответ. Били кулаком, или, скорее всего сапогом, подкованным железом. Затем скрип возобновлялся – пять тяжелых шагов в одну сторону и пять обратно.

Барракс, хозяин постоялого двора «Медная подкова», поднял голову и мрачно уставился наверх, на проседающие доски потолка. Если какой-нибудь осел уверен, что быть владельцем гостиницы в захолустном заморийском городке – спокойное и безмятежное занятие, то таковой немногим сообразительнее помянутой длинноухой животины. В тот злосчастный день (точнее, вечер), когда в дверь ввалились двое увешанных оружием громил, проезжающих к закату, у Барракса, видно, стряслось временное помрачение ума, раз он согласился сдать им комнату. С тех пор любые дела шли наперекосяк.

Почтенный хозяин, немало повидавший на своем веку, с первого взгляда распознал в своих поздних посетителях наемников. Причем наемников при деньгах, стремящихся положить между собой и империей Туран возможно большее расстояние. При таком подозрении не стоило, конечно, пускать их дальше порога… Однако постоялый двор почти пустовал, а золото везде золото. Не выбито же на монетах, при каких обстоятельствах и какими способами их добыли?

Поразмыслив, Барракс здраво рассудил, что темные делишки, наверняка совершенные новыми постояльцами в прошлом, его не касаются, а сейчас поведение внезапных гостей не вызывало нареканий. Тем не менее хозяин «Подковы» искренне побаивался своих новых постояльцев, и не мог решить, которого из них больше.

Конечно, более грозным выглядел темноволосый громила, на физиономии которого варварское происхождение и разбойничьи наклонности читались так же ясно, как буквы на листе лучшего шадизарского пергамента. Его спутник, лысоватый коротышка с прищуренными серьезными глазками и жиденькой бородой, казался на фоне страшенного приятеля безобидным чудаком, невесть зачем решившим испробовать полной опасностей жизни наемника. Разговаривал коротышка исключительно вежливо и очень сдержанно, с трудом умудряясь вставлять словечко-другое в кратких перерывах между оглушительными раскатами голоса своего друга.

У непонятного коротышки, вдобавок, имелась совершенно непредставимая ручная зверюшка, постоянно сопровождавшая его – летучая мышь, покрытая густой белой шерсткой. Обычно мышка тихонько сидела в складках плаща хозяина, но при каждом удобном и неудобном случае высовывалась наружу и пронзительно верещала, расправляя прозрачно-розовые крылья. Неизменно следующий за ее появлением и воплями испуг окружающих очень нравился зверьку. На жутковатой, покрытой причудливыми наростами мордочке появлялось выражение несомненного удовольствия, а красные глазки-бусинки радостно вспыхивали. Затем мышь пряталась до следующего момента, когда ее крохотную головку снова посещала мысль выскочить наружу.

Из увиденного и услышанного хозяин сделал напрочь неверный вывод: главный в странном союзе – варвар. Но зачем он тащит с собой этого недомерка, более всего

смахивающего на ушедшего на покой чиновника – совершенно непонятно. Может, подрядился сопровождать до Аренджуна? Места здесь пускай и глухие, но неспокойные, в одиночку лучше не ездить.

Следующим же утром Барракс убедился, что глубоко заблуждается. Наемники затеяли во дворе разминку, из трех схваток две выиграл тихоня, а наблюдавший хозяин остался при твердом убеждении: на третий раз коротышка просто поддался, чтобы не обижать явно разозлившегося приятеля… Мышь все это время провисела вниз головой на чахлом лимонном деревце, неизвестно как сохранившемся в вытоптанном дворе, и заливисто верещала, подбадривая хозяина и до полусмерти пугая пробегавших мимо служанок.

…Происходило это все в крохотном заморийском городке под названием Дэлирам, затерянном у закатных отрогов Кезанкийских гор и славным единственно тем, что рядом пролегала знаменитая Дорога Королей, связывающая страны Востока и Запада. Караваны редко задерживались в городке, торопясь в расположенный неподалеку Аренджун. Жизнь в Дэлираме текла неторопливо и размеренно, малость оживляясь в базарные дни да еще когда на окраине городка появлялся очередной караван.

Странноватые постояльцы достопочтенного Барракса собирались задержаться в городе на два, от силы три дня, ожидая, пока отдохнут их лошади. Но случилось непредвиденное – на второй же день коротышка встретил старого знакомого. У прислушивавшегося к оживленному разговору хозяина глаза на лоб полезли от удивления: недомерок оказался ушедшим в отставку капитаном личной гвардии государя Илдиза Туранского, и весь вечер оказался посвященным общим воспоминаниям о службе.

Закончилась вечеринка, вопреки ожиданиям хозяина, отнюдь не дружной попойкой. Помрачневший гость, постоянно оглядываясь и понизив голос, поведал о многочисленных бедствиях обрушившихся в последнее, видимо, время на его голову. Внимательно выслушав, бывший капитан решительно заявил, что немедленно отправляется вместе со своим старым другом в Аренджун и лично во всем разберется. Варвар собрался было с ними, но коротышка отговорил его, заверив, что вполне обойдется собственными силами и вернется денька через три-четыре. На том они и сошлись, а рано утром отставной гвардеец и его сослуживец ускакали.

Тут-то Барракс с ужасом убедился в двух вещах: во-первых, уехавший коротышка был единственным человеком, способным удержать северного дикаря от необдуманных поступков; и во-вторых, пугающие слухи о пьяных загулах наемников имели под собой веское основание. Постоялый двор уцелел только благодаря чистой случайности или заступничеству какого-нибудь сочувствующего бедам простых трактирщиков бога.

По отъезде приятеля варвар немедленно упился в стельку, затеял драку с битьем посуды и подвернувшихся голов, расколотил в мелкую щепку стол, коим, будто тараном, пытался высадить дверь в гостиницу, и, наконец, пошатываясь, покинул изрядно потрепанное заведение. Ночь, к искренней радости хозяина, он пропадал неведомо где. Утром объявился – с жуткой головной болью и заметно облегченными карманами. Следующий вечер выдался куда хуже – в «Подкову» заглянули мающиеся от скуки и безделья немедийцы.

Немедийский полк, размещенный в старых казармах на окраине города, стоял в городе уже третий или четвертый месяц. Считалось, будто полк оказывает помощь местному гарнизону в охране границы с Тураном и Дороги Королей. На деле же доблестные воины короля Нимеда занимались тем, что устраивали стычки с местной солдатней, напропалую пьянствовали, сутками не вылезая из двух имевшихся в городе веселых домов, и лишь

изредка, больше от скуки а не для порядка, гонялись за окончательно обнаглевшими от безнаказанности контрабандистами.

Командир полка, похоже, махнул рукой на всех и вся, и его подчиненные окончательно распустились. Последней их выходкой, переполнившей чашу терпения мэра Дэлирама, был налет на караван, направлявшийся через горы в Аграпур. При караване оказалась знающая свое дело охрана, набранная из туранцев, и нападавшим сильно не поздоровилось. После этого немедийцы несколько утихомирились, ограничиваясь редкими потасовками в городе.

Десяток солдат во главе с капитаном, уже успевшие изрядно поднабраться и забредшие на огонек постоялого двора в поисках какого-нибудь развлечения, быстро нашли общий язык с поселившимся там варваром. К полуночи, после второго бочонка местного кисловатого вина, вся компания уже считала северянина своим лучшим приятелем и вразнобой жаловалась на горькую судьбу солдат короля, заброшенных дурацким приказом в эту мерзкую дыру, по чистому недоразумению именуемую городом.

Барракс понадеялся, что закончится все только обычной попойкой, а его почтенные посетители, как уже бывало не раз, мирно улягутся спать на полу. Однако напоследок немедийцы решили метнуть запасливо прихваченные кем-то кости. Одного раза увлекшимся игрокам показалось явно недостаточно, и желтоватые резные кубики застучали по грязной столешнице, как крупный град по крышам. Игра продолжилась до середины ночи, ставки росли и падали, кто-то выигрывал, его партнер, соответственно, проигрывал, и этим проигравшим чаще всего оказывался варвар.

Не везло бедняге по страшному. Говорят, именно так покровитель игроков Бел наказывает неугодных ему. Когда затянувшаяся игра, наконец, закончилась, после долгого подсчета выяснилось: северянин лишился не только немногих имевшихся у него денег и лошади, но и остался должен большинству из присутствующих. После некоторого колебания северянин поднялся наверх, в занимаемую им комнату, и вернулся с небольшим кожаным мешочком. Из мешочка на свет появились пять золотых империалов султанапурской чеканки и несколько блестящих, хорошо ограненных камешков. После вдумчивого осмотра камешки были признаны драгоценными и приблизительно оценены, но для покрытия долга их все одно не хватило.

Назревала крупная ссора. Половина участников игры еле держалась на ногах, но остальные были настроены весьма воинственно, и считали, что хорошая драка – лучшее завершение доброго вечера. Варвар, похоже, придерживался того же мнения, и Барракс уже приготовился к подсчету неминуемых убытков, мысленно проклиная себя и тот несчастливый день, когда согласился поселить в своей гостинице этого головореза.

Однако никаких разрушений и убытков, помимо уже имевшихся, «Медной подкове» причинено не было. Капитан немедийцев милостиво согласился отсрочить возвращение долга на пару дней. После чего бравые гвардейцы, подобрав своих товарищей, бывших не в состоянии передвигаться самостоятельно, отбыли по месту расположения полка, в казармы.

Северный наемник, нимало не удрученный свалившейся на него задачей – как можно скорее раздобыть довольно большое количество золота – завалился спать. Однако, вопреки ожиданиям хозяина, проснулся он не далеко за полдень, а рано утром, и с того времени безостановочно ходил из угла в угол своей комнаты. Пять шагов туда, поворот, иногда сопровождаемый ударом кулака в стену, пять шагов обратно, и все повторялось сначала.

Барракс же ломал голову над заковыристым вопросом: как бы повежливее сообщить страшному дикарю, что он и его приятель оплатили комнату на три дня вперед, а ныне пошел

уже четвертый. Его тягостные размышления прервал нарастающий грохот, раздавшийся на хлипкой лестнице, ведущей на второй этаж гостиницы. Всякий раз, когда северный дикарь спускался вниз, хозяин с содроганием ждал ужасающего хруста и треска ломающихся ступенек. Постоялый двор не был рассчитан на проживание личностей, что каждый раз задевают головой дверную притолоку, любые входы открывают исключительно ногами, и сами по себе являются ходячим стихийным бедствием. Скорее бы вернулся так некстати уехавший коротышка и забрал своего неистового приятеля.

Многострадальная лестница выдержала и на этот раз. Мрачный варвар прошел через пустующий общий зал гостиницы, буркнув на ходу что-то невразумительное, очевидно означавшее приветствие. Дверь он, не изменив своей привычке, открыл пинком, едва не сорвав створку с держащихся лишь милостью Митры погнутых петель.

«Чтоб ты по пьяному безобразию на собственный меч напоролся!» – от души пожелал ему вслед Барракс. Вера в это счастливое событие была более чем призрачной, но вдруг…

* * *

«Гадкое положение все-таки, – угрюмый постоялец „Медной подковы“ в самом отвратительном настроении шагал по улочкам городка, не замечая, что редкие прохожие, завидев его, стремятся как можно скорее перейти на другую сторону улицы и боязливо оглядываются. – И Мораддин, скотина такая, гном недоделанный, уехал…»

Сравнение отбывшего компаньона с гномом основывалось вовсе не на маленьком росте. Мораддин, сын Гроина, бывший капитан тайной царской гвардии в Аграпуре, действительно происходил от брака подземного жителя с женщиной из рода людей. К числу несомненных достоинств Мораддина относилось умение безупречно владеть любым видом холодного оружия, а также способность спокойно встречать всевозможные повороты и выкрутасы судьбы. Так он воспринял и известие о своей опале и переводе из туранской столицы на унизительную должность старшего надсмотрщика в позабытых всеми медных рудниках Кезанкии.

…Однажды в копях появился новый каторжник – выходец из далекой северной страны Киммерии по имени Конан. Неизменно следующие за ним неприятности и вихрь непредсказуемых событий заставили смирившегося было со своим положением Мораддина покинуть давно надоевшие рудники и оказаться в центре событий, связанных с поисками магического кувшина из белого золота гномской работы.

За несколько дней лихая парочка искателей приключений умудрилась поставить с ног на голову весь Султанапур, причинила множество бедствий и тревог туранским властям, а напоследок оказалась невольными виновниками поджога лучшего в городе дома терпимости.

После чего оба приятеля разумно сочли, что чем большее расстояние окажется между ними и побережьем моря Вилайет, тем будет лучше для них самих, для города, да и всей Туранской империи. После перехода через пустыню и расправы с посланной из Султанапура погоней, а также некоторой задержки в Кезанкийских горах, вызванной поисками подходящего перевала и неожиданной находкой заброшенного города, двое путников спустились в тихий, ничем не примечательный поселок у подножья гор.

Конан поначалу вовсе не собирался задерживаться в этом пыльном сонном городишке. В его намерения входило как можно скорее добраться до Шадизара или, на худой конец, до Аренджуна. И там, и там должны еще остаться знакомые, помнящие его по дням веселой воровской молодости и кварталу Меол, своеобразному городу в городе, обиталищу многочисленного «Ночного братства». Но, как говорится, человек предполагает, судьба располагает, а боги смотрят да посмеиваются. Выяснилось, что оба коня – гирканский жеребец варвара и низкорослая кобылка Мораддина – загнаны почти до полусмерти. Конан самоуверенно предложил бросить их и купить новых, благо и у него, и у бывшего капитана гвардии звенели в кошельках полновесные султанапурские империалы. Однако в здешней дыре не торговали лошадьми, а те, которых можно было достать, совершенно не подходили для уважающих себя наемников.

Оставалось ждать, пока кони отдохнут и окажутся в состоянии продолжить путь. Первый же день пребывания в городке (как выяснил любознательный Мораддин, носившем наименование Дэлирам) ознаменовался встречей полугнома с бывшим сослуживцем, оставившим гвардию пятью или шестью годами ранее и поселившемся с семейством в Аренджуне. Конан с искренним интересом послушал захватывающие истории о службе при дворе владыки Илдиза, еще раз убедившись, что Мораддин некогда пользовался там большим влиянием и авторитетом.

Затем бывший гвардеец перешел на описание своего нынешнего бедственного положения, и киммериец потихоньку заскучал. История была знакома насквозь, аренджунские нравы ничуть не изменились, и неписаный закон «Кто сильнее – тот и прав» продолжал действовать вовсю. Наравне с утверждением: «Если вы еще не платите за воздух, которым дышите, то мы исправим это маленькое досадное недоразумение». В Аренджуне все грабили всех, и выжить мог далеко не каждый.

Знакомец Мораддина оказался как раз из числа тех, что пытались противостоять этим порядкам, и Конан без труда сообразил, что полугном по окончании рассказа немедленно ринется наводить справедливость. Что ж, если есть охота сразиться с целым городом и полугном не дорожит своей головой, то дело его. Северянин для порядка предложил поехать вместе, но отставной капитан наотрез отказался, заявив, что работа пустяковая и займет не более четырех-пяти дней, не считая дороги туда и обратно.

Мораддин вместе с приятелем отбыли, провожаемые насмешливо-сочувственными напутствиями варвара, глубоко убежденного в бесславном конце их затеи. Конан остался в городишке, предвкушая полный набор нехитрых удовольствий, которые можно получить за деньги.

К сожалению, уже в первый вечер его постигло полное разочарование. Местное вино отдавало кислятиной и плесенью. Девицы в обеих веселых домах – и том, что похуже, расположенном на окраине, и том, что получше, в центре города – оказались таковы, что в Султанапуре их не взяли бы даже в низшую гильдию уличных шлюх, а подруга Конана Стейна – хозяйка лучшего в Султанапуре публичного дома – на порог вовсе бы не пустила, чтобы богатые гости не напугались и не растеряли свои мужские способности. Подраться было совершенно не с кем. Оставалось только взобраться на отдохнувшего коня и галопом скакать в Аренджун, ибо вторым выходом было – сдохнуть от скуки.

Если бы не заявившиеся на постоялый двор немедийцы, Конан так бы и поступил – с рассветом следующего дня уехал из городишки, где, казалось, даже у мух отросли длиннющие бороды. Уехал бы догонять Мораддина. Появление не знающих, чем бы заняться

вояк спасло варвара от тоскливого вечера, но взамен лишило всех оставшихся денег и лошади.

Киммериец прекрасно знал о власти, что имели над ним простые кусочки изжелта-белой слоновой кости, обточенные в виде кубиков, с нанесенными на их грани черными точками и рисунками. Начав играть, Конан уже не мог остановиться, пока не выигрывал или не проигрывал все. Последнее по каким-то неведомым причинам случалось гораздо чаще, нежели первое. Нынешняя игра не стала исключением. Слабая надежда на удачу и возможность отыграться таяла вместе с сухим стуком разлетающихся по заплеванной столешнице костей.

Он проиграл золото, полученное от шейха оазиса Баргэми в уплату за возвращение похищенной сестры правителя маленькой крепости, затерянной на границе Туранской пустыни и гор. Потом – империалы, заработанные в Султанапуре, затем на кону оказался гнедой гирканский скакун… Больше ставить было нечего, наступала неизбежная пора одуматься и остановиться, однако сделать это никак не удавалось. Конан, нарушив собственное более-менее соблюдаемое правило: «не играть в долг», предложил бросить кости заново. А затем еще, и еще…

Остановил игру, грозившую перейти в бесконечное разорение, капитан немедийцев, сохранивший некоторую ясность мысли. После подсчета долгов северянин, мысленно ужаснувшись и оттого немного протрезвев, отправился наверх, заверив своих партнеров, что часть денег хранится у него в комнате. Денег там, разумеется, не нашлось, пусть он даже перерыл всю нехитрую поклажу, разбросанную по полу. Зато имелись золотые монеты и самоцветы, принадлежавшие Мораддину. Ими-то Конан и расплатился, пообещав, что остальное вернет чуть позже. Кажется, ему не слишком поверили, но согласились обождать…

«Ну, и что теперь? – Конан, шедший куда глаза глядят, немного замедлил шаг и огляделся. Занесло его на окраины городка, где были в беспорядке раскиданы загородные домики местной знати, окруженные чахлыми, высохшими садами. – Где достать денег? А самое главное – что я скажу Мораддину, когда он вернется?»

Киммериец попытался представить грядущее объяснение: «Понимаешь, я тут… Ну, так получилось… В общем, я твое золото проиграл. Вместе с камешками. И свое тоже. Да, лошадь тоже проиграл…»

Интересно будет поглядеть на выражение лица полугнома. Нет, сдержанный Мораддин наверняка не опустится до криков и проклятий в адрес некоторых тупоголовых варваров. Он просто со свойственным ему блеском тут же прикончит незадачливого приятеля, ненароком перепутавшего свой карман с чужим. Остается надеяться, что в память о пережитых вместе испытаниях и из человеколюбия он сделает это быстро. С другой стороны, Мораддин может устроить Конану такую взбучку, что самому жить не захочется, и вобьет правило: «Не играй на деньги своих друзей без их разрешения!» в голову вместе с зубами. Требуется немедленно что-то придумать и предпринять. Мораддин должен получить свои (или равноценные) камни обратно, все прочие дела могут обождать, а шлюхи и продавцы вина убираться к демонам.

Соображалось плохо. Хотелось есть, а еще больше – пить. Над безлюдными улочками дрожало жаркое марево, город погружался в ежедневную духоту и полусонную дремоту. Конан бросил взгляд по сторонам, выискивая хоть какой-нибудь клочок тени, и выругал себя за то, что отправился шататься по здешней гиблой дыре в самое неподходящее для прогулок послеполуденное время.

Он свернул с мощеной давно выкрошившимся булыжником улицы в чей-то сад, запущенный и наглухо заросший бурьяном, перешагнув через низкую каменную ограду. Несколько оливковых деревьев, выживших наперекор всему, окружали в центре сада потрескавшуюся и покрытую ярко-зеленым мохнатым мхом чашу старого фонтана из красноватого песчаника. Фонтан, как ни странно, действовал и посейчас, через волнистые края стекали тонкие струйки холодной воды, с плеском разбиваясь об лежавшие внизу щербатые плиты и разбегаясь по высохшей земле.

Вволю напившись и сунув нещадно гудевшую от жары и вчерашней выпивки голову под воду, киммериец почувствовал себя гораздо лучше. Настолько, что решил узнать, кому принадлежит приютивший его сад.

За пыльными, ломкими от здешнего жгучего солнца зарослями открылась задняя часть небольшого двухэтажного дома, сложенного из розоватого камня, и жмущиеся к ней хозяйственные пристройки. Домик, в отличие от сада, выглядел ухоженным и обитаемым: за распахнутыми настежь окнами колыхались тяжелые шторы, доносились приглушенные голоса беседующих людей. В сарае неожиданно низко и протяжно замычала корова. Похоже, розовый дом был загородной усадьбой процветающего купца или дворянина.

Внезапно вспыхнувшее любопытство было полностью удовлетворено, однако Конан не торопился уходить. Он внимательно и оценивающе осмотрел дом, точно прикидывал, в какую цену тот может обойтись и не потребуется ли в ближайшее время ремонта. Усадьба находилась в отдалении от прочих строений, на расположенных на высоте человеческого роста окнах не имелось ни ставень, ни решеток, поблизости не маячили злобные сторожевые псы. Домик висел, как созревшее яблоко на ветке, и, казалось, только и ждал, кто первым его сорвет.

«Кажется, сорву его я», – вполголоса пробормотал киммериец, невольно хмыкнув. Ему припомнились давние деньки в Шадизаре, когда все его достояние, так же как сегодня, составляли меч да горстка медных монет, а завтрашний день полностью зависел от удачно совершенной кражи. Маленькая тихая усадьба в предместье городка Дэлирама была обречена на ночной визит не слишком желанного и званого гостя.

* * *

Отведенная Конану с Мораддином комната, вопреки заверениям хозяина постоялого двора, являлась отнюдь не самой лучшей. Днем в ней не составляло труда задохнуться, а ночью – замерзнуть. Рама с тусклыми маленькими стеклами, первоначально вставленная в оконный проем, теперь валялась где-то под стеной. Новые постояльцы совместными усилиями выбили ее, пытаясь хоть немного проветрить помещение.

Еще в комнатушке, больше напоминавшей слегка улучшенную и благоустроенную клетку для диких животных, находилась пара шатающихся колченогих табуретов и две небрежно сколоченные низкие кровати. Конан уже успел сломать одну из них, рухнув на нее всей тяжестью, чем вызвал тихий смешок у Мораддина. Теперь варвар спал на полу, считая, что у половиц шансов провалиться несколько меньше.

Имелось у комнаты и одно неоспоримое достоинство – ее единственное окно выходило

на задний двор «Медной подковы». Когда-то хозяин собирался развести там огород для собственных надобностей, но грядки крайне быстро заросли сорняками и огромными лопухами. На задворки выкидывали отслужившие свое поломанные вещи, днем там бродили грязно-белые лупоглазые козы, но главное состояло в другом. Через дворик можно было попасть на одну из главных улиц городка, минуя неизбежный проход через внутренние помещения гостиницы. Безусловная выгода для человека, собирающегося потихоньку отправиться на ночную прогулку, а затем желающего незаметно вернуться.

«А что бы сказал Мораддин, увидев, какие дела творятся в его отсутствие? – Конан не спеша шел по тихим темным улочкам, убеждаясь, что о такой роскоши, как ночная стража, в Дэлираме не имеют ни малейшего представления. – С другой стороны, как он узнает? Ежели получится выкупить камешки, то у него даже подозрения не возникнет, что его собственность куда-то отлучалась. А не получится? Ладно, придумаем что другое…»

При всем уважении к бойцовским качествам Мораддина, киммериец не понимал его болезненной честности и прямоты, считая их досадным наследством папаши-гнома. Ну скажите, как можно прожить в этом паршивом мире, никогда не кривя душой, не присваивая чужого и не нарушая данного слова? Да тебя быстренько собьют с ног, затопчут и разорвут на мелкие кусочки, причем твои же лучшие друзья-приятели. Какой-нибудь святой отшельник может позволить себе изрекать всегда только правду и жить, не имея за душой ничего, но прочие-то люди не отшельники! Им и выпить хочется, и закусить, и…

«В кости перекинуться, – мрачно завершил мысль Конан, вспомнив, что привело его к необходимости полуночной прогулки в предместья. – Никогда, слышишь, никогда больше! Либо играть, либо пить, иначе рано или поздно доиграешься до того, что будешь собственной башкой расплачиваться. А она мне пока очень дорога…»

Подобные клятвенные обещания давались уже не раз и даже не два, но никогда не выполнялись. Еще одно подтверждение той невеселой мысли, что можно справиться с любым противником (или почти с любым), кроме себя самого.

Одинокая усадьба вырисовывалась в безлунной ночи темным причудливым силуэтом. Во дворах соседних домов изредка лениво гавкали выпущенные собаки, но облюбованный киммерийцем домик хранил полное молчание. Конан подошел к нему также, как и днем – со стороны запущенного сада. Часть окон беспечные хозяева все же закрыли, но два стояли по-прежнему распахнутыми.

«Какие-то идиоты здесь живут, – подумал северянин, подтягиваясь и осторожно перелезая через подоконник. – Окна без решеток, собак нет… Они бы еще на дверях объявление вывесили – „Заходите и берите все, что пожелаете.“ Хотя постойте, а вдруг у них ночью кобры по дому ползают? Или еще какое паскудство?»

Мысль была исключительно здравая, но немного запоздалая. Раз уж забрался в дом, то не уходить же с пустыми руками.

Ночь выдалась темной, но не настолько, чтобы абсолютно ничего не разглядеть. Конан, похоже, забрался в нежилую комнату – гостиную или, скорее, в обеденный зал. Посредине виднелся большой круглый стол на изогнутых ножках, вдоль стен – сундуки и пузатые шкафы. На одной из стен располагалось черное квадратное пятно, наверное, ковер с почти неразличимым в полумраке рисунком.

«Где они могут хранить золото? – рассуждая, киммериец быстро передвигался от одного предмета обстановки к другому, проверяя, заперты они или нет, и не лежит ли там что-нибудь полезного. – Здесь наверняка можно наткнуться на всяческую дребедень, вроде

колечек и цепочек, но куда можно спрятать монеты? Надо пошарить по соседним комнатам…»

Тихий скребущий звук заставил его настороженно замереть и медленно обвести помещение взглядом. Шорох раздался совсем неподалеку, однако это было не шлепанье ног человека по полу и не звяканье ключа в замке. Скорее, еле слышный шелест напоминал шуршание ворочающегося в соломе зверя. Теперь Конан точно определил, откуда он идет – от черного настенного ковра. Может, там спрятана дверь?

Варвар беззвучно пересек комнату и приблизился к подозрительному ковру, умеющему издавать звуки. Оказавшись рядом, северянин внезапно понял – никакой это не ковер, а выдолбленная в стене ниша, забранная толстой и частой железной решеткой. В нише шевелилось какое-то живое существо, источник тех самых неясных шорохов.

«Ну как у них там леопард или медведь? – Конан тщетно пытался разглядеть во мраке клетки ее обитателя. – А если что еще похуже?»

Из темноты рывком появился смутный белый овал лица. Затем сквозь решетку просунулись длинные тонкие пальцы, крепко обхватив толстые прутья.

«Кром, да там человека заперли! – изумленно сообразил киммериец. – Ну и домик!»

Неизвестный за решеткой молчал, слышалось только его прерывистое дыхание. Стиснувшие железо пальцы чуть подрагивали, и северянин подумал, что пленник – подросток… или женщина.

– Эй, – шепотом окликнул Конан. – Ты кто?

Ответили тоже шепотом. Голос у пленника был чуть слышный и надтреснутый, точно человек навсегда сорвал его в отчаянном крике:

– Выпусти меня… Пожалуйста…

ГЛАВА ВТОРАЯ

– А как я тебя оттуда вытащу-то? – озадаченно пробормотал Конан. Варвару, конечно, не составило бы особого труда сбить массивный навесной замок, запиравший клетку, однако такие действия означали грохот и неизбежное явление хозяев дома. Киммерийцу вовсе не хотелось отвечать на вопросы о том, кто он такой и что здесь делает. Может, попробовать разогнуть прутья? Не оставлять же этого несчастного мучиться дальше… Интересно, за что его посадили за решетку?

– Ключ, – отчетливо выговорил человек в клетке, догадавшись о возникших затруднениях. – Слева от тебя. На стене.

Длинный бронзовый ключ с резной ручкой действительно висел на вбитом в стену медном гвозде. Повесили его с расчетом – пленник хорошо видел вещь, открывающую путь к свободе, но дотянуться до нее совершенно не мог.

Замок, к счастью, оказался хорошо смазанным, и после двух поворотов ключа в скважине тихо щелкнул. Маленькая дверца с едва слышным скрипом отошла в сторону и человек на четвереньках выбрался наружу. Похоже, внутри клетки было настолько мало места, что ее обитателю приходилось постоянно сидеть, согнувшись в три погибели. Теперь он мучительно пытался выпрямиться, цепляясь за стену и тихонько постанывая.

«Да провалиться мне на месте, это женщина!»

Человек наконец встал во весь рост и замотал головой, пытаясь отбросить назад лохматые пряди длинных волос. Конан не ошибся – это действительно была женщина, маленькая сгорбленная женщина с тихим хриплым голосом. Киммериец даже не сразу понял, что она спрашивает.

– Повтори, – попросил Конан.

– Тебе нужно золото? – спросила незнакомка, пошатываясь и не отрывая рук от решетки, за которую крепко держалась. – Я знаю, где оно хранится, только выведи меня отсюда. Вон там, на стене, видишь?

– Ну, тарелка, – в стороне, куда указывала женщина, было укреплено большое серебряное блюдо, покрытое чеканкой.

– Сними его. Там крючок, надо резко потянуть на себя и отпустить.

Продолжая ломать голову над тем, какой подарочек преподнесла ему судьба на сей раз, киммериец выполнил указания загадочной обитательницы клетки. В казавшейся цельной каменной стене открылась дверца, скрывавшая за собой маленький тайник, плотно набитый мешочками из мягкой кожи. Вспомнив про захваченный с собой вместительный мешок и похвалив себя за предусмотрительность, северянин быстрыми движениями переместил туда содержимое тайника. Несколько мешочков он, впрочем, оставил – хозяевам на бедность.

– Все, пошли, – Конан захлопнул дверцу, повесил блюдо на место и огляделся. Женщина сумела перебраться к распахнутому окну, перевесилась через край рамы, но тут же отпрянула назад.

– Высоко… – еле слышно сказала она. – Мне не спрыгнуть.

– Ерунда. Держи крепко, – Конан сунул ей тяжелый мешок, одним мягким прыжком выскочил из окна и приземлился на потрескавшуюся землю двора. – Теперь кидай и прыгай сама.

Женщина послушно бросила вниз мешок, затем медленно и осторожно уселась на окно,

свесив ноги наружу. Поколебалась и неловко прыгнула. Конан поймал ее на лету.

– Слушай, что они с тобой делали? – озадаченно спросил киммериец, поставив дополнение к своей добыче на землю. – Голодом морили?

Она робко кивнула, а северянин пообещал себе, что непременно разузнает, кто владелец дома, подстережет ублюдка где-нибудь на темной улочке и подробно растолкует, как надо обращаться с женщинами, пусть даже и рабынями. А ежели после объяснения хозяин тихого домика случайно отправится на Серые Равнины, то туда ему и дорога. У незнакомки все кости торчали наружу, будто у ожившего скелета.

Женщина, ни о чем не спрашивая, шла рядом с Конаном. Ее слегка пошатывало, однако она стойко молчала, не прося о помощи. Похоже, ей очень хотелось убраться подальше от зловещего места, где ее, словно дикое животное, держали в клетке.

Сил у неизвестной хватило ненадолго. Примерно на полпути до постоялого двора она резко качнулась в сторону, начала задыхаться и, точно подломившись в коленях, упала на пыльную мостовую.

– Эй, ты что? – киммериец наклонился над ней, пытаясь определить, жива она или нет. Женщина дышала, но в сознание не приходила. – А пожалуй, так оно и лучше…

Остаток пути варвар проделал бегом, с бесчувственно обвисшим телом незнакомки на руках. Уже войдя в известный двор позади «Подковы», он сообразил, что не сможет забраться в свое окно, находящееся на втором этаже, одновременно удерживая женщину. Пришлось усадить спасенную возле стены – она тут же завалилась набок – и отправляться искать лестницу.

Столь необходимый предмет домашнего хозяйства, примеченный на всякий случай еще утром, по-прежнему валялся у покосившегося забора и был немедленно позаимствован. Приставив лестницу к стене и убедившись, что верхние перекладины как раз достают до окна, Конан снова поднял женщину, больше похожую на мешок с костями, и вскарабкался по прогибающимся ступенькам наверх.

«Интересно, сколько ей лет – сто или двести? Что ж такого могла натворить бедная старушка? Да, и как мне завтра растолковать хозяину, кто она такая и откуда взялась? И что с ней делать? Отдать половину золота и сказать – ступай на все четыре стороны?»

С этими мыслями киммериец уложил незнакомку на бывшую кровать Мораддина. Дышала она вроде спокойно, и, казалось, крепко заснула. Ладно, проспится – сообразим, что к чему.

Конан не стал пересчитывать количество денег в мешочках, решив, что это приятное занятие тоже может потерпеть до грядущего утра. Свернул мешок, обмотал подвернувшейся под руку тряпкой, пристроил получившийся сверток у себя под головой и решил, что на сегодня с него хватит.

Варвар ошибся. Женщина неожиданно зашевелилась и поднялась на ноги. Конан почти не видел ее в темноте комнаты, однако слышал приглушенное дыхание, затем скрип половиц, и догадался, что она бродит по комнате, стараясь не шуметь. Спасенная встала совсем рядом, наклонилась, чутко прислушиваясь – спит Конан или нет. Решив, что спит, решительно подошла к окну, став на миг четким черным силуэтом, и с трудом вылезла наружу.

«Чего это ей там вдруг понадобилось? – от удивления киммериец сел, озадаченно глядя на темный проем окна. – Не назад же побежала! В конце концов, может человеку приспичить… Только вот что непонятно – то она в обморок падает, а то скачет, ровно козочка…»

Он улегся обратно и уже почти задремал, когда снаружи раздалось осторожное поскрипывание. Затем в окне мелькнули две руки, цепко ухватившиеся за края, между ними появилась взлохмаченная голова и незнакомка с неожиданной легкостью впрыгнула в комнату. Постояла, прислушиваясь, на цыпочках прошлась по скрипучим доскам и улеглась на место. Вскоре до засыпающего варвара донеслось ровное спокойное посапывание.

* * *

Вопреки сложившейся привычке, Конан проснулся довольно поздно. Судя по ярко-золотистому квадрату солнечного света на давно немытом полу комнаты, было уже далеко за полдень.

Драгоценный мешок за ночь никуда не делся. Незнакомка с привычкой разгуливать неизвестно где – тоже. Грязная тряпка, выполнявшая роль полога при кровати, теперь была задернута, но складки ткани колебались, выдавая присутствие человека.

– Доброе утро, – негромко сказали из-за полога. За ночь надрывные нотки в интонациях голоса женщины куда-то пропали, и звучавший теперь голосок оказался довольно приятным и мелодичным, явно не принадлежащим старухе.

– Привет, – отозвался киммериец, садясь. – Ты как?

– Почти хорошо, – сразу отозвалась женщина. Помолчала и неуверенно добавила: – Ты… Ты не мог бы для меня кое-что сделать?

«Вот они, неизбежные последствия любого необдуманного поступка! Всегда не любил благотворительность, – хмыкнув, подумал варвар. – Ну, и чего именно ей сейчас захочется?»

– Что сделать? – с интересом спросил он.

– Я очень есть хочу, – смущенно призналась женщина за занавеской. – И… И переодеться.

– А больше тебе ничего не надо? – на всякий случай уточнил Конан. Обе просьбы выглядели вполне понятными и выполнимыми.

– Большой бассейн с горячей водой, залезть в него и целый день не вылезать, – донеслось в ответ. После некоторого раздумья незнакомка тяжело вздохнула и с нескрываемым сожалением признала: – Только вряд ли это осуществимо.

– Бассейна не обещаю, все остальное будет.

Похоже, новая знакомая киммерийца принадлежала к числу тех редко встречающихся женщин, что умудряются не падать духом в любых переделках…

Оставалось еще решить, как поступить с набитым золотом мешком. Таскать его с собой? Слишком тяжелый и бросается в глаза. Оставить здесь? А вдруг незнакомке опять придет в голову мысль пойти прогуляться, а заодно прихватить с собой украденное золото? Или ее невовремя совесть замучает? Но она должна прекрасно понимать, что стоит ей высунуться на улицу, как любой прохожий заподозрит неладное и далеко она не уйдет. К тому же ее бывший хозяин наверняка принял меры по срочному отысканию своей беглой собственности. Если она сообразительная женщина, то быстро догадается – самое безопасное убежище для нее сейчас здесь, в крохотной комнатушке на захудалом постоялом дворе.

Мешок, тщательно прикрытый тряпками, остался лежать на прежнем месте. Конан лишь прихватил с собой несколько первых подвернувшихся под руку монет. Почему-то все они оказались немедийской чеканки. Впрочем, происхождение денег не имело особого значения – хозяева постоялых дворов в любой стране не имели ничего против золота или серебра, привезенного от соседей. Лишь бы не фальшивые, а что там на них выбито, аквилонские львы, немедийские орлы или змеи Стигии – не суть важно.

Спускаясь по скрипучей и шатающейся лестнице в нижний зал, киммериец задумался над неожиданно возникшим и вроде очень простым вопросом: а где, собственно, он собирается достать одежду для своей спутницы? Не самому же в лавку идти, да и кто знает, что именно ей нужно?..

– Привет, красавчик!

Веселый голосок долетел сверху, и северянин моментально узнал, кому он принадлежал. Одной из трех служанок в «Подкове», разбитной толстушке, которую иначе как Киской Ви, никто не называл. С того дня, как двое наемников поселились в гостинице, Киска напропалую строила им глазки (чем неизменно вгоняла в краску Мораддина), а каждый вечер оказывалась в подозрительной близости от их комнаты. При этом на ее обычно жизнерадостной мордашке появлялось холодное выражение целомудренной добродетели, чему никто, впрочем, не верил. Трактирная служанка и неприступность были понятиями столь же несовместимыми, как огонь и вода. Пока все старания Киски пропадали даром, но надежды местная гроза мужских сердец явно не теряла.

– Привет, привет, – отозвался Конан, подумав, что обстоятельства, как всегда, складываются в его пользу. – Эй, моя радость, хочешь получить вот такую красивую штучку?

Золотая монетка блеснула едва ли не ярче загоревшихся глазок Киски.

– А как же! – Ви мгновенно сбежала вниз по лестнице («Интересно, почему ступеньки под ней почти не скрипят?» – подумал вдруг варвар) и преданным взглядом уставилась на заманчиво сияющий кругляшок. – Что угодно господину?

– Иди сюда, – киммериец легонько подтолкнул ее в закуток возле лестницы и Киска немедленно игриво захихикала. – Погоди ты смеяться! У меня в комнате женщина…

– У-у, – разочарованно протянула Ви, но тут же оживилась, ехидно поинтересовавшись: – И что она там делает?

– Не твое дело, моя прелесть. Поднимись наверх, спроси у этой женщины, что ей нужно, и раздобудь все, что она попросит. Держи, это тебе за труды.

Киска Ви крепко зажала полученную монетку в ладони, и, не удержавшись от приступа любопытства, осторожно спросила:

– А она кто?

– Моя сестренка, – отрезал северянин. – Так что будь с ней повежливее.

– Понятно, – вздохнула Ви и резво побежала наверх, так старательно виляя обширным задом, что было удивительно, как она держится на ногах и не падает.

Конан неторопливо позавтракал, прислушиваясь к разговорам немногочисленных постояльцев «Медной подковы» и горожан, заглянувших пропустить с утра кружечку-другую. В маленьких городах сплетни распространяются едва ли не быстрее случившегося события, однако никто не проронил ни слова про совершенное нынешней ночью ограбление в предместье. То ли подобное было привычным делом, не стоящим обсуждения, то ли о нем еще не стало известно властям и простым обывателям.

Почтенный Барракс, донельзя изумленный приличным поведением варвара, с опаской

ожидал, не окажется ли эта внезапная тишина затишьем перед бурей. Однако на хозяина постоялого двора нынче свалились другие заботы, и ему было не до непредсказуемого постояльца. До киммерийца, убедившегося, что о его ночных проделках в разговорах горожан не проскочило и словечка, долетел жалобно-возмущенный голос Барракса, оживленно делившимся описанием своих бедствий с кем-то из приятелей. Оказалось, что ночью, некие, полностью лишенные соображения и совести недоумки, забрались на скотный двор «Подковы» и с неведомой целью прикончили лучшую из обитавших там телок. Перерезав несчастной животине горло, злоумышленники скрылись в неизвестном направлении.

«Действительно, напрочь идиотский поступок, – мысленно согласился Конан. – Если бы корову украли – тогда понятно, но зарезать просто так? Зачем? Может, кому-то захотелось сделать небольшую пакость нашему почтенному хозяину? Глупая выходка…»

С мысли о свалившемся на Барракса несчастье киммериец перескочил на подозрение, что неведомые ночные гости могли заметить его самого, влезающего вместе с незнакомкой в окно. Это обстоятельство наводило на нехорошие размышления… особенно если вспомнить о лестнице на заднем дворе, так и оставшейся, по недосмотру, стоять прислоненной к стене. Задний двор – не слишком посещаемое место, однако будет лучше, если лестница как можно скорее вернется туда, где ее взяли.

«Никогда не оставляйте за собой следов,» – вот первое правило, твердо усвоенное начинающими воришками в Шадизаре, и забывать о нем не следует. Особенно если вы после долгого перерыва вновь вернулись к сему непростому и трудному ремеслу.

Поэтому после завтрака северянин отправился на небольшую прогулку по задворкам гостиницы. Деревянная расшатанная лестница по-прежнему оставалась там, куда ее второпях поставили ночью, и через несколько мгновений улетела в заросли лопухов, гулко стукнувшись о землю. Других причин задерживаться на заросшем сорняками пятачке земли у Конана не было.

Он уже собирался перепрыгнуть через покосившийся заборчик и вернуться в гостиницу, когда заметил небрежно свернутый кусок серо-зеленоватой ткани. Сверток выглядел так, словно его недавно швырнули откуда-то сверху, он шлепнулся поверх пыльных листьев лопуха да так и остался лежать.

«Бросили сверху – либо с крыши, либо… – киммериец посмотрел на темное пятно занавешенного окна. – Либо из моей комнаты. Что бы это значило?»

Старая тряпка больше напоминала мешок с дырками, но, приглядевшись, Конан понял: у него в руках не тряпка, а одежда. Мешковатая, грубо сшитая одежка, весьма похожая на принадлежавшую незнакомке. Неудивительно, что женщина хотела при первой возможности избавиться от такого жуткого безобразия.

Киммериец хотел снова свернуть рванье и забросить подальше, но, случайно перевернув, удивленно присвистнул. Всю переднюю часть одежды покрывала россыпь бурых расплывшихся пятен. Опытный взгляд наемника сразу определил в них недавно пролитую но уже подсохшую кровь.

«Из человека столько выпустить – помрет на месте, – озадаченно подумал Конан, вертя затвердевшую как доска одежку. – Значит, не ее собственная… Тогда чья? Выглядит так, будто моя старушка стояла под кровавым дождиком. Или она вовсе не старушка? Куда, Сет ее побери, она таскалась ночью? Ну ничего, сейчас она мне все растолкует, а не захочет… Очень пожалеет.»

С этой мыслью северянин тщательно спрятал залитую неизвестно чьей кровью одежду,

завернув ее в валявшиеся тут же тряпки и сунув в самую гущу лопухов. Он собирался вернуться в «Подкову» и задать неожиданно спасенной им женщине несколько вопросов… и в зависимости от ответов решить, что с ней делать.

На лестнице навстречу ему попалась не на шутку рассерженная и надутая Киска Ви.

– А говорил – сестренка! – обиженно бросила она. – Какая она тебе, варвару-дикарю, сестренка?

– Ну, пошутил, – хмыкнул Конан. – Что, не похожа?

Киска презрительно фыркнула и заявила:

– И чего она в тебе такого нашла? Она ж дворянка, сразу видно, и таким как ты, не чета вовсе. Воды-то сколько извела, прямо жуть!

«Дворянка? Что-то я ничего не понимаю…»

– Я ей все принесла, что было надо, – продолжала Ви. Оглянулась и шепотом спросила: – Слушай, а что с ней такое случилось?

– Много будешь знать… – многозначительно начал киммериец, но Киска уже убежала, шлепая стоптанными каблучками по лестнице. Конан задумчиво посмотрел ей вслед, стукнул в дверь и вошел.

* * *

Незнакомка, подобрав ноги, удобно устроилась на кровати. Из двух табуретов она соорудила подобие стола, водрузила на него уставленный тарелками поднос и сейчас с волчьим аппетитом уплетала все подряд. Услышав скрип двери и шаги, тихо ойкнула, спрыгнула на пол и замерла посреди комнаты.

«Ничего себе старушка», – с легким изумлением признал Конан. Маленькой женщине в чуть великоватом темно-синем платье, неподвижно застывшей с опущенной головой, было не больше двадцати лет. Если не меньше. И обтянутый кожей скелет она больше не напоминала. Просто худенькая.

Разлохмаченная копна волос теперь была заплетена в две толстые косы, лежавшие на узких плечах девушки, и киммериец понял, почему Киска Ви сочла незнакомку дворянкой. Чувствовалось в ней что-то от прирожденной аристократки, даже сейчас, когда она просто стояла, ожидая, как повернется ее судьба. Единственное, что выдавало ее волнение – крепко стиснутые кулачки с отчетливо выступившими косточками.

– Ты кто? – почему-то вполголоса поинтересовался Конан.

– Рата, – быстро отозвалась девушка, по-прежнему упорно смотря в пол. – Из Элиды в Аргосе.

«Каким это образом она угодила из Аргоса в Замору, на другой конец света? – недоуменно подумал киммериец. – Рата… Насколько я понимаю, стигийское имя, хотя на стигийку моя красавица вовсе не похожа…»

– Элида – это что? Город?

– Нет, – Рата покачала головой. – Деревушка. На правом берегу Хорота, от Мессантии лиг тридцать вверх по течению. Маленькая такая деревушка…

Девушка наконец-то оторвала взгляд от плохо оструганных досок пола и нерешительно

посмотрела на своего спасителя. Смотреть ей пришлось снизу вверх: ростом она не доставала северянину даже до плеча.

Но если бы она вдобавок к маленькому росту оказалась горбатой, кривоногой и сухорукой, за один ее ласковый взгляд можно было смело ввязываться в любую неприятность. Даже грозящую завершиться на Серых Равнинах.

На узеньком и очень бледном личике Раты глаза были самой заметной частью. Чуть раскосые, светло-карие с желтоватым оттенком, напоминающим цвет свежего меда, в обрамлении длинных загнутых ресниц. И женщину с такими глазами сажать в клетку?..

– А скажи-ка мне, как звали твоего хозяина? – медленно проговорил Конан.

– Зачем? – слегка испуганно спросила Рата и попятилась.

– Изловлю и кишки на уши намотаю.

– Не надо, – очень серьезно сказала девушка. – То есть, конечно, надо… Но лучше не стоит. Он, наверное, сам сейчас лезет на стену. В тайнике были почти все его сбережения, – она подумала и деловито прибавила: – около полутора тысяч золотом.

– Половина твоя, – не долго думая, брякнул киммериец, и Рата удивленно подняла брови:

– Зачем они мне?

– А на что ты собираешься жить?

– Д-да… – растерянно согласилась она. – Этого я как-то не учла…

Она вернулась к кровати и присела на краешек, держась по-прежнему настороженно, точно ожидая новых напастей. Конан устроился напротив, на полу. Помолчав, Рата неуверенно сказала:

– Та девушка, здешняя служанка, говорила, что ты наемник…

Тут северянин сообразил, что забыл назваться.

– Точно, наемник. Конан из Киммерии.

И ухмыльнулся про себя, ожидая привычного вопроса, задаваемого всеми, кому он представлялся: «Киммерия – это где?»

– А я почему-то решила, что ты из Ванахейма, – спокойно заявила Рата, и варвар решил, что ослышался. Эта девчонка знала о существовании далеких северных стран, мало того – совершенно правильно произносила названия! – Впрочем, ванахеймцы все светловолосые…

– Послушай, – Рата наклонилась вперед, нервно перебирая ткань ветхого покрывала на кровати. – Наверное, нам стоит о многом поговорить. Я… Мне не так часто спасали жизнь, и поэтому я совершенно не представляю, что надо делать в подобных случаях. Если бы не ты, я продержалась бы еще пару дней, и померла. Но… – она окончательно запуталась в словах и с трудом произнесла: – Мне даже нечем отблагодарить тебя.

– Расскажи, как ты здесь очутилась и за что тебя посадили в клетку, – попросил Конан, подумав: «Будто не знает, чем может отблагодарить! Ладно, нельзя требовать всего и сразу… пусть в себя придет, а там посмотрим.»

– Я поссорилась с хозяином… – послушно начала Рата и перебила сама себя: – Нет, пожалуй, начать надо с другого. Я родилась в Аргосе, но имя у меня стигийское, означает оно – Молчание. Не помню, как меня звали родители. Мне было лет десять, когда я попалась стигийским работорговцам, и они научили меня тому, чем я занимаюсь теперь.

Она вздрогнула, точно от холода, и торопливо пояснила:

– Это не самая радостная часть моей жизни, и я не люблю ее лишний раз вспоминать.

– Чему же тебя научили?

– Я сторож, – с тихой гордостью сказала Рата, и, заметив непонимающий взгляд киммерийца, разъяснила: – Я могу сделать так, чтобы человек испугался собственной тени. Отвести глаза вору или убийце. Слышу, когда лезут в дом, даже когда сама сплю…

– Ты что, колдунья? – с опаской спросил Конан, но девушка с досадой замотала головой:

– Нет! Я просто умею так делать, а магия или стигийское черное волшебство здесь ни при чем. Родилась такой.

– Тогда почему ты позволила мне обчистить твоего хозяина?

– Потому что хотела жить, – спокойно ответила Рата. – И чтобы проучить этого дурака, решившего, что меня можно безнаказанно запереть в клетку.

– Так за что тебя?

Девушка резко опустила голову, пытаясь скрыть болезненно-красные пятна, вспыхнувшие на лице, затем выпрямилась и отчеканила:

– Я сторож, а не подстилка! И сама решаю, с кем и…

– Понятно, – хмыкнул киммериец. – Я так и подумал. Что ж ты его не припугнула?

– Я пообещала, что превращу его жизнь в кошмар, – вздохнула Рата, постепенно успокаиваясь. – А он заявил, что перестанет меня кормить. Засунул в клетку, держал впроголодь, и я ничего не могла сделать… Только надеяться, что либо наконец умру, либо кто-нибудь решится ограбить дом и я смогу сбежать.

– А как ты жила раньше? Тоже по клеткам?

– Мои прежние хозяева уважали меня, – задумчиво сказала девушка. – У меня всегда была возможность выбирать, кому пойти служить. Меня покупали, как породистую злую собаку… нет, неправильно. Скорее, как ручную пантеру. Когда человек не доверяет ни своим родным, ни слугам, он идет к торговцу дикими животными и покупает зверя. Ему доставляют покупку, но всегда предупреждают о том, что нужно помнить несколько правил.

Первое, – она загнула палец, – то, что вы заплатили за животное, еще не означает, что вы стали его хозяином. Второе – пантера только называется ручной, но всегда остается дикой. Никогда не повышайте на нее голос, не бейте, не морите голодом, а то она пообедает вами. Третье – выполняйте ее желания. Их не так много и им несложно угодить, а трудностей сразу станет меньше.

Все мои владельцы соблюдали этот договор, и у меня не было причин жаловаться. Я переезжала из страны в страну, ко мне хорошо относились и немного побаивались. Чаще я охраняла дома, спрятанные тайники, кладовые, но иногда меня брали с собой в поездки, как телохранителя. Моих хозяев ужасно забавляло, что их охраняет девчонка, на которую никто не обращает внимания. Конечно, все пялятся на ту стражу, что сама бросается в глаза – всякие здоровенные мужики в кольчугах да при мечах – и никому не придет в голову, что по-настоящему надо бояться маленькой соплячки…

Рата остановилась перевести дух, а Конан подумал, что поведанная ей история действительно заслуживает названия необычной. До чего только не додумаются одержимые стигийские колдуны – сделать из хрупкой девушки подобие свирепого наемника. Неудивительно, что Рата не хочет вспоминать о том, как это происходило.

Однако у северянина по-прежнему оставалось твердое убеждение, что его подопечная кое-что недоговаривает или скрывает. Были определенные мелочи, недомолвки, не позволяющие поверить Рате до конца. Она ведь ни словечком не обмолвилась, куда ходила нынешней ночью и где попала под проливной дождь из крови.

– С последним хозяином мне не повезло, – вновь заговорила Рата. – Предыдущий был

старым и внезапно умер, у него оказалось множество долгов и наследники продали имущество с торгов. Так я попала сюда, и, честно говоря, мне здесь совсем не понравилось. Убогий, забытый городишко…

– Значит, ты побывала во многих странах?

– Аргос, Стигия, потом Шем, – перечислила девушка. – Немедия, Офир. И напоследок – Замора. Теперь как бы отсюда выбраться…

– Раздобыть лошадь и через два дня будешь в Аренджуне, – проворчал варвар, припомнив, что сам застрял в этом похожем на стоячее болото городке. – Кстати, ты так и не сказала, откуда знаешь про земли на севере.

– Мне рассказывали, – Рата с грустью вздохнула. – Я тогда жила в одном семействе в Асгалуне. К моему хозяину нанялся телохранителем человек из страны под названием Асгард. Его звали Эйрик, Эйрик Секира, и мы стали большими друзьями.

– Друзьями? – подозрительно переспросил Конан.

– Ну-у… Почти, – Рата слабо улыбнулась. – Он был хорошим человеком, и я очень тосковала, когда он решил вернуться домой и уехал. Бороду в косичку заплетал. Смешно… А что ты делаешь в этом городе?

– Жду, – неохотно ответил киммериец.

– Кого?

– Приятеля. Он уехал в Аренджун, и вернется дней через пять. Если останется в живых.

– А можно узнать, зачем тебе понадобилось лезть в дом? – невинно-ехидным голосом осведомилась Рата.

– За деньгами, конечно, – не менее едко отозвался Конан. – Не за тобой же…

– Кости! – поколебавшись, уверенно предположила девушка. – Много проиграл?

– Все. И золото приятеля тоже. Ежели он узнает – убьет… Погоди, а ты откуда знаешь?

Рата скромно опустила глазки и, судя по ее виноватому виду, призналась в самой сокровенной тайне:

– Очень люблю играть, но все время не везет… Наверное, невезучие игроки чем-то схожи, потому и догадалась.

– М-да… – только и сказал киммериец. Рата невольно начинала ему нравиться. Пусть она даже наполовину не была так красива, как недавно встретившаяся на пути двух наемников дочка старого зуагирского шейха из крепости Баргэми. Зато, оказавшись в таком же безвыходном положении, как прекрасная зуагирка, Рата точно не стала бы рыдать и безропотно ждать спасения со стороны. Сумела же она, не колеблясь, ухватиться за подвернувшуюся возможность покинуть дом, где с ней так отвратительно обращались, и при этом еще изрядно насолить хозяину.

– А ты мне потом расскажешь, как вас с приятелем сюда занесло? – искренне поинтересовалась Рата. – Только не сейчас, ты извини, я опять спать хочу… Извини пожалуйста.

Она свернулась на кровати, натянула на себя вылинявшее покрывало, завернувшись в него с головой, и уже через несколько мгновений тихонько засопела.

«Что же ты не спросил, где она гуляла? Язык не повернулся? – ядовито напомнил сам себе Конан, и пообещал: – Ладно, спрошу. Потом. А пока…»

Пока требовалось немедля придумать, как надежно укрыть Рату. У киммерийца уже имелась пара хороших идей, подсказанных древним как мир советом: «Если хочешь что-то спрятать – положи у всех на виду», но для их осуществления требовалось раздобыть кой-

какие вещи.

Убедившись, что девушка действительно крепко спит (а если притворяется, то довольно искусно) и не собирается просыпаться по крайней мере до вечера, Конан вышел из комнаты и стал спускаться вниз по скрипучей лестнице, жизнерадостно мурлыкая:

А он – вот ведь скотина! – прикончил Мораддина:

Стрела из арбалета вонзилась гному в это…

Старая песенка наемников, несколько переделанная киммерийцем в соответствии с нынешними обстоятельствами, неизменно приводила бывшего капитана тайной гвардии в состояние еле сдерживаемого бешенства. Причем не столько содержание, полное весьма подробных описаний различных историй из жизни вольных искателей приключений, сколько манера исполнения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В большом полутемном зале, занимавшем почти весь первый этаж постоялого двора, творилось что-то неладное. Обычно в это время, когда день завершался, плавно переходя в вечер, зал вопиюще пустовал. Добропорядочные горожане неторопливо разбредались по домам, а любители шумных ночных кутежей только продирали глаза, начиная с трудом соображать, где они находятся, и вспоминая, чем занимались вчера.

Нынче, похоже, обитатели Дэлирама задались целью нарушить все установленные традиции. Вокруг одного из столов расположилось не меньше десятка человек, а их оживленная беседа вряд ли заслуживала наименования тихой и мирной. Она куда больше напоминала суетливый переполох в курятнике, вызванный появлением охотящейся лисы или вечно голодного хорька. В общем шуме порой выделялся пронзительный щебет Киски Ви, горячо отстаивающей свое мнение.

Заинтересованный причиной столь необычного сборища, Конан подошел поближе и немедленно попался на глаза Ви, сердито крикнувшей:

– Мне не верите, так спросите хоть у него!

– А в чем, собственно, дело? – небрежно осведомился киммериец, без лишних церемоний отодвигая в сторону какого-то замешкавшегося старого крикуна и усаживаясь на его место. – Что, Замора с нынешнего дня окончательно стала туранской провинцией?

Вопрос о том, кому в действительности принадлежат провинции у закатных подножий Кезанкии, был наиболее волнующим для их жителей. Однако сейчас никто не бросился с пеной у рта отстаивать самостоятельность своей страны. Барракс лишь досадливо скривился, и неуверенно начал:

– Почтенный господин наемник, как мне кажется, побывал во многих странах…

– Ну и?.. – подбодрил запнувшегося владельца постоялого двора северянин.

– Скажи, а гули бывают? – Ви нетерпеливо перебила хозяина, собиравшегося продолжить свою мысль.

– Гули? – удивленно переспросил Конан. – У вас что, гули завелись?

Тут на него обрушился такой шквал воплей, предположений и совершенно непонятных постороннему сплетен, что киммерийцу пришлось треснуть кулаком по столу и заорать:

– А ну тихо все! Пусть говорит кто-нибудь один!

После чего в «Медной подкове» наступила мертвая тишина, и в ней прозвучал слегка дрожащий голос Барракса:

– Ви показалось, будто у нас в городе появился гуль.

После долгих расспросов и не совсем вразумительных ответов выяснилось следующее. Каждый месяц через Дэлирам проходило два-три каравана – из Султанапура по Дороге Королей, из Аграпура, Акита, или из Шадизара и Аренджуна. Караваны порой задерживались в городке, и неудивительно, что содержатель постоялого двора (да и не только он один) хорошо знал всех проводников, хотя бы раз в месяц появлявшихся в его заведении.

Благодаря обширным знакомствам почтенный Барракс мог с уверенностью предсказать, когда ожидается тот или иной караван, или когда проводники просто проедут мимо, направляясь к месту встречи с очередным работодателем. Последний караван прошел к Султанапуру дней двадцать назад, и хозяин «Подковы» со дня на день ожидал возвращения своего давнего приятеля, туранца Марида, бывшего старшиной караванщиков.

Марид с тремя сопровождавшими его помощниками и родичами действительно вчера вечером благополучно добрался до Дэлирама. Туранцы остановились в недавно выстроенном неподалеку от Дороги Королей караван-сарае, а Марид, как были уверены его спутники, отправился прямиком в гости к Барраксу.

Прошла ночь, настало утро, затем день, караванщики собрались трогаться в путь, а их старшина словно в воду канул или исчез где-то в просторах выжженной солнцем степи, начинавшейся за городом. Встревоженные туранцы учинили тщательнейший розыск в окрестностях караван-сарая, навестили все питейные заведения да постоялые дворы, где мог по каким-то причинам застрять Марид, и, наконец, обнаружили его. В предместье, возле давно заброшенного пустующего дома.

К сожалению, старшина караванщиков отправился в свой последний переход, из которого не возвращаются. Отбыл он туда, что было самым жутким и пугающим, разъятым на части. Один из нашедших труп туранцев до сих пор не мог придти в себя, а его товарищи начали всерьез опасаться, что бедняга повредился рассудком.

– Ну хорошо, а при чем здесь гули? – задал вполне резонный вопрос Конан, с трудом дослушав до конца печальную историю, постоянно прерываемую попытками установить, кто первый узнал о случившемся, и воспоминаниями о давних временах.

– Как при чем? – возмутилась Киска Ви, округляя глаза и всем видом показывая, как она ужасно напугана и настоятельно нуждается в немедленной защите сильных и храбрых мужчин. Не было ни малейшего сомнения, что Ви найдет себе таковую еще до наступления ночи. – Марида то на кусочки разорвали! Кто так мог сделать? Только гули!

– Гули, моя дорогая, если они еще не перемерли, живут на другом конце света, – отрезал киммериец. – Россказней про них много, но живьем их почти не видели. Кто знает, может их не было никогда, а все байки – просто пьяный бред.

– Вот и я говорю – неоткуда здесь гулю взяться, – поддержал варвара Барракс. – Марид, наверное, наткнулся на бродячих псов, они его и прикончили. А ты выдумываешь невесть что, людей пугаешь… Марш на кухню!

Ви состроила обиженную гримаску и ушла только после того, как Барракс дважды прикрикнул на нее. Хозяин долго и многословно извинялся, упирая на то, что Киска девушка впечатлительная, глуповатая, а потому верит во всякую ерунду. Конечно, жаль столь нелепо и неожиданно погибшего туранского караванщика, но обвинять в его смерти гулей – невообразимая чушь!

Большинство присутствовавших, в том числе и Конан, полностью согласились с мнением многоопытного владельца постоялого двора. Спор сам собой затих, сойдя на нет, и зал начал потихоньку пустеть.

Северянин же ненадолго задержался, узнавая у Барракса расположение близлежащих лавок, где продавались вещицы, необходимые для приведения в жизнь его плана.

Уже шагая по улицам притихшего вечернего городка, Конан поймал себя на том, что думает о словах Киски, и вполголоса выругался. Ви молола сущую чепуху, не стоящую ломаного медного гроша, что было очевидно для любого здравомыслящего человека. И вообще, какое лично ему дело до всех туранских караванщиков, вместе взятых? Правильно, никакого. А заподозрить, что в занюханном городишке обитает гуль, могла лишь дурочка, подобная Киске, и от рождения начисто лишенная мозгов.

Гули Рабирийских гор были страшным преданием Южного побережья. Невысокие, поросшие густым непролазным лесом горы тянулись вдоль правого берега Хорота, разделяя

Аргос и Зингару. Возможно, что гули – существа, внешне похожие на людей, но предпочитавшие человеческую кровь всему остальному – некогда на самом деле обитали там. Однако вот уже почти сотню лет никто не мог с уверенностью сказать, что видел живого представителя ночного племени.

Да, порой в Рабирийских горах бесследно исчезали большие караваны и посланные на их поиски вооруженные отряды, но с равным успехом это могло быть делом рук самых обыкновенных людей или животных. Да, в Мессантии, стоявшей на правом берегу великой реки, неподалеку от зловещих гор, по-прежнему обивали двери и окна тонкими полосками серебра, веря, что оно помешает гулю проникнуть в дом. Да, рискнувшие сунуться в леса одиночки (чаще всего наемники, пробирающиеся из одной страны в другую, или бродячие торговцы) с ужасом повествовали о чарующих голосах, манящих за собой, и о странных тенях, мелькающих среди деревьев.

Однако рассказы оставались не более чем рассказами.

Половина из страшных баек, по мнению киммерийца, не заслуживала ни капли доверия, а вторая половина была перевранными бабушкиными сказочками. Гули-кровопийцы отжили отпущенный им век и тихо передохли. Если где-то и уцелело два-три, то у них давно выпали все оставшиеся зубы, и они не способны загрызть даже самого хилого зайца.

Правда, в Аргосе до сих пор никто не селится на правом берегу Хорота. Только на океанском побережье и вблизи Мессантии.

«Постой, а что говорила Рата? – напомнил сам себе Конан и от неожиданности остановился, вспомнив слова девушки. – Элида, маленькая деревушка… на правом берегу! Может, в Аргосе уже настолько осмелели, что перестали бояться гор? Или Рата что-то напутала? В конце концов, она давно покинула дом, а за десять лет позабудешь все, что угодно… Даже то, на каком именно берегу реки ты жил? Совершенно не верится.»

Часть нужных лавок уже закрылась, но некоторые работали, и в гостиницу киммериец вернулся вместе с небольшим мешочком, в котором что-то тихо позвякивало. Он ожидал, что девушка будет спать, но Рата сидела на расстеленном на полу коврике и чем-то увлеченно занималась, обернувшись только на скрип двери.

* * *

За время отсутствия варвара Рата умудрилась привести маленькую комнату в совершенно жилой вид, прибрав изрядный разгром, устроенный наемниками, и раздобыла толстую длинную свечу, установленную теперь в медной плошке на одном из табуретов.

В неярком оранжевом свете Конан разглядел, чем развлекалась девушка. Она держала в руках обычнейший деревянный стаканчик для метания костей, а только что брошенные кубики раскатились по коврику.

– Выиграла! – обрадовано сообщила Рата вместо того, чтобы задать ожидаемый киммерийцем вопрос: «А где ты был?»

– Что там у тебя? – северянин стянул через голову перевязь с мечом и присел напротив Раты, положив клинок в пределах досягаемости. – Пять, четыре и конь… Где ж ты выиграла? Дай сюда!

Девушка собрала кости и протянула треснувший с одного боку стаканчик варвару. Желтоватые кубики снова разлетелись по полу, и оба наклонились, смотря, какое сочетание выпало. В Заморе для игры использовали три кости – две с привычными точками, одну с изображениями животных и предметов, имевших различное достоинство. «Конь» – крохотный силуэт скачущей лошади – приравнивался к шестерке.

– Два, пять, полумесяц… И здесь не везет! – с досадой сказал Конан. – Ладно, раз выиграла – держи.

Он перебросил принесенный с собой мешок на колени к удивленно наклонившей голову девушке.

– Что там? – Рата развязала тесемку на горлышке мешка и осторожно заглянула внутрь, точно ожидая появления ядовитой змеи или неожиданно выпрыгивающей лягушки. Поколебавшись, запустила руку в мешок и вытащила тускло блестящий узкий браслет. – Это мне? Зачем?

– Затем, что мы совершенно неправильно поступаем, – охотно пояснил киммериец. – Ты должна не прятаться, а быть на виду. Твой бывший хозяин где тебя покупал?

– В Шадизаре, – отозвалась Рата, бережно перебирая лежавшие в кожаном мешочке украшения. – И тайком привез сюда.

– Значит, здесь тебя никто не видел и не знает, так?

– Так, – подтвердила девушка. – Меня никому не показывали.

– А тогда каким способом он докажет, что купленная им девчонка и путешествующая по своим делам дворянка из Аргоса – одно и то же лицо? – торжествующе закончил варвар. Рата озадаченно замолчала, а затем неуверенно уточнила:

– И этой дворянкой буду я?

– Ну не я же, – хмыкнул Конан. – Я вполне сойду за твоего телохранителя. Здешняя служанка, Киска Ви, сразу решила, будто ты из благородных, а раз так подумала она – подумают и другие. Сочиним душещипательную историю, чтобы объяснить, как ты объявилась в «Подкове», дождемся Мораддина и свалим отсюда. В Аренджуне я знаю людей, которые выправят бумаги, в которых будет проставлено что ты королева немедийская, а самое интересное, их будет не отличить от настоящих. Потом можешь делать, что угодно – оставаться в Заморе или ехать в свой Аргос.

– Почему ты так поступаешь? – тихо спросила Рата. Ее странные глаза в неверном свете огонька свечи казались золотистыми. – Я случайно оказалась на твоем пути, ты обо мне ничего не знаешь…

– Перестань, – отмахнулся киммериец. – Ты же помогла мне обокрасть твоего хозяина. И вообще – мы, дикари, народ непредсказуемый и опасный, понятно? Что хотим, то и творим.

Девушка согласно кивнула, чуть слышно хихикнула, и поинтересовалась:

– А почему бы не уехать, скажем, завтра? Или ты обязательно хочешь дождаться своего друга? Дорога здесь одна, ты можешь его встретить по пути.

– Не на чем ехать, – пояснил Конан. – В здешней дыре не продают лошадей, а свою я проиграл. Если у нас будет хоть одна лошадь, я смогу пойти пешком, а ты поедешь.

Рата задумалась, что-то подсчитывая на пальцах, а затем заявила:

– Через два дня в городе базар. Туда иногда приходят кочевники и туранцы, продают коней.

– Тем лучше для нас. Глядишь, раздобудем чего-нибудь… – проворчал киммериец, и,

вспомнив сегодняшний шумный спор, спросил: – Ты слышала, что стряслось?

– Да, – утвердительно кивнула Рата. – Убили какого-то человека, туранца-караванщика. Ви прибегала и рассказывала. По-моему, она очень напугалась.

– Киска вбила себе в голову, что в Дэлираме прячется гуль, – как бы невзначай уронил северянин.

– Что, что? – изумленно переспросила девушка. – Гуль? Какая чепуха!

– Вот и я так думаю, – согласился варвар. – Но ты росла в Аргосе, тебе лучше знать, живут там вампиры или нет. Кстати, напомни, как назывался твой городишко?

– Нет! – убежденно сказала Рата. – Гули давным-давно перемерли или ушли из Рабиров. У нас их никто никогда не видел. А моя деревня называется Элида. Она лежит на левом берегу Хорота.

– Ты говорила – на правом, – напомнил Конан.

– Я забыла, – виновато и вроде бы искренне призналась девушка. – Я очень давно убежала оттуда. Почему-то мне показалось, что Элида стояла на правом берегу. Конечно, на левом. На правом никто не селится. Традиция.

«Убежала? – недоуменно повторил киммериец. – А заливала, что ее похитили злобные стигийцы… Что-то ты врешь, моя красавица. Не знаю, почему и ради чего, но врешь, причем неумело.»

Он не сомневался в том, что Рата действительно из Аргоса – хоть она довольно бойко говорила на заморийском, акцент все равно сохранялся. Такие протяжные «э» и «л» произносят только выходцы из Мессантии, и просто так от привычки не избавишься.

Задумавшись, северянин не сразу обратил внимание, что девушка обращается к нему:

– Расскажи, как вы с приятелем здесь очутились. Помнишь, ты обещал.

– Долгая история, – неохотно отозвался Конан. – Ну ладно, раз обещал… Значит, нанял меня месяца два назад один купчишка из Султанапура, чтобы я прогулялся через Кезанкию и нашел путь покороче, чем Дорога Королей. С этого все и началось, а потом ни дня спокойного не было…

Рассказ о Султанапурских приключениях действительно получился длинным, то и дело прерываемым хохотом каждый раз утыкавшейся в подушки Раты. Под конец у девушки не осталось сил смеяться и она тихонько всхлипывала, подвывая от восторга и спрашивая сквозь слезы: «А дальше? Дальше что было?»

– …А потом мы перевалили через горы и увидели внизу какой-то поселок. И тут стало ясно, что либо мы топаем на своих двоих, либо останавливаемся и ждем, пока лошади снова согласятся везти нас, – завершил свое повествование о пребывании двух авантюристов поневоле в славном городе Султанапуре киммериец. – Мораддин на второй день уехал, я остался и собирался малость повеселиться, но сама видишь, что получилось…

Рата зарылась лицом в скомканное покрывало и снова неудержимо расхохоталась. Отсмеявшись, серьезно сказала:

– Завидую. Честное слово. Черной завистью. Оказывается, ты и твой приятель еще более страшные типы, чем мне показалось. Ох, сто лет так не смеялась…

– Было б чему завидовать, – хмыкнул слегка польщенный Конан. – Так, немного встряхнулись.

– Если это – «немного», то что же произойдет, когда будет «много»? – Рата с преувеличенной тревогой схватилась за голову. – Представляю… По меньшей мере, разрушением пары городов дело не обойдется. Не забудьте предупредить, когда начнете, надо

будет успеть вовремя спрятаться.

Она насмешливо фыркнула, отодвинулась вглубь кровати, прислонившись к стене, и уже спокойно сказала:

– Поздно как… Ты спать будешь?

– Наверное, – отозвался киммериец, устраиваясь на своей подстилке.

– Свечку погасить?

– Мне не мешает.

Толстая желтоватая свеча сгорела почти до половины, украсившись причудливыми наплывами. Рата, похоже, выспалась за день, и теперь сидела, над чем-то задумавшись и медленными движениями расплетая косы. Конан постепенно задремал, когда рядом с ним осторожно шевельнулось что-то живое.

– Это как понимать? – ехидно осведомился северянин, мгновенно просыпаясь.

– Ну-у, – задумчиво протянула Рата, устраиваясь поудобнее. – Меня всегда интересовало, почему все мои хозяйки – даже бывшие в столь преклонном возрасте, когда пора всерьез прикидывать, какой именно цвет савана больше пойдет к лицу – предпочитали проводить ночи не с законными мужьями, а с телохранителями. А теперь представился замечательный случай самой это выяснить… Кроме того, я все таки в долгу перед тобой.

– И что, ты всегда отдаешь долги таким способом? – не удержался от язвительной подначки Конан.

– Конечно, нет, – невозмутимо ответила Рата. – Но если ты против…

– Я этого не говорил! – пожалуй, слишком поспешно возразил варвар.

– Тогда о чем, собственно, речь? – вкрадчиво промурлыкала девушка, и ее узкие прохладные ладони мягко скользнули по плечам Конана.

* * *

…Все было просто замечательно, однако некоторые вещи происходили не так, как всегда.

Это простое соображение медленно, но верно перерастало в уверенность, находя все новые подтверждения. Ну скажите на милость, где вы встречали женщину, которая ведет себя так, словно несколько лет провела в подземной тюрьме-одиночке или тайном храме Митры со строжайшим обетом молчания, а вырвавшись на свободу, продолжает соблюдать накрепко вколоченные правила?

Женщину, которая не издает почти никаких звуков, только порой урчит, как довольная пантера? Которая целуется, не размыкая губ, и то всячески увертывается от вас, а то начинает вытворять такое, что искушенные красотки из веселых домов в Султанапуре изрядно бы призадумались? Короче, такую одержимую и во многом неповторимую сумасбродку, как Рата?

Правильный ответ – нигде. Значит, вам просто не повезло.

Впервые за пять дней пребывания в Дэлираме киммериец чувствовал себя полностью довольным жизнью. Все таки сто раз правы те, кто утверждает: «Все, что не происходит в мире – к лучшему.» Если бы не проигрыш, он никогда бы не встретил маленькую девушку,

похожую на кошку с золотыми глазами, решившую по каким-то известным только ей причинам прикинуться женщиной.

Рата сидела, поджав ноги, и тщетно пыталась расчесать волосы, превратившиеся в хорошо свалявшуюся шерсть. Костяной гребень намертво застревал в перепутавшихся прядях, однако девушка с невиданным упрямством продолжала свое дело, не обращая внимания на иронические смешки Конана и его советы типа: «Обстригись, могу даже нож одолжить.»

– Нечего хихикать! – наконец не выдержала она, лишившись особо густого локона. – Ну посмотри, что ты натворил!

– Брось, – киммериец попытался отобрать у нее гребень. – Иди сюда.

– Пусти! – дурашливо заверещала Рата. – Ай! Ну отпусти же!

Она тщетно попыталась вырваться и засмеялась.

Лучше бы она этого не делала.

Конан никогда не думал, что такая простая вещь, как улыбка, может превратить милое и ничем в общем не примечательное лицо в подобие жуткой маски, смахивающей на изображение лика Дэркето. Безумной Дэркето – стигийской богини страсти, сводящей с ума и заставляющей людей становиться животными.

За узкими губами девушки по имени Молчаливая скрывались мелкие, заостренные зубки, больше подходившие хищному животному. Четыре острейших клыка влажно поблескивали, отчего улыбка походила на оскал.

«Померещилось… – северянин крепко зажмурился и потряс головой, надеясь, что кошмарное видение сгинет само собой. – Вроде ж не пил сегодня… Ну как, пропало?»

Рата неподвижно сидела в прежней позе, словно оцепенев посреди недовершенного движения, и в ее расширившихся глазах стыл ужас. Медленным движением она поднесла ко рту узкую ладонь и судорожно шарахнулась назад, рывком вскакивая на ноги.

«Не померещилось, – пробормотал киммериец, совершенно не представляя, что стоит предпринять в подобной ситуации, но по впитавшейся в кровь привычке протягивая руку к лежавшему неподалеку мечу. – Так вот оно что…»

Девушка метнулась в угол комнаты, едва не свалив по дороге табурет и стоявшую на нем свечку, и замерла, сгорбившись и пытаясь сжаться в комочек. В спертом воздухе комнатушки повисло напряженное молчание.

– Если хочешь меня убить, – деревянным, каким-то посторонним голосом произнесла Рата или создание, что носило это имя, – я даже не буду сопротивляться Тебе сделать это проще простого, а мне теперь все равно…

Может, именно так выглядел единственно возможный и верный выход, но взять и прикончить девушку, со спокойствием отчаяния предлагавшую собственную жизнь… Пусть такими делами занимается кто-нибудь другой. Да, куда потом прикажете девать ее труп?

«Ну-ка спокойно! – прикрикнул сам на себя Конан. – Можешь ты хоть раз в жизни подумать, прежде чем натворить дел? В конце концов, она ничем не отличается от обычной женщины. Почти не отличается…»

– Ты гуль, – с удивившим его самого спокойствием произнес киммериец.

– Да! – едва ли не в полный голос закричала Рата. – Да, да, да! Вампир, кровопийца, тварь, заслуживающая осинового кола в живот! Нечисть, нежить, что еще?

– Не ори, здесь стенки тонкие, – напомнил северянин, и девушка внезапно смолкла на полуслове. – Ну что мне теперь с тобой делать, а? Убивать, честно говоря, жалко. Выгнать? Снова угодишь в клетку, если не что похуже.

Он ожидал, что Рата сейчас заплачет или сделает нечто подобное, но девушка по-прежнему молчала, бросая исподлобья короткие взгляды. Потом она осторожно опустилась на пол, точно пытаясь слиться с деревом обшарпанных стен.

– Так как решим? – спросил то ли у нее, то ли у себя Конан. – Чистосердечное признание и так далее… Того беднягу туранца не ты, случаем, отправила прогуляться по дороге без конца?

– Нет, – тихо, но очень твердо сказала Рата.

– А как насчет деревеньки Элиды то ли на правом, то ли на левом берегу?

– Она на правом, но я никогда там не жила. Послушай… – девушка собралась с духом и заговорила чуть громче. – Можешь мне не верить, но я говорила правду. Я сбежала из дома, из Рабиров… Если уж быть точной, меня выгнали, и не прошло и месяца, как я попалась стигийцам. Они обучили меня быть сторожем и продали в Аргосе.

– За что тебя выгнали? – перебил киммериец. – Куда ты уходила ночью, когда я приволок тебя сюда? Быстро!

– Я… – начала Рата и сбилась. Коротко махнула рукой, решив, что другого выхода все равно нет, и точно бросилась в ледяную воду: – Я пошла искать еду. Мой хозяин боялся, что я выполню свою угрозу и устрою ему веселую жизнь, если он не перестанет приставать ко мне, и потому не давал мне пищи без которой я не могу жить. Я убила корову, и… наелась. Иначе бы ты нашел утром вместо Раты ее скелет. Я больше не могла терпеть, я умирала.

– Значит, корову Барракса зарезала ты, – задумчиво повторил варвар. – А почему не меня или другого первого попавшегося человека?

– Я не могу убивать людей, – с трудом выговорила Рата и опустила голову, так что спутанные пряди закрыли ее лицо. – Поэтому меня прогнали. Я слабая, и, вдобавок, мне противно это делать.

«Поверить? Очень похоже на правду, если только здесь возможно отличить, где правда, а где ложь… Вот тебе и жуткие гули, – киммериец посмотрел на сжавшуюся в углу девушку. – И почему я не полез в другой дом?.. Если бы мне так везло в кости, как на дурацкие переделки, то Конан киммериец давно уже бросил мотаться туда-сюда по свету.»

– И как же ты… кхм… ну… живешь? Я считал, что гули обязательно должны каждую ночь приканчивать двух-трех человек…

– Тогда людей на земле просто бы не осталось, – грустно сказала Рата. – Это мы сами придумали и распустили слухи, чтобы нас боялись. Мне достаточно раз в три-четыре дня крови маленького животного. Кролика или курицы. В остальное время я ем то же самое, что и обычные люди.

– Барракс держит куриц, зачем тебе понадобилась его любимая телка?

– Я была очень голодная, – призналась девушка и нерешительно подняла голову. – И очень торопилась. Лучше одна корова, чем десять куриц. Наверное, надо ему заплатить…

– А что ты ему скажешь? Что у тебя было плохое настроение и, чтобы развеяться, ты пошла и перерезала глотку его корове? – съязвил Конан. – Кстати, чем ты это сделала? Зубами? Между прочим, ты вся перемазалась и выкинула потом одежку из окна, так?

– Да. У меня не получилось сделать все быстро и без шума, корова стала метаться, и я промахнулась. Я взяла нож на кухне, потом вымыла и положила обратно, – торопливо ответила Рата. Потом вздохнула и с горечью проговорила: – Ты не веришь. Ни единому моему слову. Так, наверное, и должно быть, я зря понадеялась, что сумею выдать себя за человека. Мы – нежить из ночных лесов, рыщущая в поисках добычи, и большинство из нас

действительно хищники с обликом человека. С какой стати я должна от них отличаться? Может, мне лучше уйти? На худой конец, я могу вернуться обратно…

– В клетку? – жестко уточнил киммериец, и девушка вздрогнула. – Тебе так нравится вонючая солома и общество крыс? И еще мне кажется, что твой хозяин предпочел бы вернуть украденное золото, а не тебя. Что ты ему наплетешь?

– Я не знаю, где деньги, – дрожащим и очень правдивым голосом отозвалась Рата. – Человек, что выпустил меня, забрал все и унес с собой. Я не знаю, кто был этот человек и не разглядела его лица. Он ушел, а я осталась. Днем пряталась, вечером попыталась украсть еды…

– Не пойдет, – отрезал северянин. – Никто не поверит. Твой хозяин либо душу из тебя вынет, допытываясь, где золото, либо сдаст здешним властям, а они спокойно повесят тебя за убийство туранского караванщика.

– Но я не убивала его! – возмутилась девушка и даже привстала.

– Это ты так говоришь, – невозмутимо сказал Конан. – Неужели ты всерьез полагаешь, будто тебе поверят? Особенно если твой хозяин решит, что сторож ему больше не нужен и откроет, кто ты такая? Да тебя и слушать не станут. Будет большой удачей, если тебя прикончат сразу.

– Тогда что же делать? – Рата обмякла, став бесформенной тенью в углу.

– Ничего, – после недолгого, но напряженного раздумья киммериец пришел к выводу, что лучше оставить все, как есть. – Если мы попытаемся что-то наскоро поменять, то запутаемся и непременно себя выдадим. Будем действовать, как задумали, а при первой возможности удерем из города. В Туране спрятать тебя было бы не в пример проще, там женщины лица закрывают… Неужели никто раньше ничего не замечал? Кстати, у тебя… м-м… других особенных отличий нет?

– Хозяева знали, а при посторонних людях я всегда молчала. Кто обращает внимание на заморыша, что держится потихоньку где-то в уголке? – несколько обиженно сказала Рата. – А другое… есть.

Она вытянула руку ладонью вперед. Конан еще днем обратил внимание, что у девушки вдоль подушечки каждого пальца идет тонкая линия, точь-в-точь давно заживший шрам. На его вопрос, как она умудрилась так изрезать пальцы, Рата равнодушно пожала плечами и ответила, что родилась с столь странным украшением. Теперь она резко согнула кисть в подобие цепкой птичьей лапы, обзаведясь внезапно появившимися крючками пяти длинных изогнутых когтей. Расслабила руку – когти мгновенно исчезли, втянувшись в пальцы.

«С такими коготками никакие кинжалы не потребуются, – оценил необычное оружие киммериец. – Но все равно, в жизни не поверю, что маленькая девчонка сумела расправиться со здоровым мужиком. Караванщик из Турана – значит, должен был уметь защищаться. Туранцы рождаются с саблей в руке. А если она сперва его напугала до полусмерти, а потом спокойно зарезала или загрызла? Но все в один голос твердят: этого типа просто разорвали на кусочки… У нее просто не хватило бы времени так быстро обернуться. Ну как, поверим или нет? Впрочем, все равно я уже вляпался в это дело… Будем надеяться, что неприятности на этом закончатся.»

– Что ты собираешься делать? – настороженно спросила Рата, так и не покинув свое спасительное убежище.

– Спать, – невозмутимо ответил Конан. – Хватит с меня на сегодня.

– А я? – робко поинтересовалась девушка.

– Можешь пойти прогуляться, авось напугаешь кого-нибудь, – буркнул киммериец. – А можешь всю оставшуюся ночь торчать в углу, если тебе так нравится. Только отвяжись от меня хотя бы до утра.

– Я… – Рата чуть не задохнулась от возмущения. – Я не навязывалась!

– Да ну? Значит, мне померещилось? – с этими словами варвар улегся на своей подстилке, посмеиваясь про себя над обозлившейся девушкой. На какое-то время в комнате воцарилась тишина, затем еле слышно скрипнули доски под ногами осторожно крадущегося человека.

«Попробует выскочить в окно – пусть катится куда хочет и выкручивается сама!»

Шаги замерли на месте, затем раздался скорбный вздох и жалобное:

– Может, подвинешься?

Рата улеглась рядом, по-кошачьи свернулась в клубочек и быстрым шепотом произнесла:

– Вообще-то мое настоящее имя – Ринга.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Вот так начинаешь привыкать к спокойной жизни… – в единственное окно гостиничной комнаты падали отвесные лучи полуденного солнца. – Никуда не надо спешить, никто не собирается начинать день с охоты за твоей головой… А это еще что такое..?»

Женщина, стоявшая у окна, обернулась, и все встало на свои места. Робкая надежда, что несколько пугающие вчерашние открытия были всего лишь причудливым сном, мгновенно исчезла.

– Только не улыбайся, – быстро проговорил Конан. – Ты очень милая девушка, но увидеть твою улыбку по второму разу – чересчур даже для меня. Теперь понимаю, как можно поседеть за одну ночь.

Рата – вернее, Ринга – отвернулась, тихо хихикнула, а затем очень серьезно пообещала:

– Я постараюсь не забывать. Вон твой завтрак… а еще у меня есть две новости.

– Какие? – киммериец уселся, подвинув к себе поднос, уставленный тарелками и подумав, что кормят у Барракса довольно мерзко – постоянно что-то переварено или не дожарено.

– Одна плохая, – медленно ответила Ринга. – Вторая… не знаю, наверно, тоже не слишком хорошая.

– Начинай с той, что получше, – решил варвар.

– Пришел какой-то тип – военный в одежде офицера. Не местный. С ним трое солдат. Они очень желают тебя видеть, и, полагаю, вовсе не для того, чтобы пожелать доброго утра.

– Ох! – Конан хлопнул себя по лбу. – Немедийцы! Долг! Ладно, с ними я разберусь. А вторая новость?

Ринга замолчала, прошлась по комнате, и неохотно выдавила:

– Сегодня ночью убили человека.

От неожиданности киммериец подавился и закашлялся.

– Сетовы змееныши, опять? Кому не повезло на этот раз? Откуда ты узнала?

– Гвардейцы, что сидят внизу, нашли труп утром около своей казармы, – обстоятельно ответила девушка. – Как я поняла, это местный дворянин и не последнее лицо в городе. Он… короче, он тоже разделан на кусочки.

Она помолчала и невесело добавила:

– По крайней мере, теперь точно известно, что я здесь не при чем. Ночью я никуда не уходила. Подтвердишь, если попадемся?

– Обязательно, – задумчиво протянул северянин. О том, что ему наверняка не поверят, он распространяться не стал. Ринге не пришла в голову простая мысль, что с точки зрения общества, человек, имеющий в качестве подружки женщину-гуля, меньше всего заслуживает доверия. Еще убийство – значит, неприятности отнюдь не собираются заканчиваться… Вот тебе и сонный городок. – Слушай, я сейчас спущусь вниз и потолкую с этими вояками. А потом пойдем прогуляемся и послушаем, что носится в здешнем воздухе. Мне все это не нравится.

– Мне тоже, – кивнула Ринга. – И я не понимаю, что происходит.

Когда по многострадальной лестнице прогрохотали шаги спускающегося варвара, немедийские гвардейцы уже успели прикончить один бочонок с вином и приступили ко второму. Вид у них был совершенно не геройский, как подобало бы славным воинам столь

великой державы, а скорее задерганный до предела. Особенно у капитана Даммароса, глубоко убежденного, что ему суждено закончить свои дни в заморийской глуши, где никогда ничего не происходит.

Безжалостные колеса политики погубили начинавшуюся карьеру воспитанника Военной Академии, зашвырнув его в далекий Дэлирам. Немедия всегда была не прочь немного расширить свои владения, и, фактически покорив Коринфию, начинала приглядываться к позабытой всеми Заморе. Жаль только, что та же мысль одновременно посетила и ум правителя Турана, и теперь величайшие страны Запада и Востока оспаривали друг у друга возможность растерзать маленький пограничный край на части.

Какому-то высокопоставленному идиоту в Бельверусе показалось очень умным разместить в крохотном городишке на Дороге Королей немедийский гарнизон. Якобы для оказания помощи в охране границы и Дороги. Командовать пятью десятками необученных тупиц поручили только вышедшему за порог Академии и страшно гордившемуся этим Даммаросу. И что в итоге? Жуткая скука, омерзительный городишко и полное отсутствие денег. А теперь еще и изглоданные мертвецы под дверями казармы.

«Если эта северная скотина не захочет немедленно отдавать долг, – мстительно пообещал себе Даммарос. – Я из него отбивную сделаю. Да! Именно отбивную, а потом посажу на пару дней за решетку. Правда, он наверняка сбежит, но это уже не моя забота.»

Но незамысловатой мечте не было суждено сбыться. Проигравшийся наемник начал с того, что швырнул на стол пару увесистых мешочков, буркнув: «Подавитесь, жмоты», а затем, ухмыляясь, заметил:

– Что-то вы сегодня разговорчивы, как покойники.

Упоминания о покойниках капитан Даммарос не выдержал. Кроме того, он даже себе не признался бы в том, что жутко завидует этому варвару, не обязанному торчать на одном месте и выслушивать указания от слишком много мнящих о себе придурков. Немедийскому офицеру срочно требовалось сорвать на ком-то свое плохое настроение, и он нашел достойный повод.

Ругался он долго, красочно и почти не повторяясь. За это время Конан успел раздобыть себе кружку, выпить с гвардейцами за успокоение разума их разошедшегося капитана, и преждевременно решить, что не узнает ничего стоящего внимания. Высказавшись, Даммарос стал чуть более разговорчив и даже ответил на несколько осторожных вопросов киммерийца, касавшихся утреннего происшествия.

Знал гвардейский капитан немногое. Неудачника, нынешней ночью преждевременно отправившегося к Нергалу, звали Райнаком и он действительно принадлежал к дворянскому сословию. Немедийцы искренне полагали смерть Райнака не слишком достойной сожаления. Как выразился капитан: «Многие в этом городишке обрадуются, узнав, что он наконец-то перестал шляться по земле.»

– Почему? – поинтересовался Конан. – Кем он вообще был? Здешней шишкой?

– Сам по себе – ничем, – последовал ответ. – Нахальным пройдохой. Но у него был хорошо подвешен язык и водились деньжата. За ним вечно околачивались десятка два головорезов, готовых учинить любую пакость.

Дело для Заморы опять-таки знакомое и весьма привычное. Бездельник с набитым кошельком и ошивающаяся под его началом небольшая шайка. Поборы с купцов вдобавок к налогам, уходящим в казну государства, мелкие грабежи, но в основном – пускание пыли в глаза окружающим.

– Может, он встал поперек дороги серьезным людям? – предположил киммериец. – Ввязался в ссору с человеком, оказавшимся ему не по зубам. Или его парням надоело ходить под его началом, и они выбрали себе другого вожака.

– Все может быть, – уныло отозвался Даммарос. – Только это не наша забота. Есть градоправитель, есть командир туранской полусотни, и даже начальник здешней городской стражи. Пусть они и разбираются, а мое задание – охранять эту треклятую Дорогу. Вот и буду ее охранять… покуда не свихнусь. Слушай, варвар, сколько там с тебя причиталось?

– Посчитай сам, – отмахнулся Конан. – Сотня или полторы.

Немедиец вытряхнул содержимое мешочков на стол и погрузился в долгие подсчеты, перекладывая монеты с места на место. Его подчиненные с увлечением следили за перемещением желтых кружочков по плохо обструганным доскам, на время позабыв о присутствии северянина. Можно было с чистой совестью уйти, но Конан вспомнил о проигранных камнях.

– Здесь больше, – заявил Даммарос, закончив складывать монеты в равноценные кучки. – Три сотни и еще четыре десятка.

– Вот и хорошо. Я хочу получить назад камни, если ты их еще не пропил.

– Зачем? – подозрительно осведомился гвардеец.

Правдоподобного ответа, как всегда в нужный момент, на ум не шло, и варвар брякнул первое, что подвернулось:

– Они мне… м-м… дороги как память.

Такого Даммарос не ожидал, несколько растерялся и кивнул:

– Ну-у… ладно. Вот они.

Самоцветы оказались у немедийца с собой – капитан гарнизона явно не верил в честность своих солдат и не рискнул оставлять драгоценности в казармах. Кажется, число камней не уменьшилось, что, впрочем, не имело особенного значения – пропажу двух-трех безделушек Мораддин вполне мог пережить. Особенно если удастся придумать подходящую историю их исчезновения.

– Почему у тебя все золото – немедийское? – ни с того, ни с сего поинтересовался гвардеец, ссыпая монеты обратно в мешочки. – Оно здесь не часто появляется, в ходу больше туранские империалы.

– Не все ли равно, какие деньги получать? – рассеянно отозвался Конан. – Бери, что дают, а то и этого не будет.

– Любопытно, капитан, – подал голос один из солдат. – У этого громилы два дня назад медного гроша за душой не было…

– Ты что, в мой кошелек заглядывал? – огрызнулся киммериец.

– А теперь он швыряется золотыми, – гнул свое вояка. – Где он их успел раздобыть, за два дня-то? Может, они фальшивые?

– В самом деле, – Даммарос сделал солдату знак замолчать и пристально взглянул на северянина. – У нас небогатый городок и так быстро достать столь крупную сумму… Не спорю, Райнак был порядочной сволочью, но неужели это твоя работа?..

– Слушай, ты… – варвар начинал злиться. – Получил свои деньги? Ну и проваливай, а до ваших мертвецов мне дела нет!

– Погоди, погоди, – гвардейцы начали отодвигаться от стола, образуя круг, и Конан с сожалением понял, что сегодняшнее утро неминуемо будет отмечено доброй дракой. Немедийскому офицеру требуется подозреваемый и сойдет любой, лишь бы немного

встряхнуть городок и заодно напомнить о себе. Как бы не всплыли подробности визита некоего наемника в предместья Дэлирама. Правда, его там никто не заметил, но можно ли за это поручиться? Ну что за невезучее место!

– Что здесь происходит? – льда в раздавшемся голосе хватило бы на то, чтобы заморозить все реки Востока и Запада, и еще немного оставалось для устроения небольшого снегопада в Стигии. Гвардейцы и прикидывавший, кого свалить первым варвар невольно оглянулись.

Не замеченная никем Ринга тихо спустилась по лестнице и подошла к столу. Она нашла выход из положения, позволявший ей говорить, не заставляя людей шарахаться в стороны. Нижнюю часть ее лица закрывала плотная синяя вуаль, наподобие носимых жительницами Турана. Правда, на восточную красавицу Ринга все равно не походила. Как и на любую другую женщину, неважно, с Востока или Запада.

– Я спрашиваю – что здесь происходит? – тем же ледяным тоном разгневанной, но сдерживающейся в присутствии простолюдинов аристократки повторила Ринга.

– Ровным счетом ничего, – первым отозвался Конан, мысленно похвалив рабирийку за своевременное вмешательство.

– Э-э… Это кто? – выдавил из себя окончательно сбитый с толку Даммарос, и Ринга немедленно обернулась к нему:

– Судя по всему, вы здесь командуете? Кстати, почему бы вам не оторвать свой зад от скамьи… офицер? Я все же дама!

Презрение в ее голосе было совершенно искренним. Растерявшийся немедиец, поняв что имеет дело с благородной, поднялся на ноги, а его солдаты попятились подальше от маленькой снежной бури в человеческом образе.

– Сколько раз мне придется повторять – что здесь творится?

– Им очень хочется знать, откуда у меня деньги, – решил прояснить ситуацию киммериец. – Почему-то они убеждены, что я их обязательно украл.

– Этот человек служит у меня. Телохранителем, – холодно процедила Ринга. – Я заплатила ему. Еще вопросы есть? Нет? Тогда позвольте вас оставить. Идем.

Терпения варвара хватило даже на то, чтобы открыть перед девушкой дверь, отойти подальше от постоялого двора и завернуть в первую попавшую безлюдную улицу. Только тогда он безудержно расхохотался, не обращая внимания на жалобные просьбы Ринги остановиться или хотя бы вести себя потише. Кончилось тем, что девушка тоже засмеялась, уткнувшись лицом в теплую каменную стену дома.

* * *

– Я бы отлично разобрался и без тебя, – ворчал Конан. – Нет, спасибо, конечно, но зачем ты вылезла?

– Догадываюсь, чем закончились бы твои разборки, – язвительно отозвалась Ринга. – Выносом этих бедняг вперед ногами и разгромленной гостиницей. А зачем нам лишнее внимание? Я их немножко попугала, и мы мирно разошлись… Ты узнал у них что-нибудь полезное?

Двое неторопливо шли по пустынной улице, застроенной невзрачными одноэтажными домиками с плоскими крышами, направляясь к центру городка. Редкие прохожие порой бросали вслед странноватой паре изумленный взгляд, но большого интереса чужеземцы не вызывали – мало ли кто в последнее время проезжает по Дороге Королей. Идут себе люди и идут, никому не мешают, говорят о чем-то своем…

– Почти ничего, – отозвался киммериец. – Покойника звали Райнак, и его не очень жаловали. Он содержал шайку; может, его прикончили свои же люди. Или он отхватил кусок, оказавшийся не по зубам. В городе многие порадуются его смерти. Больше эти вояки ничего не знают.

– Мало, – задумчиво подвела итог Ринга. – Интересно, был ли знаком этот человек с туранцем, как его… Маридом?

– Может, был, – северянин пожал плечами. – А может, и нет. Зачем тебе это понадобилось?

– Если их что-то связывало, стало бы немного понятнее, почему их убили, – разумно ответила девушка. – Тебе так не кажется?

– Будь здесь не стоячее болото, а нормальный город, – пробурчал Конан, – нам в первом попавшемся трактире подробно рассказали все про всех. Кто на кого работает, кто с кем поцапался и чья жена к кому ушла. А так даже спросить не у кого. Гвардейцы безвылазно сидят либо в казарме, либо в веселых домах, больше я никого здесь не знаю и ты тоже. И вовсе не наше это дело, нам бы проторчать тут незамеченными еще пару дней и смыться.

Ринга пропустила все не лишенные здравого смысла слова мимо ушей и озабоченно спросила:

– Ты не заметил, полнолуние уже было или нет?

– Полнолуние? – удивился киммериец. – Кажется, наступит завтра или через день. А это здесь при чем?

– Наверное, не при чем, – Ринга опустила голову, обдумывая что-то, затем осторожно произнесла:

– Как ты считаешь, не может в Дэлираме оказаться еще один гуль? Из моего племени?

– Ты спятила, – убежденно ответил Конан. – Мало мне тебя? Или все вампиры скопом решили переселится именно сюда?

– Подожди, – Ринге пришла в голову интересная мысль и она не собиралась отступаться от нее. – Кто-то же убивает людей…

– А нам-то что?

– Да не перебивай ты! Иногда в полнолуние некоторые из нас сходят с ума, и убивают, пока луна не пойдет на убыль. Вдруг здесь похожая история?

– Охотиться на гулей я не пойду, – отрезал киммериец. – И не надейся. Тем более – на бешеного гуля. Можешь заняться этим сама, а я посмотрю, что получится.

– Хорошо, – кротко сказала девушка. – Я все поняла. Но выслушать ты меня можешь?

– А я чем занимаюсь?

– Невероятно, чтобы в маленьком, забытом всеми городке одновременно оказались два гуля, – медленно проговорила Ринга. – Но вдруг дела обстоят именно так? Я хочу убедиться, что ошибаюсь.

– Каким образом? – хмыкнул северянин.

– Посмотрев на труп Райнака, – просто объяснила девушка. – Его убили ночью, нашли утром, значит, сейчас тело должно находиться в его доме.

– И его обхаживает покойничья братия, а вокруг толкутся неутешные родственники. И не забудь людей из его шайки, – подхватил варвар. – Нет, ты точно свихнулась! Лезть в дом, чтобы полюбоваться на покойника!

Ринга забежала вперед и загородила киммерийцу дорогу.

– Я вздорная и капризная девица, – заявила она, придавая голосу визгливые нотки. – У меня куча невыполнимых желаний, вдобавок я хочу луну с неба. Устраивает? – и уже серьезнее добавила: – И еще у меня нехорошее предчувствие. Пожалуйста, давай попробуем, это же не преступление, мы не собираемся ничего красть и никого убивать! Только посмотрим и уйдем!

– В Заморе порой одно то, что ты еще жив – преступление, – проворчал Конан, добавив про себя: «А в последнее время я начинаю верить в предчувствия, особенно в плохие.» – Ну хорошо, хорошо! Так и знал, что от тебя не дождешься ничего, кроме неприятностей! Ты ведь даже не знаешь, куда надо идти!

– Спросим у кого-нибудь, – легкомысленно отозвалась Ринга, донельзя довольная тем, что добилась своего, и огляделась по сторонам в поисках подходящего прохожего. – Вон у него хотя бы.

Северянин поглядел, куда указывает девица, и удрученно вздохнул – она безошибочно определила наиболее подходящую на роль осведомителя личность.

Старый нищий – неизменная принадлежность любого города как на Западе, так и на Востоке – расположился на углу вливающейся в пустынную площадь улицы. Рядом с ним лежала тощая собака с наполовину вылезшей клочковатой шерстью. Пес поднял голову, посмотрел на подходящих людей, лениво зевнул и снова задремал. Его хозяин вообще не подавал признаков жизни, даже когда в глиняной чашке для подаяний звякнула медная монетка.

– Мы ищем человека по имени Райнак, – мрачно сказал Конан, выругав себя за то, что уступил просьбам рабирийки. – Где он живет?

Нищий приоткрыл узкие глазки, став похожим на любопытную черепаху (если только черепахи бывают любопытными), внимательно осмотрел с ног до головы спрашивающих и ехидным скрипучим голосом ответил:

– Сходи к Нергалу, ему лучше знать, чем мне.

– Ах ты, вонючая дрянь… – киммериец нацелился было как следует пнуть старикашку, но вмешалась Ринга.

– Нам нужен дом, где жил этот человек, – очень проникновенным голоском сказала она. – Куда нам идти?

– А ты поумнее, чем твой дружок, – хихикнул попрошайка. – Второй перекресток, а там сами увидите.

– Благодарю, – серьезно кивнула Ринга и добавила, обращаясь к северянину: – Вот мы и знаем. Я тебя очень прошу – не надо его бить. Он ответил на заданный тобой вопрос. Пошли, поищем дом.

Старая беззубая шавка подняла голову и насмешливо гавкнула вслед удаляющейся паре.

Нужный дом они отыскали без труда – он выделялся среди остальных, словно павлин в стае уток. В обширном дворе, обнесенном высоким каменным забором, слонялись пять или шесть громил, безуспешно пытавшихся придать туповатым от природы физиономиям выражение подобающей моменту скорби.

– Без шума мы здесь не войдем, – справедливо заметил Конан.

– Обойдем сзади, – отозвалась девушка. – Кстати, как думаешь, в каком помещении могут держать покойника до начала всех церемоний?

– Где-то в холодном месте, а то по такой жаре он у них моментально развалится на части.

– В погребе? – предположила Ринга.

– Скорее, на леднике. Кстати, им надо поторапливаться с похоронами.

Сзади к дому примыкал обширный сад, не выглядевший таким запущенным, как принадлежавший бывшему владельцу Ринги. Сад отделяла от улицы бронзовая решетка высотой в рост человека, перелезть через нее не составило особого труда.

Прячась за отцветающими розовыми кустами, двое незваных гостей пробежали по усыпанным мелким песком дорожкам мимо погруженного в свое занятие садовника. Тропинки, прихотливо петлявшие в зелени сада, заканчивались у беспорядочно разбросанных пристроек, обступивших заднюю часть здания.

Ринга, встав на цыпочки, заглянула в первое подвернувшееся окно и разочарованно развела руками:

– Кухня. И никого нету.

– Пошли дальше, – отозвался киммериец. – Думала, все тебе так сразу? Может, они тело в доме держат. Тогда нам не повезло.

Несколько следующих окон тоже ничего не дали, оказавшись комнатами прислуги, забитой мешками кладовкой и небольшой библиотекой. Расстроенная безрезультатными поисками девушка, похоже, уже была согласна пойти на попятный, однако за очередным окном открылось кое-что непонятное и любопытное.

Из довольно обширной комнаты вынесли все вещи, оставив только массивный стол посредине. На столе, накрытый большим отрезом белой шелковой ткани, покоился длинный сверток, в котором угадывалось человеческое тело.

– Вот твой покойничек, – прошипел северянин. – Ну что, не передумала?

Ринга замотала головой, пристально вглядываясь в закрытый тканью труп, и попыталась забраться в комнату, тут же спрыгнув обратно и присев под окном.

– Кто-то пришел, – шепотом сообщила она. – Подождем, пока уйдет.

* * *

Судя по доносившимся разговорам, в комнату где находился труп вошел не один человек, а несколько. Время от времени раздавалось плаксивое хныканье женщины и утешающе-покровительственный голос мужчины. Иногда вмешивалась еще одна женщина, в тоне которой звучало нечто заискивающее.

«Жена или подружка Райнака, служанка и старый приятель, собирающийся загрести под себя все, что останется без присмотра, – предположил варвар. – Ну ладно, сейчас они смоются, залезем мы, а что толку? Не надо было соглашаться идти сюда…»

Хлопнула дверь, Ринга немедленно высунулась, бросила один короткий взгляд внутрь дома и снова спряталась.

– Что там? – поинтересовался северянин. – Свалили?

– Остались две женщины, – шепотом доложила девушка, присаживаясь рядом. – Стоят возле стола, одна вроде плачет.

Из чистого любопытства Конан тоже осторожно заглянул в окно. Удивленно поднял бровь и толкнул устроившуюся на заросших травой камнях Рингу:

– Погляди-ка сюда, только тихо.

Женщины в комнате отнюдь не оплакивали усопшего. Они тихо, но отчетливо смеялись, предусмотрительно отойдя подальше от двери. Старшая – низенькая полная заморийка с начинавшими седеть темными волосами и черными, юркими глазками, и младшая, явно не здешняя уроженка – высокая, рыжеватая блондинка, похожая на проворную лисицу. Обе в трауре, но хихикают без всякого признака полагающейся печали.

– А рыженькая ничего, – безжалостно заметил киммериец, с удовольствием услышав рядом тихое разъяренное шипение. – Когти убери, между прочим.

– Варвар, – сердито проворчала Ринга, в самом прямом смысле выпустившая коготки. – Задушу. Когда-нибудь.

– Силенок не хватит, да и пропадешь без меня… Тихо!

Служанка подошла к двери и выглянула:

– Никого, госпожа Линдисса. Но они скоро вернутся.

– Пусть возвращаются, – равнодушно ответила рыжая красотка по имени Линдисса. – Я к тому времени буду безутешно рыдать.

Она не сдержалась и снова захихикала:

– Иштар Великая, наконец-то он подох! Кто бы это не сделал, я ему бесконечно благодарна… Хватит с меня мучений, подозрений и вечных сопровождающих!..

– Вот они, женщины, – вполголоса добавили за окном. – Не успел один помереть, как она уже мчится к другому!

– Чари, ты сегодня же сходишь… знаешь куда, – распоряжалась тем временем госпожа Линдисса. – Скажешь, что я буду ждать вечером… если удастся удрать от них. Если не приду вовремя – пусть подождет, я ж не гвардеец, чтобы бегать по приказу. Так, а теперь…

Ветреная красавица порылась в складках одежды и вытащила крохотный флакончик. Недовольно скривилась, откупорила, вытряхнула на ладонь несколько капель содержимого и тщательно втерла в глаза. Спустя мгновение она уже захлебывалась безостановочно текущими слезами.

– Редкостная мерзость… – с трудом проговорила она. – Чари, пошли отсюда, сил моих нет…

Поддерживаемая верной служанкой рыдающая Линдисса покинула комнату. Двое за окном переглянулись и по очереди бесшумно перемахнули через подоконник.

Киммериец на всякий случай выглянул за дверь, убедившись, что овдовевшая подружка (или законная супруга) убралась достаточно далеко, а больше отдавать долг памяти усопшему никто пока не собирается. Ринга подошла поближе к столу и принюхалась:

– А покойник-то воняет.

Похоже, в комнате разлили целую бочку с благовониями, но стойкий приторный запах все равно оставался.

– Ну что, не раздумала? – осведомился северянин, обходя стол и осматривая тщательно закрытый труп.

– Нет, – вздохнула Ринга. – Идти, так до последнего.

– Тогда стой у двери и слушай.

Белый шелк, как выяснилось, был подвернут под края стола и приколочен мелкими гвоздиками. Пришлось их вытаскивать по одному с помощью кинжала. Затем освобожденный край покрывала аккуратно откинули в сторону, открыв тщательно обмотанное широкими белыми лентами тело.

«Интересно, сколько лет каторги в Заморе полагается за… Так, под осквернителей и грабителей могил мы не подходим – он еще не похоронен, – киммериец осторожно приподнял и надрезал ленту, закрывавшую лицо. – Труп мы не воровали, ничего от него не откромсали… А, все равно, поймают – мало не покажется. Значит, не должны поймать… Нет, кому же назначила свидание эта рыженькая?»

– Ринга, иди сюда.

Рабирийка послушно оставила свой пост у двери и приблизилась к столу. Остро отточенный кинжал с еле слышным треском разрезал последний слой шелка. Девушка издала еле слышный сдавленный звук, а привыкший ко всему наемник неожиданно почувствовал сильнейшее желание оказаться где-нибудь далеко-далеко отсюда.

– М-м-м, – выдавила Ринга. Ее и без того белая кожа приобрела слегка зеленоватый оттенок.

– В окно и без шума, – приказал варвар, подозревая, что сейчас может произойти. Но Ринга справилась, вцепившись в доски стола и с усилием несколько раз сглотнув.

– К-какая гадость, – наконец, выговорила она. – Что с ним сделали?

– Зашили, я так полагаю, – буркнул Конан. – Чтобы совсем не развалился. Налюбовалась?

– Дай кинжал, – попросила девушка. Получив оружие, наклонилась, и, стиснув клинок обеими руками – чтобы не дрожал – осторожно повернула голову покойника. Сначала на левый бок, затем на правый, внимательно осматривая уцелевшие участки кожи на шее. Она явно искала признаки чего-то, и, не найдя, перевела дух.

– Закрывай.

Вот эту просьбу киммериец выполнил с величайшим удовольствием. Ринга отошла подальше от стола, в задумчивости сплетая и расплетая пальцы, и ожидая, пока на столе все будет приведено в относительный порядок.

– Так что ты узнала? – поинтересовался северянин, пытаясь вернуть вещам на столе первоначальное положение. Девушка помолчала, и неожиданно спросила:

– Скажи, когда люди клянутся именами своих богов, они соблюдают потом эти клятвы?

– Хм, – вопрос стоил того, чтобы немного подумать. – Порой нарушают. Хотя случается и так, что лучше выполнить обещанное, а то потом хлопот не оберешься. А что?..

– Я не человек, – продолжала Ринга. – Значит, на меня людские законы не распространяются, так? Но мне очень нужно дать клятву.

– Я тебе и так поверю, – хмыкнул Конан, прилаживая на место оборванный шелк.

– Это нужно мне! – упрямо повторила девушка. – Мне самой! Иначе я не смогу убедиться в том, что вижу на самом деле то, что вижу. Мне надо сказать это вслух.

Она выглядела очень взволнованной и несколько испуганной. Не зрелищем вида покойного Райнака, а чем-то другим, более страшным.

– Ну поклянись, может, полегчает, – предложил киммериец. – А то у тебя вид, будто призрака увидела. И давай побыстрее.

Похоже, представления людей и гулей о том, что такое клятвы, в корне отличались. Гули Рабирийских гор, несмотря на все свои отталкивающие привычки, относились к таким вещам немного серьезнее. Или Ринга, прожившая большую часть жизни среди людей, стала исключением из правил, полагая, что в мире имеется что-то нерушимое. Проще было дать ей выговориться и выслушать, чем убеждать в том, что она глубоко заблуждается.

Девушка помедлила, собираясь с духом, и неторопливо, тщательно выговаривая каждое слово, произнесла:

– Ночью, хранившей меня, и двурогой луной, что освещает мой путь, я подтверждаю свои слова здесь, завтра и в следующих кругах моей жизни. Никто из моего народа не делал этого.

Она глубоко вздохнула и облегченно добавила:

– Ну вот, сказала. В самом деле полегчало.

– Кажется, и так было ясно, что гули здесь не при чем, – проворчал северянин.

– Нет, не ясно, – упрямо перебила Ринга. – Ты ведь тоже не верил, что в городе есть гуль, пока не наткнулся на меня. Теперь веришь.

– Верю тому, что вижу.

– Я боялась, что это совершил одержимый луной, – задумчиво сказала девушка. – Но здесь совершенно другое.

– Какая нам теперь разница, что? – не понял варвар. – Неизвестный убийца отправил местного задаваку на тот свет, твои сородичи здесь не при чем. Какого Нергала тебе еще надо?

– Когда убили этих двоих людей, что сразу подумали в городе? – поинтересовалась Ринга и сама ответила: – Что это сделали гули. Почему? От здешних краев до Рабиров не просто далеко, а очень далеко, и все же все в один голос твердят – виноваты гули. В представлении людей мы обязательно рвем добычу на куски, а это напрочь не так… Скажи, вот ты всю жизнь сражаешься – что у вас считается более правильным: убить человека с одного удара или с нескольких?

– Тебе бы с Мораддином об этом потолковать, у него тоже все мысли об искусстве убийства, – попробовал отшутиться Конан, но девушка терпеливо ждала ответа: – Конечно, с одного, потом добивать не надо!

– У нас тоже самое. Ни один уважающий себя гуль не станет убивать человека таким способом, – невесело сказала Ринга. – Существуют правила, по которым следует это делать, и они не нарушаются… Тебя не обижает, что я говорю о людях, как о добыче?

– Вроде нет… Ну ты продолжай, продолжай. Дальше что?

– Да то, что кто-то из людей пытается изобразить действия гуля! Так, как нас представляют по страшным сказкам! – резко завершила свою мысль рабирийка. – Я никогда не встречала подобного! Я сейчас пыталась найти отметины от зубов – таких, как у меня и в том месте, где им полагается быть – их нет! Но рвали человека на куски когтями – когтями гуля! Вот такими, а то и покрупнее, – Ринга, вытянув руку, снова продемонстрировала свой жутковатый арсенал. – Я ничего не понимаю, а ты?

ГЛАВА ПЯТАЯ

– А мне, честно говоря, наплевать, – после краткого раздумья ответил Конан. – Нас это не касается. В тихих городках вечно происходит мышиная возня. Мне совершенно не хочется влезать в местное болото и выяснять, что к чему. Вдобавок, мне никто за это не заплатит… Если кому-то угодно изображать из себя гуля – его дело.

– Да, конечно, – печально сказала Ринга. – Все верно. Плохо только одно: единственный гуль здесь я. И отвечать в случае чего придется мне. За убийства, которых я не совершала.

– Брось. Для начала требуется тебя поймать, а это довольно хлопотное и тяжкое занятие, – беспечно отмахнулся киммериец. – Пошли отсюда.

– Как думаешь, никто не заметит, что мы тут похозяйничали? – девушка придирчиво осмотрела укрытое белым шелком тело, расправила получившиеся кое-где складки и вроде осталась довольна. Хотя часть заново вбитых гвоздей держалась на одном честном слове – рукоять кинжала совершенно не предназначена для подобного рода работ.

– Пусть даже заметят, разве придет в их тупые головы мысль, что кто-то заявлялся поглазеть на покойника? – спросил вместо ответа варвар. – Конечно, нет!

– Вы оба так в этом уверены? – язвительно вопросил чей-то голос, заставив северянина по привычке потянуться за мечом, а Рингу – метнуться к спасительному окну. Варвар клял себя последними словами за недогадливость – отчего он вдруг решил, что в комнате всего одна дверь?

Дверей и в самом деле оказалось две. Вторая, замаскированная под декоративную колонну на стене, оставалась незамеченной до тех пор, пока ее не открыли.

– Я так и знал, что ты непременно объявишься, моя красавица! – насмешливо заявил стоявший в дверном проеме человек, обращаясь к замершей на месте Ринге. – Ну разве хорошо так поступать, а, Рата? Вот и я говорю, что нехорошо…

Девушка не двинулась с места и ничего не ответила, но киммериец уже ухватил суть происходящего. Незнакомец называл рабирийку Ратой, значит…

– Ринга, это твой хозяин? – вполголоса окликнул девушку Конан. Та испуганно вздрогнула и кивнула:

– Мой бывший хозяин, – эти слова она выделила голосом. – Почтенный месьор Эридат.

– Вот значит как? Бывший, – нарочито обиженно возмутился заморiец. – Ох уж эти женщины! И когда только успела…

– Попридержи язык, – посоветовал северянин кипевшему праведным негодованием месьору Эридату. – А лучше вовсе заткнись.

Заморiец – человек средних лет, невысокий и довольно грузный для своих лет, с ироничным взглядом выпуклых черных глаз – сделал вид, что только сейчас заметил присутствие варвара.

– Надо понимать, именно этому господину ушло мое золото, – понимающе протянул он. – Ах, Рата, Рата… Ну хорошо, признаю, что немного перегнул палку, но зачем же было грабить? Молодой человек, – Эридат обернулся к северянину. – Ты хоть представляешь, с кем связался?

– Отлично представляю, – невозмутимо отозвался Конан, прикидывая, сможет ли он скрутить говорливого заморийца без особого шума.

– Значит, представляешь… – повторил Эридат. – Тем лучше. Я полагаю, ты собираешься

свернуть мне шею и незаметно уйти отсюда?

– Вот именно, – подтвердил киммериец, оглянувшись на Рингу. Девушка по-прежнему молчала, косясь на окно. – Да еще и ее прихватить с собой.

– Не выйдет, – с сожалением покачал головой почтенный месьор. – Понимаете, я подозревал, что моя красавица пожалует сюда, и приготовил вполне достойную встречу. Признаться, я не рассчитывал, что с ней прибудет такое подкрепление, но…

– Значит, у вас появится несколько трупов вместо одного, – безмятежно заявил северянин. – А мы все равно уйдем.

– Возможно… – задумчиво протянул Эридат. – И даже очень возможно… – он пожевал губами, что-то прикидывая в уме, поколебался и принял решение: – Скоро сюда заявится толпа опечаленных родственников, а нам стоит немного потолковать без лишних свидетелей. Идите за мной.

Он повернулся и исчез в двери, ни капли не сомневаясь, что незваные гости послушно последуют за ним. Конан и Ринга переглянулись.

– Влипли, – тоскливо вздохнула рабирийка. – По уши и выше. Может, удерем?

– Если он на самом деле поджидал тебя, то вряд ли нас отсюда выпустят, – мрачно ответил варвар. – Конечно, я могу устроить им взбучку, которую никто не забудет до конца жизни, но что толку?..

– Слушай, что он за человек? Ему можно верить хоть в чем-нибудь?

– Не знаю, – подумав, отозвалась девушка. – Я не поверю ни одному его слову, пусть он даже призовет в свидетели всех людских богов.

– Обрадовала, называется… – проворчал киммериец, ныряя в низенькую потайную дверь. Ринга держалась на шаг позади, настороженно оглядываясь по сторонам.

За створками маленькой двери тянулся длинный извилистый коридор. Знакомый с подобными строительными ухищрениями еще по Шадизару северянин предположил, что ход проложен внутри толстых стен дома. Через каждые несколько шагов встречались отверстия – большие и поменьше, через которые падал свет и можно было слышать и видеть все, происходящее в комнатах.

Миновав несколько плотно закрытых дверей, варвар и его спутница попали в крохотную комнатку, забитую старой, сваленной как попало мебелью. Почтенный месьор Эридат восседал в одном из наиболее хорошо сохранившихся кресел, два других, похуже, стояли чуть поодаль.

– А я уж решил, вы сбежали, – хмыкнул заморiец, когда его гости поневоле осторожно зашли в комнату. – Ну что же, пока у нас имеется немного времени до начала церемонии похорон, давайте побеседуем. Судя по всему, твой друг, Рата, не собирается возвращать награбленное? А я много лет трудился, чтобы собрать эти деньги, между прочим… Кстати, откуда он взялся? И как ты успела с ним познакомиться?

– Из Турана я взялся, – буркнул северянин, решив, что чем меньше будет о нем известно, тем лучше. К прочему, он в самом деле прибыл в Дэлирам прямиком из Султанапура, а никто не станет спорить, что Султанапур является городом Туранской империи. – Меня зовут Конан. Я наемник.

– Я так и подумал, – кивнул Эридат. – Похоже, это твое основное ремесло? Кроме воровства, конечно? И расставаться с милейшей Ратой ты в ближайшее время не собираешься? Что ж, понимаю. У нее много других достоинств, помимо…

– Ты, кажется, собирался о чем-то поговорить, – перебил разошедшегося заморийца

варвар, краем уха услышав тихое шипение – Ринга явно справилась с душевным потрясением, вызванным неожиданной встречей со своим владельцем, и начинала злиться.

– Ах, да, – согласился месьор Эридат. – Так бишь о чем я? О ловушке, в которую угодили две птички вместо одной. Я слышал ваш разговор и должен признать, что вы оба совершенно правы. Большинство обитателей нашего городка убеждены в причастности к обоим недавним смертям некоего опасного существа не совсем человеческого происхождения. Назовем его для простоты гулем. Гуль в нашем распоряжении только один – тихая и скромная девушка Рата. Будет очень жаль, если именно ей и придется расплачиваться за все произошедшее.

Замориец сделал паузу и оглядел своих собеседников. Решив, что они вполне уловили течение его мыслей, продолжил:

– Похоже, вам, молодой человек, это совсем не по душе?

– Нет, я просто счастлив, – огрызнулся Конан. – Ну и дальше?..

– Я предлагаю небольшую, зато устраивающую всех сделку, – торжественно сказал Эридат. – Мое слово достаточно много значит в этом городе, и я могу избавить вас от постоянного преследования. Вы собирались задержаться на какое-то время в Дэлираме?

– Да, – отозвался киммериец, – я хотел уехать через пару дней.

– Просто замечательно! – достойный месьор стукнул ладонью по ручке кресла, подняв небольшое облачко пыли. – Как раз то, что надо. Вот в чем суть моего предложения. Кое-кому стало известно о моем весьма необычном приобретении и о его бегстве. Как я уже говорил, подозрение в первую очередь на ней… хотя очевидно, насколько оно нелепо. Однако градоначальник и имеющиеся у нас военные чины обязаны принять меры по розыску преступников, и не сомневайтесь, они их примут. Я могу направить их поиски в другом направлении, а то и вовсе убедить не придавать особого значения этому делу, но за это…

Он замолчал, в задумчивости побарабанил пальцами по ладони другой руки, и, наконец, решительно высказал свое условие:

– За это господин наемник отправит кое-кого к Нергалу. Так, кажется, у вас принято говорить?

– Нет! – резко бросила молчавшая до того Ринга. – Не соглашайся!

– Погоди, – остановил ее киммериец. – Кого и когда?

– Его имя тебе знать не обязательно. Он мне мешает и этого достаточно, – мягко, но непреклонно ответил Эридат. – Я покажу этого человека и укажу места, где можно его встретить. Будет лучше, если это произойдет как можно скорее. Скажем, сегодня вечером или ночью. Каким способом ты это сделаешь – неважно. Сообщать о исходе дела тоже не стоит, я узнаю сам. После выполнения можете жить спокойно, однако постарайтесь не показываться лишний раз на улицах и по возможности побыстрее покиньте город. У вас есть лошади? Нет? Я так и подумал. Подвернется случай – попытаюсь раздобыть для вас парочку, хотя это будет довольно трудно. У нас в городе, к сожалению, их почти не держат. Кстати, я даже не возражаю, чтобы вы оставили себе золото. Идет?

«С нынешнего дня никогда не возьму в руки кости! – клятвенно пообещал северянин. – Вот до чего дошло – завербовали в наемные убийцы! Мораддин узнает – помрет со смеху… Согласиться? Или не стоит? Не соглашусь – у этого выкормыша Сета наверняка припрятан неподалеку десяток-другой головорезов. Я-то прорвусь, но Ринга? Надо будет как-то тащить ее за собой, а кто поручится, что ее не прикончат? Так, по чистой случайности?»

– А если я сейчас прихвачу тебя с собой, вместо щита, и пойду прочь? – негромко и почти равнодушно поинтересовался Конан. – Что тогда?

– Вас выпустят из дома, – спокойно отозвался месьор Эридат. – Но далеко вы все равно не уйдете. Женщина проживет немного дольше, пока не сообщит, где спрятаны деньги. Что с ней будет потом – не знаю. Но могу с определенной уверенностью предполагать, что ничего хорошего ее не ждет.

– Ублюдок, – очень искренне высказал свое мнение северянин, прибавив пару слов на языке, которого никто из присутствующих не понял. – Ладно, я согласен. Но ответь сперва на пару вопросов: кто убил эту парочку – Райнака и туранца? Почему ты поджидал здесь Рату?

– Ответ на первый вопрос – понятия не имею, – с готовностью проговорил заморие́ц. – С караванщиком… как его? Маридом я в жизни не сталкивался. Покойный господин Райнак был моим… скажем так, деловым компаньоном, но я не представляю, кому понадобилась его смерть. Я бы предпочел видеть его живым – у месьора Райнака был весьма изобретательный и острый ум, и наше дело многое потеряет с его гибелью. Видимо, кто-то решил свести с ним счеты – Райнак умудрился насолить слишком многим, в том числе и господам из Шадизара. Слышали об этом городе? Тогда и объяснять не надо. Что до очаровательной Раты, – Эридат посмотрел на сжавшуюся в слишком большом для нее кресле девушку. – Я предполагал, что как только возникнет слух о гулях, она немедля примчится проверить его истинность. Разумеется, никаких гулей, кроме нее, в Дэлираме нет и никогда в жизни не было.

– А кто его распустил, этот слух? – проворчал киммериец. – Не ты ли сам?

– Может, и я, – хмыкнул почтенный месьор. – Значит, мы договорились? Пойдем, взглянешь на будущую добычу.

Заморие́ц тяжело поднялся с кресла и вперевалочку заковылял по петляющему узкому коридору, время от времени заглядывая в проделанные в стене отверстия.

– Вот он, – месьор Эридат остановился и поманил поближе следовавших за ним варвара и девушку. – При жизни они с Райнаком готовы были загрызть друг друга, но на похороны он все же пришел.

Нетерпеливо расхаживавший по комнате человек, по мнению киммерийца ничем не отличался от сотен других жителей Дэлирама. Разве что держался несколько надменно и ростом был повыше, чем обычный заморие́ц.

Такой вот простой и незамысловатый выбор – жизнь незнакомца в обмен на жизнь женщины-гуля. Проще некуда.

– Скоро начнутся похороны, – понизив голос, сообщил Эридат. – Потом состоится поминальная трапеза для родственников и друзей. Он на нее вряд ли останется. А даже если рискнет задержаться – засидится ненадолго, друзей у него здесь мало. Ищи его ближе к вечеру возле заведения Мамаши Циль. Он там порой ошивается ночи напролет.

Несмотря на всю серьезность момента, северянин фыркнул, расслышав в тоне почтеннейшего месьора тщательно скрываемую зависть, и мысленно одобрил выбор незнакомца. Дом утех Мамаши Циль, находящийся почти в центре городка, был лучшим из двух имеющихся, хотя и не шел ни в какое сравнение с заведениями подобного рода в Султанапуре.

– Запомнил? – осведомился заморие́ц. Дождавшись ответного кивка, двинулся дальше по коридору, бросив через плечо: – Пошли, выведу вас из дома, а то еще попадетесь на глаза, кому не надо.

* * *

Еле державшаяся на петлях дверь постоялого двора гулко ухнула, захлопываясь за вошедшими. Баррокс, вытиравший и без того чистые кружки, поднял голову и скорбно вздохнул. Его надежда в очередной раз не сбылась – невыносимый постоялец, северный наемник, вернулся. Да вдобавок не один, приведя с собой маленькую черноволосую женщину. То ли успел где-то обзавестись подружкой, то ли встретил знакомую. Хотя какие могут быть у этого варвара знакомые?..

Северянин и женщина выглядели донельзя чем-то удрученными. Они не поднялись наверх, как втайне ожидал хозяин «Подковы», а уселись за одним из пустовавших столов. Поколебавшись, Баррокс решил, что все ж таки не стоит забывать о собственной выгоде, и, выбравшись из-за загроможденного мытой посудой стола, подошел к странно притихшей парочке. Наемник насвистывал что-то мрачно-вызывающее, девушка сидела, опустив голову и углубившись в разглядывание сучков и разноцветных разводов от пролитого вина на досках стола.

– Почтеннейшим господам что-нибудь угодно? – не совсем уверенным голосом осведомился хозяин.

– Выпить, – буркнул наемник, прекратив свистеть. – И побольше.

– Мне тоже, – угрюмо попросила девушка. – «Змейку», если есть.

Баррокс мысленно покрутил пальцем у виска, услышав требование девушки, но, после здравого размышления, решил – раз ей охота употреблять эдакую гадость, то дело ее. Расставив на столе кувшины, хозяин, шаркая ногами по полу, ушел на кухню – подальше от возможных неприятностей. Он уже слышал об утренней стычке своего неугомонного постояльца с немедийскими гвардейцами. Кто знает, может вот сейчас в тихую гостиницу ворвется кто-нибудь, жаждущий немедленно выяснить с варваром отношения. Где он раздобыл эту девицу со столь странными вкусами? Явно ведь не местная… Может, у Мамаши Циль выпросил на время? Хотя она своих красоток за порог не отпускает, да и непохожа молчаливая незнакомка с закрытым на туранский манер лицом на размалеванных Мамашиных вертихвосток…

Конан не без основания считал себя знатоком вин, и теперь с некоторым удивлением наблюдал за Рингой, с мрачным упорством осушавшей свою кружку. По мнению варвара, черная и приторно-кислая «Змейка» была не более чем пойлом для свиней, для виду подкрашенным виноградным соком, и служила единственной цели – опьянеть как можно быстрее. Похоже, рабирийка добивалась именно этого. Она влила в себя уже половину объемистой кружки, когда северянин не выдержал и отобрал у нее сосуд:

– Перестань травиться, не поможет.

Девушка не произнесла ни единого слова с тех пор, как они покинули дом покойного Райнака и вернулись на постоялый двор, за исключением требования к хозяину. И сейчас она покорно отдала кружку, сложила руки на столе и пристроила на них голову, отсутствующим взглядом уставившись в маленькое узкое окно.

– Так и будем молчать? – поинтересовался киммериец, к которому мало-помалу возвращалось привычное, чуть легкомысленное и ироничное отношение к миру.

– Это я во всем виновата, – глухо сказала Ринга. – Почему ты не позволил мне

вернуться?

– Куда, в объятия к месьору Эридату? – хмыкнул Конан. – Слушай, если мы начнем искать виноватого, то провозимся до конца света. Ты подбила меня пойти посмотреть на покойника, я до того проигрался и залез в дом твоего хозяина… Ну и что, в конце концов?

– Это плохо кончится, – стояла на своем девушка. – Не ходи никуда. Ничего он нам не сделает.

– Твой владелец сказал, что у тебя много достоинств, но насчет дара пророчицы ничего не упомянул, – язвительно заметил киммериец. Ринга не обратила внимания на его подначку, настойчиво повторив: «Не ходи.»

– Я могу и не пойти, – негромко, точно рассуждая вслух, проговорил северянин. – Почтенный месьор наутро узнает, что мешающий ему человек все еще жив. Допустим, он пришлет своих людей или явится сам – узнать, почему я не выполнил обещание. Я сумею чего-нибудь соврать. Скажем, что тот человек был не один или просто не подвернулось удачного момента…

– Как он узнает, где мы живем? – перебила девушка. Варвар изумленно поднял бровь:

– Ты полагаешь, ему это до сих пор неизвестно? Это же маленький городок, чтоб ему провалиться, и здесь все знают всех. Так вот, если Эридат поверит моим россказням и согласится потерпеть еще немного, мы дождемся базарного дня, попробуем купить лошадей да сбежать. Это при наилучшем стечении обстоятельств.

– А при наихудшем? – тоскливо спросила Ринга. Выпитая «Змейка» начинала действовать, и окружающая действительность приобрела для девушки непроглядный траурный оттенок.

– При наихудшем сюда набивается вся стража города, сколько ее ни есть, – отозвался киммериец. – Сама понимаешь, чем это может закончится. Большим количеством трупов, и как бы среди них не оказались и мы с тобой. Либо ты одна.

Он откупорил новый кувшин и принялся наполнять свою кружку. Рабирийка съежилась на скамье, точно ей было холодно, хотя в зале, как обычно, стояла жара и духота.

– Кроме того, нам может не повезти в другом, – после некоторого молчания сказал Конан. – На рынке не окажется лошадей или случится другая неприятность… И есть еще одна вещь – я дал обещание. По душе мне это или нет, но придется его выполнить. Я еще ни разу не нарушал данного слова.

Он подумал и поправился:

– Ну, может и случалось пару раз… Смотря по обстоятельствам.

– Лучше бы ты меня не слушал и мы никуда не ходили, – горько уронила Ринга.

– Перестань твердить одно и то же! – буркнул киммериец. – Что сделано – то сделано. Тебе жить неохота? Или хочешь всю оставшуюся жизнь просидеть в клетке? Раз уж я взялся тебя вытаскивать, то не бросать же теперь дело на половине. Все обойдется, мы скоро отсюда уедем.

Девушка упрямо помотала головой:

– Ничего не обойдется.

– Ты еще разрыдайся, – насмешливо предложил варвар. – Авось, Эридат растрогается, простит упущенное золото и вместо клетки посадит тебя на цепочку. И даже будет иногда выпускать погулять, представляешь?

– Никто и никогда не заставит меня плакать! – неожиданно громким и срывающимся голосом крикнула Ринга. – Никто!

Она оттолкнула скамью и вскочила, нетвердо держась на ногах. Пошатываясь, добрела до лестницы, и, цепляясь за перила изо всех сил, принялась за тяжкий труд по преодолению ведущих наверх ступенек. Конан недоуменно посмотрел ей вслед и снова засвистел, подумав, что на гулей, наверное, человеческие вина действуют как-то по другому. Уж больно быстро захмелела рабирийка.

Подошел Барракс – убрать опустевшие кувшины и кружки. Хозяина гостиницы грызло безжалостное неутоленное любопытство – кто такая эта женщина и что связывает ее с варваром-наемником, но задать вопрос он не решался. Северянин, посмеявшись про себя, решил, что настало самое время вдохнуть жизнь в придуманную им для Ринги историю, и небрежно заметил вслух:

– Одна морока с этими благородными…

– Оно конечно, – с готовностью подтвердил хозяин. Почтенный Барракс давно уже напрягал слух в надежде уловить, о чем разговаривают наемник и его странноватая подружка, но ему определенно не везло – беседа велась слишком тихо.

– Так она, – содержатель гостиницы ткнул пальцем наверх. – Из дворян?

– Дочка аргосского нобиля, – подтвердил киммериец, и Барракс, поколебавшись, осторожно осведомился:

– Чего ж она сюда перебралась?

– Сбежала от папаши, который все пытался спихнуть ее замуж, – понизив голос, сообщил варвар. – Хотела добраться до Бельверуса, но жизни-то не знает, попалась шайке каких-то проходимцев и угодила вместо Немедии в Замору. Потом умудрилась сбежать и по дороге случайно наткнулась на меня.

Барракс сочувственно поцокал языком. То, что рассказывала Киска Ви, прислуживавшая таинственной женщине, один к одному сходилось с повестью наемника.

– Стало быть, она теперь при тебе?

– Да. Только вот не знаю, как с ней быть, – огорченно признался северянин. – Возвращаться домой ни в какую не желает, таскать ее за собой – хлопотно, бросить – жалко, пропадет ведь. Да и неохота ее бросать, честно говоря…

Хозяин «Подковы», ухмыльнувшись, понимающе закивал и поинтересовался:

– А пристроить ее в какое-нибудь семейство – никак?

– Не хочет, – пожал плечами варвар. – Привязалась, говорит – лучше буду с тобой пропадать, чем одна. Ладно, придумаем что-нибудь.

…Наверху, в комнате, было тихо и сумрачно – за окном уже сгущался вечер. Конан едва было не подумал, что девушка обиделась и ушла, и мысленно выругал ее за эту глупость, прикидывая, далеко ли она смогла убежать и куда могла направиться.

– Я здесь, – тихий голосок донесся откуда-то снизу. Оказывается, Ринга уютно свернулась на расстеленном на полу плаще варвара и задремала. – Я ждала, ждала и уснула.

Она опустила голову и виновато призналась:

– Прости, кажется я наговорила всякой чуши. Вот каждый раз, как выпью – начинаю молоть языком без остановки.

– Да ладно, – отмахнулся киммериец. – С кем не бывает.

«Если идти, то пора выходить. Может, поймаю моего бедолагу по дороге в веселый дом, а то как засядет с девочками на всю ночь…»

Рабирийке, кажется, пришла в голову та же мысль.

– Ты уходишь, – не вопросительно, а утвердительно сказала она.

– Что поделать, – хмыкнул Конан, – нанялся, так надо отрабатывать.

– Я пойду с тобой, – неожиданно заявила девушка, вскакивая на ноги.

– Еще чего не хватало! Ополоумела совсем? – возмутился северянин. – Никуда ты не пойдешь, а будешь смирно сидеть и ждать! И чтобы отсюда – ни ногой! Не хватало мне потом еще тебя разыскивать по всему городу. Ты поняла?

– Да, – упавшим голосом проговорила Ринга, и упрямо добавила: – Хорошо, я подожду. Но только до восхода луны. А потом пойду за тобой.

Спорить с ней было бесполезно, да и времени не оставалось.

– Ладно, до луны, – согласился киммериец. – Но до того – сидишь как мышка и ни звука.

– Угу, – закивала девушка. – Удачи.

«И никаких тебе „возвращайся поскорее“ или „будь осторожнее“, – с удовольствием отметил варвар, выпрыгивая из окна и пересекая запущенный огород. – Нет, эта малышка прекрасно соображает, что к чему. Жаль только, что она не совсем человек… А впрочем, какая разница? Надо будет попросить ее улыбнуться, а то порой я уже забываю, что нынче у меня в подружках гуль.»

* * *

Городок погружался в сон. Кое-где в окнах мерцали робкие огоньки, порой лениво перелаивались собаки, а припозднившиеся прохожие торопились добраться домой. Стража на улицах, как всегда, отсутствовала, за исключением ночных сторожей у ворот богатых домов. Большинство из них относилось к своему долгу в высшей степени наплевательски, предпочитая дремать на посту, а не пялиться в сгущающиеся сумерки, охраняя хозяйское добро от стремящихся покуситься на него.

Заведение Мамаши Циль – киммериец так и не удосужился узнать, как оно называется – наоборот, просыпалось. Кривоногий прислужник вынес на улицу и подвесил на кованом крюке большой зажженный фонарь с красными слюдяными стеклами, возле гостеприимно распахнутых дверей заняли свои посты две призывно улыбавшиеся красотки. То есть сейчас они еще не улыбались, а безудержно зевали и вовсю болтали, оглядывая пустынную улицу в ожидании гостей.

«Кажется, я пришел вовремя, – Конан устроился в стенной нише шагах в двадцати от входа в заведение, стоявшее в конце неприметной улицы. Любой посетитель, если он только не пользовался каким-нибудь скрытым боковым входом, должен был сперва пройти мимо спрятавшегося варвара. – У них еще только-только глаза продрали. Ну что ж, подождем и посмотрим, окажется болтливый старикашка как-там-бишь-его прав или нет. Если этот тип не придет, то и разговора больше никакого не будет… А все-таки надо было уехать с Мораддином.»

Девицы-зазывалы не слишком долго прохлаждались без дела: вскоре мимо них, старательно пряча лицо, проскользнул человек, за ним другой. Почтенные горожане спешили отдохнуть от тяжких дневных трудов и изрядно поднадоевших семейств. Затем по улице прошествовала целая компания гостей, уже успевших налиться вином под самую завязку, а

оттого с трудом ворочавших языками, но упорно движущихся по направлению к распахнутым дверям заведения. Как северянин не вглядывался, но своей цели среди них не различил.

После прибытия развеселой компании наступило длительное затишье. Киммерийцу надоело изображать из себя статую, он вылез из своего укрытия и прогулялся до входа в заведение, стараясь не попасться на глаза девицам. У Мамаши Циль веселились вовсю, и Конан с изрядным трудом заставил себя не послать все к Нергалу и не присоединиться к кутежу, а вернуться на место.

«Она мне за это заплатит, – мрачно пообещал варвар, бесшумно крадясь вдоль улицы. – Ох, как заплатит!»

Маленькая белая луна не спеша поднималась над плоскими крышами дремлющего городка. В начале улицы появилась одинокая фигура человека, уверенно направлявшегося к веселому дому. Человек шел не торопясь и не оглядывался пугливо по сторонам, шарахаясь от каждой тени.

«А вот и он, – с некоторым разочарованием отметил киммериец. – Приперся, надо же…»

Обитатели домов, расположенных поблизости от заведения, наверняка привыкли к тому, что каждый вечер на их улице происходят всякие безобразия. Либо посетители дома под красным фонарем выясняют отношения, либо несостоятельного клиента выталкивают за двери… Так что они не особенно удивятся, обнаружив поутру под своими дверями очередного покойника.

Незнакомец поравнялся с замершим в тени домов варваром и чуть замедлил шаги, подозрительно покосившись по сторонам. Конан тихо свистнул, и человек крутанулся на месте, определяя источник звука.

Можно было без особых затей уложить его на месте, метнув кинжал, пока он таращился в темноту, но… Видно, Мораддиновы нравоучения и рассуждения о «не продающемся искусстве убийства» не прошли бесследно. И в самом деле, было как-то неприятно тайком убивать человека, лично тебе ничего плохого не сделавшего, и виновного лишь в том, что его жизнь была определена в качестве оплаты за другую.

Увидев вырастающий перед ним грозный силуэт, незнакомец попятился, но не рванул со всех ног к спасительным дверям заведения. Вместо этого он потянул из ножен длинный узкий клинок, право на ношение которого имели в Заморе лишь представители благородного сословия и чуть дрогнувшим, но все же сохранившим надменные нотки голосом осведомился:

– В чем дело? Ты кто?

– А я тут мимо проходил, – буркнул в ответ киммериец. – По твою душу.

Видно, незнакомец был готов к чему-то подобному или это покушение было уже отнюдь не первым в его жизни. Прорычав сквозь зубы невнятное ругательство, заморийский нобиль первым бросился в бой, то ли рассчитывая на неожиданность нападения, то ли намереваясь взять неведомого противника на испуг.

И сильно просчитался. Может, в Дэлираме он и считался не последним по мастерству, но сейчас ему определенно не везло. Большинство его ударов оказывались с легкостью отбитыми, а то и вовсе позорно направленными в воздух.

«Ладно, пора заканчивать веселье, – северянин бросил быстрый взгляд на светящийся проем входа в заведение Мамаши Циль. Девицы куда-то отлучились, что было как нельзя кстати. – Как бы там не услышали звона и не подняли тревоги. Счастливого пути, месьор,

передай от меня горячий привет Нергалу! Интересно, много вас там уже собралось? Должно быть порядочно, за столько-то лет!..»

– Убивают! – сдвоенный женский визг прорезал неспешно плывущую над городком тихую ночь. – А-а-а! Кто-нибудь! Там драка!

– Вот только вас еще не хватало, – зло прошипел варвар. Красоткам приспичило не вовремя вернуться, и теперь они вовсю голосили, тыкая руками в начало улицы.

Их вопли оказали плохую услугу противнику киммерийца – он вздрогнул и отвлекся, а в следующий миг уже мешком валился на пыльную старую мостовую споткнувшись о выщербленный камень и получив сильный удар острием клинка в правый бок.

Привлеченные пронзительными криками женщин, из заведения выскочили несколько посетителей. Один из них догадался прихватить с собой факел, и размахивал им, пытаясь разглядеть, что творится на темной улице.

«Не труднее, чем свернуть голову цыпленку, – Конан, вскакивая, бросил меч в ножны и метнулся в ближайший переулок. – Вряд ли они рискнут устроить погоню, но все таки… Что ж, я свое обещание выполнил. Посмотрим, сдержит ли свое месьор Эридат.»

– А не сдержит, так присоединится к этому, – пообещал северянин, оглядываясь и прикидывая, в какой стороне находится постоялый двор. – Угораздило же вляпаться…

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Завтракать Конану пришлось в одиночестве – все попытки разбудить Рингу окончились неудачей. Девушка упорно не желала вставать, вяло отругивалась сквозь сон словечками, о существовании которых порядочная девица и знать-то не должна, не то что произносить без ошибок. Потом она пробормотала длинную и явно не слишком пристойную фразу на причудливом наречии, состоящем из одних шипящих звуков (киммериец предположил, что это родной язык гулей, если у таковой у них имеется), и завершила жалобным:

– Оставь бедную беззащитную женщину в покое… Я спать хочу.

После чего свернулась в клубок, с головой завернувшись в плащ, и перестала обращать внимание на что-либо вокруг.

…Вчера ночью возвращавшийся после честно выполненного дела варвар успел перехватить Рингу неподалеку от постоялого двора. В ответ на все обвинения в крайней бестолковости и неосмотрительной глупости рабирийка молча показала на небо. Успевшая вырасти до изрядных размеров луна поднялась высоко над крышами, что означало полное соблюдение недавнего уговора: отправляться на поиски только после восхода луны. Настроена девушка была весьма воинственно (видно, хмель еще полностью не выветрился) и явно собиралась в случае необходимости превратить неясные слухи о гулях во вполне реальные и подтвержденные надежными свидетелями…

Барракс в это утро отчего-то был угрюм и покрикивал на служанок более обычного. Впрочем, его окрики и ценные указания на качество подаваемой стряпни не влияли – она как была, так и оставалась не слишком умело приготовленной.

Никаких сплетен о происшествиях минувшей ночи пока не появилось.

«Ну вот, с нашими неприятностями наконец покончено. Интересно, кто же все-таки был этот тип, который так сильно спешил в гости к Мамаше Циль и ее курочкам? – во дворе „Медной подковы“ что-то рухнуло и с грохотом покатилось, точно отброшенный пинком с дороги тяжелый предмет. – Чего у них там стряслось?»

В дверь нетерпеливо и с силой постучали. Хозяин гостиницы, как нарочно, куда-то отлучился, а варвар справедливо полагал, что совершенно не обязан вскакивать и открывать двери кому бы то ни было. Надо будет – сами откроют и войдут.

Что и случилось через мгновение – дверь распахнулась настежь, и в гостиницу ввалилось пять или шесть вооруженных до зубов гвардейцев местной городской охраны. Еще с десяток человек, как успел разглядеть Конан, околачивались во дворе.

«Ого, никак здешние власти и в самом деле решили принимать меры! – язвительно подумал киммериец. – И начали с прочесывания постоялых дворов на предмет поиска подозрительных личностей. Надо же, а я в кои веки оказался ни в чем не замешан! Даже обидно…»

Доблестные гвардейцы выглядели слегка растерянными и недоумевающими. Похоже, их не часто отправляли разыскивать кого-либо, и они смутно представляли, как именно это делается.

– Эй, кого ловим? – ехидно осведомился северянин. – Злодеев короны или возмутителей спокойствия?

– Да нет, – удрученно отозвался старший в патруле. – Наемника какого-то, чтоб ему пусто было… Недавно прибыл из Турана, остановился вроде здесь, а звать… как там,

говорили, его имя?

– Конан, – напомнил один из стражников, мявшихся за спиной капитана патруля. Стражникам хотелось побыстрее разделаться со столь нелепым поручением, как отыскать в городе нашкодившего заезжего наемника, и вернуться к приятному ничегонеделанию, бывшему их основным занятием.

– Это я, – озадаченно сказал киммериец, со стуком опуская на стол пустую кружку, и начиная понимать, что старая пословица была, как всегда, права. Та самая пословица, что гласит: «Если видишь мост, и змея тебе говорит – через него идти нельзя, а заморiец – можно, лучше поверь змее.»

На лицах гвардейцев появилось выражение тоскливого недоумения и покорности судьбе. Человек, сидевший за столом, выглядел способным без особых усилий разделать на мельчайшие кусочки десяток таких патрулей. Однако вся стража города сегодня утром получила строжайшее предписание доставить этого человека живым или мертвым, а приказ необходимо выполнять любой ценой.

– А на кой я вам понадобился? – поинтересовался несколько обалдевший варвар. Капитан патруля предусмотрительно отступил на пару шагов назад и не слишком твердым голосом заявил:

– Ты того… Арестован. За грабеж и убийство.

«Ничего себе начинается денек! Сетовы змееныши, меч!..»

Клинок остался спокойно лежать себе наверху, в комнате. Не таскать же его все время с собой. К тому же киммериец полагал, что его дальнейшее пребывание в городке не будет связано с необходимостью пускать меч в дело.

– Какой грабеж, какое убийство? – очень искренне возмутился Конан. – Если кто-то натворил дел, то при чем здесь я?

– Там разберемся, – заморiец безуспешно попытался произнести эти слова с подобающей внушительностью.

– А ты уверен, что доберешься до этого самого «там»? – невозмутимо поинтересовался варвар.

Миг спустя тихая, пустовавшая общая зала постоялого двора превратилась в нечто, весьма напоминающее поле, на котором бушует кровавое сражение.

Северянин очень хорошо представлял, что ему необходимо сделать в первую очередь – пробраться к дверям и закрыть их. На какое-то время это задержит оставшихся во дворе. На достаточное, чтобы успеть выбить дух из неудачников, застрявших в гостинице, и смыться.

Капитану патруля и стоявшему у него за спиной гвардейцу не повезло больше всех – на них обрушился внезапно оживший и взлетевший в воздух тяжелый стол. Пока опешившие стражи порядка соображали, что происходит, вскочивший на ноги киммериец успел в два прыжка добраться до дверей и заложить их первым попавшимся табуретом, выглядевшим достаточно прочно.

– Что встал, лови! – второй табурет полетел прямиком в голову ближайшему из стражников, пытавшемуся выдернуть из ножен безнадежно застрявшую саблю. – Не поймал…

Двое уцелевших заморийцев предпочли отступить и заняли относительно безопасную позицию на лестнице. Их начальник после краткой борьбы с перевернутым столом сумел выбраться на свободу, и теперь последними словами клял судьбу, решившую в этот заведомо неудачный день свести его с жутким наемником. Однако долг есть долг, и пошатывающийся

капитан патруля потянулся к ножнам.

«Как там Мораддин показывал? Сначала слева, потом…»

Движение получилось, может, не столь изящным и незаметным, как у полугнома, зато на редкость действенным – заморнец пролетел через весь зал, сворачивая попадавшиеся на пути столы, мешком плюхнулся в углу и больше не шевелился.

– Мы, может, в тайной гвардии Илдиза и не служили, – проворчал довольный собой Конан. – Но некоторые вещи получаются ничуть не хуже…

Он оглянулся посмотреть, как там обстоят дела у двух пока живых гвардейцев и изумленно присвистнул. Впрочем, открывшееся зрелище того стоило – двое вояк, тихо поскуливая от ужаса, пятились вниз по ступенькам от наступавшей на них маленькой женщины.

Если только это разлохмаченное, угрожающе шипящее существо с оскаленными клыками действительно было женщиной, а не воплотившимся кошмаром.

«Ночью в лесу такое встретишь – и безо всякой магии концы отдашь со страху, – мелькнуло в голове у киммерийца. – Вот тебе и тихая, милая девочка!..»

Подвывавшие и явно ничего не соображавшие стражники достигли нижних ступенек, и все, что оставалось сделать варвару – подойти, сгрести их за шиворот и слегка стукнуть головами друг об друга. После чего им уже оказались не страшны любые гули.

Ринга, остановившись посредине лестницы, несколько раз с силой провела по лицу ладонями, точно стирая нанесенную краску или пытаясь отделаться от плотно приставшей маски. Когда она опустила руки, то выглядела, как и подобает обычной женщине.

– Держи! – девушка обернулась, с усилием подняла со ступенек что-то длинное и бросила стоявшему внизу варвару. – Еле дотащила, такой тяжелый… А что здесь творится? Я услышала грохот и прибежала…

– Потом расскажу, – Конан на лету подхватил ножны с мечом, принесенные рабирийкой. – А пока следует немедленно исчезнуть отсюда. Эта сволочь – я имею в виду твоего бывшего хозяина – продала нас с потрохами. Во дворе околачивается еще с десяток идиотов в форме, и мне напрочь не хочется встречаться с ними.

– Угу, – понятливо кивнула Ринга, пытаясь наскоро привести в порядок растрепанные волосы, и озабоченно поинтересовалась: – Куда теперь?

– Ой, мамочки… – еле слышно пискнули откуда-то из-под лестницы. Ринга от неожиданности вздрогнула и торопливо сбежала вниз по ступенькам.

В темном закутке под лестницей зашевелились и высунулась перепуганная мордашка Киски Ви с круглыми от страха глазами.

– Ой, – жалобно повторила она. – Ой…

– Ты что здесь делаешь? – рявкнул северянин. – Брысь! Впрочем, погоди. Где тут у вас черный ход?

– Здесь… – постукивая зубами и заикаясь, ответила Ви, тыкая куда-то себе за спину. – Красавчик, ты что натворил? Это же городская гвардия…

– А мне-то какая разница, – равнодушно ответил киммериец. – Быстренько вылезай оттуда!

Киска выбралась из своего укрытия, с опаской оглядела разгромленный общий зал постоялого двора и захныкала погромче.

– К двери не подходи и не вздумай никого впускать, – предупредил Конан, не обращая никакого внимания на всхлипывания насмерть перепуганной служанки. – Ринга, пошли!

– Не плачь, – рабирийка все же задержалась на мгновение, пытаясь утешить Киску. – Все хорошо, ничего страшного не случилось…

После этих слов Ви немедленно зарыдала в три ручья, но в зале, кроме нее и неподвижных стражников, больше никого не осталось, и слушать Кискины причитания было некому.

Под лестницей на самом деле оказался потайной вход в узенький коридор с очень низким потолком, выводящий на соседнюю с постоялым двором улицу. Конан и Ринга на всякий случай обошли гостиницу и осторожно заглянули во двор – гвардейцы столпились у двери и, похоже, пытались ее выломать.

– Идиоты, – кратко оценил их действия варвар.

* * *

– А что мы будем делать теперь?

Ринга изо всех сил старалась держать язык за зубами, пока гостиница не осталась довольно далеко, но молчать дальше у нее не хватило терпения. В ответ последовало длинное, красочное и не совсем понятное ругательство, смысл которого сводился к тому, что некоему киммерийцу и одной рабирийке вовсе не помешало бы поменьше уши развешивать.

– Прятаться, – высказавшись и отведя душу, Конан стал более разговорчив. – Хороши же мы с тобой – поверили старому мешку с дерьмом!

Девушка открыла рот, чтобы напомнить – она ведь предостерегала от соглашения с Эридатом, но, подумав, промолчала. Что теперь толку выяснять, кто оказался прав, а кто нет. Она могла сто раз повторить, что ее бывшему хозяину не следует доверять, но к ее словам все равно бы не прислушались.

– Если нас ловит местная гвардия, – продолжал на ходу киммериец, сворачивая в какой-то узкий проулок и таща за собой чуть испуганную девушку, – то справиться с патрулями – пара пустяков…

«А если нет, то придется побегать. Проклятый городишко! – зло добавил про себя северянин, и в очередной раз задал вопрос без ответа: – Спрашивается, чего ради я все глубже вляпываюсь в это болото?»

Зажатый между покосившихся домишек грязный проулок вильнул, сливаясь с улицей пошире, ведущей к центру городка. Варвар и девушка не успели пройти по ней и двух десятков шагов, когда позади непривычно громко застучали по разбитой мостовой копыта по меньшей мере трех лошадей. Конан оглянулся через плечо, тихо выругался и бросил вмиг посерьезневшей девушке:

– Иди спокойно.

– Кто там? – Ринга не решилась посмотреть назад, но встревожилась, понимая, что верховые преследователи без хлопот загонят не знающих города беглецов в какой-нибудь тупик.

– Туранцы, – мрачно уронил киммериец. У него совершенно вылетела из головы обмолвка Эридата о стоящей в Дэлираме туранской полусотне. Есть, конечно, слабая надежда, что трое появившихся на улице всадников в форме туранской гвардии спешат куда-

то по своим делам, но уж больно внимательно они осматривали улицу и вглядывались в редких прохожих.

«Голову сверну мерзавцу, – пообещал варвар. – Только удрали из Турана, и нате вам – опять все с начала!»

Необходимо было как можно скорее убраться с улицы. Но, как назло, на глаза не попадалось ни одного переулка, а дробный перестук копыт неумолимо приближался. Ринга покосилась назад, издала тихий сдавленный звук, но с шага не сбилась.

– Эй вы, двое! – резко окликнул не спеша идущую по улице пару стражник. – А ну стойте!

В этот же миг Конан заметил полуоткрытые ворота, ведущие во двор двухэтажного дома, выглядевшего довольно зажиточным, и, не долго думая, решительно свернул туда. Девушка шустро юркнула за ним.

Туранцы приостановили коней, но, после краткой перебранки не решились последовать за подозрительной парой – уж больно уверенно те вошли в ворота. Кто их знает, может, в самом деле здесь живут…

– Поехали! – рявкнул наконец старший патруля. – Все равно никуда не денутся! Из-под земли достанем!

Перестук копыт, постепенно удаляясь, загрохотал вниз по улице. Киммериец осторожно выглянул в щель между створками – гвардейцы действительно уехали.

– Из-под земли достанем, – с презрением передразнил варвар. – Нет, ты слышала? Эти ослы, не видящие дальше собственного носа, собираются нас достать из-под земли!

Ринга кивнула и озадаченно спросила:

– А им-то мы зачем понадобились?

– Сойдем за виноватых, – огрызнулся Конан. Он явно собирался продолжить свою мысль, но тут его вниманием завладели события, происходящие во дворе.

Никто не заметил вбежавших с улицы наемника и девушку, сразу метнувшихся за стоявшую возле ворот повозку с мешками. Все были с головой погружены в другие дела.

Посреди пыльного, мощеного сероватым камнем двора металось несколько человек, пытаясь поймать за болтающиеся поводья выскочившую из конюшни лошадь. Вороной конь, задавшись целью устроить надоедливым двуногим веселую жизнь, зло скалил зубы, визжал и норовил лягнуть любого, кто по глупости окажется достаточно близко от его копыт. Богато украшенное седло съехало набок, ударяя животное при каждом очередном скачке по ногам и доставляя множество неприятностей.

– Да держите же его! – взывал предусмотрительно стоявший в отдалении человек, не принимавший участия в попытках усмирить разошедшегося скакуна. – Сейчас хозяин придет!

– Вот сам и держи! – последовал высказанный нестройным, но на редкость единодушным хором ответ. – Он же кусается, зараза!

Конь подтвердил полную справедливость высказанного о нем мнения, цапнув за руку кого-то отвлекшегося. Человек истошно завопил, утверждая, что его загрызли насмерть. Все немедля шарахнулись как можно дальше от сердито фыркающей лошади, оставшейся в одиночестве бродить по мгновенно опустевшему двору. Больше желающих ловить бешеного хозяйского коня не нашлось.

– А кляча нам бы пригодилась… – задумчиво процедил Конан. – Даже одна на двоих.

– Зачем? – удивилась Ринга. – Тебе не кажется, что сейчас несколько не до того?

– Устроим скачки с препятствиями, – хмыкнул ее непредсказуемый спутник. – Ворота открыть сумеешь? Вот и молодец. Тогда я пошел.

Позже никто из толпившихся во дворе зевак не смог с уверенностью припомнить и сказать, откуда появился высокий темноволосый чужеземец. Громила уверенно подошел к подозрительно косившемуся коню, поправил сбившееся седло и мимоходом треснул жеребца, намерившегося укусить нахала, по морде. После полученного тычка конь притих и впал в глубокую задумчивость, позволив незнакомцу беспрепятственно забраться в седло и подобрать поводья.

– Не умеете вы с лошадьми обращаться, – заключил неизвестный, разворачивая коня мордой к воротам. – Вот и будете всю жизнь ходить пешком.

Вороной послушно тронулся с места, даже не пытаясь проделать одну из своего обширного набора пакостей – например, взбрыкнуть или тяпнуть всадника за колено – приблизился к оказавшимся распахнутым створкам и на мгновение задержался. Из-за старой телеги выскользнула маленькая женщина, чужеземец протянул ей руку, помогая взобраться на спину лошади, после чего пнул коня и преспокойно выехал за ворота на улицу.

– Грабят, – шепотом сказал наблюдавший за этими нехитрыми действиями управляющий дома, тот, что настойчиво требовал усмирить разыгравшееся животное, и нерешительно добавил погромче: – Помогите!..

«Вот и лошадью обзавелись, – Конан оглянулся назад, убедившись, что преследовать похитителя никто не осмелился. – А что теперь? Кому и что успел растрепать мерзавец Эридат? В гостиницу пока возвращаться нельзя – даже здешние чурбаны могут сообразить оставить там десяток-другой человек на случай нашего появления. Кажется, в охоте принимают участие и туранцы… вот это уже совсем плохо. Попробовать удрать из города? Ну, и далеко мы ускачем – без еды, без воды и с более чем вероятной погоней на хвосте? Кстати, почему эта компания тупиц разыскивала именно меня, а Рингу даже словом не помянула?»

– Мы едем куда-то или просто вперед? – напомнила о себе девушка, ерзая на крупе коня и изо всех сил пытаясь не свалиться.

– Пока вперед, – отозвался киммериец, пытаясь сообразить, в какую часть городка их занесло. – Ищем, где бы отыскать тихий уголок и спрятать нашу скотинку…

– Конокрадство, между прочим, строго карается, – сообщила Ринга и фыркнула. – Знаешь, они все так и остались стоять во дворе с разинутыми ртами… Первый раз в жизни вижу столь нахальную кражу.

– Ты вообще много чего видишь впервые, – ехидно заметил варвар. – Привыкай. То ли еще будет…

– Я так и поняла, – вздохнула рабирийка и пожаловалась: – Отчего у этой лошади спина такая костлявая?

Ответить Конан не успел – их конь нос к носу столкнулся с выехавшим из переулка патрулем туранцев. Может, с тем же самым, что незадолго до того пытался остановить подозрительную парочку, а может, с другим. Дело было совсем не в этом.

Стражники даже не успели преградить дорогу неизвестным всадникам со странной привычкой разъезжать вдвоем на одной лошади. Вороной, получивший изрядной силы пинок пяткой в брюхо, скакнул вперед, дал выход собственному злобному характеру, цапнув за шею подвернувшуюся лошадь, и рысью понесся вниз по улице. Сзади раздались ставшие уже привычными и почти родными вопли: «Стой!» и «Держите его!»

– Начинается, – с досадой рыкнул Конан. – Держись крепче, а то шлепнешься.

– Да держусь, – послушно ответила Ринга. – Кстати, патрульных там пятеро, и они очень хотят нас поймать.

– Пусть сперва как следует побегают, а там посмотрим.

Беглецы свернули в какой-то узкий, заваленный хламом проулок, куда еле-еле протиснулась лошадь, выскочили на соседнюю улицу, и, распугивая шарахавшихся к стенам домов горожан, резво поскакали навстречу неизвестности.

Лучше знавшие городок туранцы не рванулись следом за убегавшей парочкой, предпочтя направиться в обход, и неожиданно выскочили в пугающей близости от преследуемых.

– Догоняют, – жалобно сообщила девушка, в очередной раз оглянувшись.

– Сам знаю, – огрызнулся Конан. Подстегнутый вороной сердито фыркнул и пошел тяжеловатым галопом, несколько увеличив расстояние между собой и погоней. Народу на улицах, по которым проносился конь, становилось почему-то все больше и больше. Киммериец мельком отметил это странное обстоятельство, но не придал ему особенного значения.

Как выяснилось спустя пару мгновений, поступил он совершенно неправильно. Вороной, царапая шипастыми подковами выглаженные временем камни мостовой, повернул за угол и резко остановился, не дожидаясь рывка поводьев. Ринга тихо, но отчаянно взвыла и неумело выругалась.

– Базар, – слегка оторопев, произнес варвар и повторил, точно не веря собственным глазам: – У них сегодня базар, что б их всех…

– Вот именно, – не менее растерянно подтвердила девушка.

– А впрочем… – задумчиво протянул Конан. – Не все ли равно? Нам требуется суматоха – сейчас мы ее устроим. Вспомню славные шадизарские деньки…

– Может, не надо? – робко заикнулась Ринга, но было поздно, – киммериец решительно направил коня в пеструю круговерть тряпочных навесов, сваленных повсюду мешков с товарами и мельтешащих людей.

* * *

Из всех базарных дней в Дэлираме этот, вне всякого сомнения, выдался наихудшим.

Сначала на шумную, постепенно заполняемую народом площадь галопом ворвался огромный вороной конь, нещадно погоняемый странновато выглядящим иноземным всадником. Животное неслось напрямик, не обращая ни на что внимания и снося все оказавшееся на пути. За лошадью оставалась широкая полоса поваленных прилавков, опрокинутых корзин и разъяренных торговцев. Волна воплей и проклятий, катившаяся вслед ненормальным, решившим так невовремя прокатиться верхом, неуклонно ширилась, захватывая все новые и новые торговые ряды.

А навстречу ей спешила, набирая скорость, встречная волна, сопровождавшая вылетевший на площадь отряд туранцев. Гвардейцы заметили удаляющихся беглецов и самоуверенно решили, что успеют настигнуть пытающихся улизнуть злоумышленников прежде, чем те пересекут заполненное кричащими людьми и рассыпанными товарами

пространство.

Где-то посредине безжалостно развороченного рынка две волны встретились. Так же, как и в любом море, на месте их столкновения немедля образовался бушующий и клокочущий водоворот, затягивавший в себя все, что оказалось поблизости.

Вороной конь, изрядно напуганный царящим вокруг гамом и пестрым мельтешением, все же сумел проскочить образовавшуюся свалку. Туранским гвардейцам повезло меньше – они с размаху влетели в шумное людское скопление и намертво увязли, точно в непроходимой трясине, не имея возможности ни продвигаться вперед, ни подать назад и попробовать обогнуть площадь.

– Вот интересно, дураков в армию Илдиза специально где-то подбирают или берут первых попавшихся? – ядовито полюбопытствовал Конан, глядя на орущих во всю глотку и пытающихся пробиться сквозь плотную толпу вояк. – Ну кто же так ловит злодеев? Нас то есть?

– А как нужно ловить? – Ринга оглядывалась вокруг, испытывая легкое потрясение – мирный рынок сейчас больше напоминал разоренный улей или муравейник. Как, оказывается, немного надо, чтобы превратить спокойный городок в подобие поля военных действий… Всего лишь в базарный день на всем скаку пронестись через торговую площадь.

– Обложить рынок со всех сторон, перекрыть все выходы и ждать, постепенно выгоняя торговцев, – сообщил киммериец, направляя коня на особенно ярко раскрашенный навес. Тонкие деревянные шесты немедленно сломались, когда тяжелая лошадь мимоходом случайно зацепила их. Ткань полога рухнувшей лавиной накрыла замешкавшегося и не успевшего выскочить владельца лавки. Из-под складок донеслись заглушенные призывы о помощи, перемежаемые обещаниями страшных кар негодяю, осмелившемуся учинить этакое безобразие.

– Ну-ну, – хмыкнул варвар и уже из чистого озорства толкнул ногой чудом уцелевшую в общем разгроме высокую пирамиду плетеных клеток с курами. Пирамида качнулась, рассыпалась, вихрем взлетели белые перышки, перепуганные куры истерично заклохтали, добавив шуму к царящему на площади переполоху.

Куриные вопли стали для вороного жеребца последней каплей, переполнившей неглубокую чашу звериного терпения. Испуганный громкими криками, раздавшимися совсем рядом, конь метнулся в сторону, свалил соседний навес, и заячьими скачками помчался вперед, ничего не видя перед собой.

Он не обратил внимания даже на рывком натянувшуюся узду, только досадливо мотнул головой. Противная железная палка, врезавшаяся в углы рта, неожиданно куда-то соскользнула. Конь не понял, что случилось, но почувствовал изрядное облегчение.

Зато смысл происходящего очень хорошо поняли люди, сидевшие на спине несущегося животного. Лопнул повод, тоненький нарядный повод из красной тисненой кожи. Треснул, как гнилая нитка.

Всадников швырнуло назад, и, если бы Конан не успел вовремя ухватиться за жесткую густую гриву коня, неизвестно, чем бы все обернулось.

Неудачливые торговцы и покупатели спешили теперь сами поскорее убраться с пути понесшей лошади, храпевшей и безумно косившейся по сторонам. Окажись на пути взбесившегося жеребца каменная стена, он бы, наверно, не заметил ее и попытался мчаться дальше. По счастливой случайности, конь несся именно туда, куда требовалось – в стремительно приближавшийся просвет между окружавшими площадь домами.

Наконец, вороной вырвался с разгромленного и потрясаемого многоголосыми воплями базара на почти пустую улицу, и пошел по ней галопом.

«И как, скажите, теперь остановить эту скотину? – успел подумать киммериец. – Надо же, и на этот раз обошлось…»

– Впереди! – пронзительно взвизгнула Ринга, и варвар понял – нет, еще ничего не обошлось.

Из переулка на улицу неторопливо вышел задумчивого вида ушастый ослик, с важным и целеустремленным видом таща за собой перекосившуюся на один бок повозку. Над бортами повозки возвышалась огромная ярко-желтая гора каких-то плодов, а за тележкой брел ее владелец, погруженный, видимо, в тяжкие размышления о жизни.

– Прыгай! – рявкнул Конан, мгновенно сообразив, что спятивший вороной не заметит тележку, даже когда она окажется у него прямо под носом. – Кому говорю!

Девушка коротко охнула, послушно оттолкнулась от лошадиной спины и кувырком полетела вниз, на потертые неровные камни мостовой. Киммериец очень надеялся, что Ринга не свернула себе шею, но оглядываться и проверять было некогда.

Повозка замерла прямо посреди улицы – ослик и его владелец одинаково тупыми взглядами уставились на неумолимо приближающийся четвероногий смерч. Варвар собирался последовать за Рингой, однако промедлил одно лишнее мгновение, выискивая, куда спрыгнуть, за что немедленно поплатился.

Вороной конь на всем скаку врезался в тележку, сбив с ног истошно заверещавшего ослика, с хрустом переломав оглобли, запутался в оборвавшихся поводьях и грузно повалился набок.

«Ненавижу лошадей!»

В следующий миг Конан отчетливо понял, что если проклятая скотина не поднимется с первой попытки, то один варвар с севера рискует остаться с парой-тройкой переломанных ребер или хорошо раздробленными ногами. А если кляча вдобавок начнет биться, то долгие пути киммерийского наемника можно смело считать завершенными. С ума сойти, умудриться грохнуться вместе со спятившим конем, которому давно пора на живодерню!

Лошадь задергалась, ища опору под ногами, изогнула шею и с огромным трудом все-таки перекатилась на живот и встала.

Владелец тележки не двинулся с места, совершенно безумным взором уставившись на внезапно пожелтевшую улицу – при ударе повозка просто развалилась на части, а ее содержимое веером разлетелось во все стороны. Ослик лежал на боку и делал вид, будто скоропостижно скончался.

Взмыленный жеребец растерянно и совершенно по-человечески огляделся, а затем, заметно пошатываясь, побрел в сторону и скрылся в проулке между домами, волоча за собой запутавшийся в рваных поводьях обломок оглобель.

Киммериец потряс головой, приходя в себя, и понял, что его настойчиво дергают за плечо.

– Вставай! – и без того большие глаза Ринги казались просто огромными и до ужаса перепуганными. – Мне показалось – тебя лошадь раздавила…

– Еще не родилась та кляча… – проворчал в ответ варвар, пытаясь подняться и тут же валясь обратно на мостовую. – Сет и все демоны, только этого еще не хватало!

С левой ногой что-то явно было не в порядке. К счастью, обошлось без перелома, но вот вывиха избежать не удалось.

– Что случилось? – тревожно спросила девушка. Она-то приземлилась удачно, отделавшись рваным подолом, и теперь бросала озабоченные взгляды в конец улицы, откуда долетал шум растревоженного рынка, похожий на гудение злобного роя пчел. – Ты можешь идти? Гвардейцы наверняка скоро примчатся сюда…

Хозяин разбитой тележки наконец обрел дар речи и заголосил, призывая на помощь. Конан с удовольствием уложил бы этого крикуна на месте, но беглецы не могли надолго задерживаться и ждать неизбежного появления стражников.

– Пошли, – киммериец, ругаясь про себя, заковылял по улице к переулку, куда убежал конь. Конечно, они сделали большую глупость, упустив лошадь, но теперь напуганная скотинка наверняка ускакала и ее не догнать.

Ринга задержалась. Она обошла причитавшего торговца, заглянула ему в лицо и что-то негромко произнесла. Заморiец дернулся и остался стоять с разинутым ртом и выпученными глазами, не в силах выдавить из себя хоть слово. Девушка деловито подобрала несколько валявшихся на мостовой маленьких дынь, выкатившихся из повозки, и побежала догонять ушедшего варвара.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Растревоженный базар все еще не мог успокоиться, но сюда, на окраину Дэлирама, людской гомон и крики почти не долетали. Местные гвардейцы вкупе с туранской полусотней носились по окрестным улицам, старательно разыскивая злоумышленников, один из которых (если не оба) обвинялись по меньшей мере в десятке преступлений. Никто, правда, не знал толком, что конкретно натворила подозрительная парочка иноземцев, устроившая нешуточный переполох на торговой площади, и по взволнованному городку стремительно расползались самые невероятные слухи.

Единственной стоящей находкой рыскавших повсюду стражников был загнанный до полусмерти вороной жеребец, волочивший за собой оборванный повод. Шатающийся конь на подламывающихся ногах добрел до городской водопойни, уткнулся мордой в корыто с грязноватой водой, да так и остался стоять. Замученное животное быстро опознали – оно принадлежало одному из известных в Дэлираме купцов – и отвели к хозяину. Выполнявшие это поручение стражники вернулись с известием, что коня незадолго до происшествия на рынке украл какой-то чужестранец. Украл в высшей степени нахально, даже не пытаясь скрываться. Запросто зашел во двор, взял лошадь да ускакал. А еще с ним была женщина с закрытым лицом, похожая на туранку…

Гвардейцы, участвовавшие в погоне, столкнулись еще с одним подозрительным типом – торговцем фруктами, причитавшим над своим рассыпанным товаром. Однако разоренный торговец так и не смог вразумительно объяснить, какой негодяй опрокинул его повозку и куда потом скрылся, каждый раз начиная в ответ нести бессвязную чушь о налетевшем урагане с четырьмя ногами и происках злобных духов.

Разъяренные стражники по-отечески двинули заикавшемуся торговцу пару раз по шее и велели немедля убираться с глаз долой. Раскатившиеся по всей улице фрукты быстренько растащили уличные мальчишки и проходившие мимо добропорядочные горожане – отношение к чужому добру у дэлирамцев было насквозь прозаическим. Ослик, убедившись, что опасность миновала, поднялся на ноги и с меланхоличным видом приступил к уничтожению уцелевшего товара, не обращая внимания на истошные вопли хозяина.

А два злоумышленника и нарушителя спокойствия в это время сидели на низкой каменной ограде возле маленького пригородного домика, ели украденные дыни и размышляли, как им быть и что делать дальше. Корки от дынь они довольно непочтительно швыряли в стоявшую неподалеку статую, изрядно попорченную временем, и то ли изображавшую какого-то местного божка, то ли призванную служить украшением невзрачной улицы. Божок держал в руках предмет, имевший отдаленное сходство с корзиной, и парочка старалась забросить объедки именно туда.

– Давай убежим, – нарушила молчание девушка, запустив в уродливого идола очередной коркой. – Неужели мы не сможем пройти какие-то паршивые десять лиг?

– Значит, убежим, – задумчиво, точно прикидывая слова на вес, повторил ее спутник. – Вчера днем я бы еще согласился. Но теперь, когда любая собака в здешней дыре сможет описать нашу внешность…

– Ну и что? – недоуменно спросила Ринга, отцепляя изрядно надоевший ей синий шарф и обматывая его вокруг пояса.

– Да, что на сотню болванов в военной форме может отыскаться один умный человек! –

рыкнул Конан. – И он додумается перекрыть любые дороги из города, обшарит постоялые дворы и обяжет всех торговцев сообщить, если у них в лавке объявятся подозрительные личности наподобие нас с тобой. Да и как мы сможем выйти из города? По Дороге Королей на восход и закат – здесь караул поставят в первую очередь; местная дорога на Аренджун или в горы – на нее тоже можно послать стражников. Как еще?

– Через степь, – подумав, робко предположила девушка. Киммериец посмотрел на нее свысока, будто на не слишком умного ребенка или блаженную дурочку.

– Значит, через степь? – насмешливо переспросил он. – Где человека заметно за все двадцать лиг? И как, интересно, ты пойдешь через степь без капли воды? Учти, что придется не по ровной дороге топать – там ведь спотыкаешься на каждом шагу. Ты не пройдешь и полулиги, как свалишься, а мне достанется тащить тебя всю оставшуюся дорогу. Да, и не забудь про погоню.

– Мы можем выйти после заката, – настаивала на своем Ринга. – Нас не заметят. За ночь мы сумеем уйти далеко.

Она помолчала и едко добавила: – Между прочим, это ты первый свалишься – у меня-то ноги в порядке.

– Да я на одной ноге ускачу дальше, чем ты на двух, – огрызнулся варвар. В словах девушки, если честно, имелась доля правды. Наскоро вправленный вывих давал о себе знать, и, конечно, в самые неподходящие моменты. Конан был уверен, что сможет идти, хотя и не с той скоростью, как обычно, и сможет даже пробежаться на короткое расстояние, но с дальним переходом лучше обождать денек-другой. Вот ведь не повезло!

– Что же тогда делать? – жалобно спросила рабирийка. – Прятаться и ждать, пока все затихнет? Или когда вернется твой приятель? Лошадь мы упустили, из города нам не выбраться…

– Денег у нас опять нет, – внезапно сообразил Конан. Все сбережения наемника и его подопечной остались на постоялом дворе. Ринга осознала эту печальную истину мгновением позже и тихо охнула. Над прокаленной солнцем улочкой повисло тягостное молчание.

– И знаешь еще что, – медленно проговорил киммериец. – Смотри, как все складывается: после того, как мы нашумели на базаре, нашу комнату в как ее… «Подкове» наверняка обыщут и без особого труда обнаружат золото. Раз Эридат принимает во всем этом участие, он с величайшей охотой подтвердит, что деньги принадлежат ему, и готово! Оправдаться нам не удастся, остается только надеяться на удачу и бежать.

– Но почему? – тоскливо сказала девушка. – Неужели нет способа доказать, что мы ни в чем не виноваты?

– Потому что это – Замора, – отрезал варвар. – И, как не крути, золото мы действительно украли и этого типа… Как-там-его я убил. Остаются еще два покойника, к смерти которых мы совершенно непричастны, но придется отвечать и за них. Если только…

Он внезапно замолчал, пристально уставившись на пыльную мостовую, точно увидел там нечто, могущее подсказать выход из сложившейся затруднительной ситуации. Ринга нетерпеливо заерзала на месте и осторожно осведомилась:

– Если только что?

– Даже в растреклятом Туране мы могли бы доказать свою невиновность, сумей мы отыскать и предъявить ублюдка, на самом деле прикончившего тех двоих, – отозвался Конан. – И попадись нам такая редкость, как честный судья. В Заморе подобного просто не встретишь, как не бывает снега в пустыне… Однако мы могли бы подкупить или запугать

человека, способного поручиться за нас…

– Я ничего не понимаю, – испуганно призналась рабирийка. – Не сердись, но я еще плохо разбираюсь в людских делах. Объясни, что ты имеешь в виду?

– Я и сам ничего не понимаю, – после некоторого размышления сознался варвар. – Но зато я твердо убежден в одном: Эридат затеял какую-то свою игру. Мы по чистой случайности подвернулись ему под руку, и он немедля воспользовался случаем. А теперь я собираюсь узнать, какого демона он это сделал и неужели он ни капли не дорожит собственной шкурой? Она ведь у него только одна.

– Ты… Ты хочешь пойти к Эридату? – не поверила своим ушам Ринга. – После всего, что случилось? Зачем?

– Я честно старался держаться в стороне и ни во что не вмешиваться, – проворчал Конан. – Но я не собираюсь сидеть и глазеть, как из меня – да и из тебя тоже – делают мишень для стрел всех желающих. Из этого мерзавца, твоего хозяина, я вытрясу остатки его поганенькой душонки заодно с вразумительным рассказом о том, что творится в этом паршивом городишке. Если он сразу не откажется от идеи поохотиться на нас, то даже не успеет об этом пожалеть.

– Понятно, – немного растерянно сказала девушка и решительно добавила: – Тогда я пойду с тобой… и не думай опять запретить!.. Погоди, а если он не согласится взять свое обвинение обратно или окажется, что он не виноват?

– Как это «не виноват»? – возмутился киммериец. – Сама подумай!

– А все-таки? – упрямо повторила Ринга. – Вдруг произошло какое-то невероятное совпадение?

– Тогда… – уверенно начал Конан и остановился на полуслове, а затем мрачно признал: – Тогда и в самом деле придется ловить ту сволочь, что режет людей на кусочки… Только что конкретно мы с ней будем делать, ежели поймаем? Стоило бы разузнать, кто здесь под кем ходит. Полностью довериться мы, конечно, никому не сможем, но всегда отыщется человек, недовольный своим положением…

– Вы, люди, ужасные путаники, – сердито заявила рабирийка. – Черное у вас – это белое, серое и еще десяток других цветов! Как вы только умудряетесь жить на свете?

– Привычка, – хмыкнул варвар. – Учись, пригодится.

– А когда мы пойдем? – спросила девушка, старательно не обращая внимания на насмешки. – Сейчас?

– Когда на улицах полно патрулей? – напомнил киммериец. – Конечно, нет! Сегодня ночью. А пока поищем, где бы переждать день.

Каменная полуразвалившаяся ограда, облюбованная нарушителями спокойствия, обегала традиционный для предместья любого заморийского городка садик с чахлыми деревцами и жухлой от солнца травой. Этот не был исключением. Посреди пыльных разросшихся сорняков одиноко торчали несколько апельсиновых деревьев со скрутившимися и почерневшими от жары листьями. Ринга подобрала валявшийся возле ограды оранжевый плод, очистила, надкусила и недовольно отбросила подальше, разочарованно протянув: «Кислятина…»

На город надвигалась привычная дневная жара, загонявшая обитателей Дэлирама в относительную прохладу домов. В Заморе все жизненно важные дела осуществлялись ночью, а потому не имело никакого смысла торчать на улице. Вдобавок сюда вполне могло занести не в меру ретивого стражника или какого-нибудь любопытного и законопослушного

обывателя.

– Пошли, – запущенность сада наводила на мысль, что таковой давно уже никому не принадлежит или хозяева не часто посещают его. Конан решил, что он и рабирийка смогут отыскать здесь неприметное местечко, чтобы дождаться наступления ночи. Девушка спрыгнула со стены и попыталась пойти рядом, но ей пришлось задерживаться на каждом шагу, отцепляя подол от колючек репейника.

Им повезло гораздо больше, чем рассчитывал киммериец. Кто-то из владельцев построил на краю сада крохотный домик – нечто среднее между сторожкой и сараем. Рассохшаяся дверь была полуоткрыта, любопытная Ринга немедленно заглянула внутрь, принюхалась и звонко чихнула.

– Никого нету, только сено валяется, – сообщила она. – Останемся здесь?

– Давай.

Они осторожно вошли внутрь, вспугнув завозившихся где-то под щелястой крышей птиц. Обычный сарай, набитый изрядно проржавевшими садовыми принадлежностями. Похоже, дом с садом на самом деле давно остались без присмотра.

Оглядевшись, рабирийка без долгих размышлений прыгнула в занимавшую половину сарая кучу слегка подгнившего сена и взвизгнула.

– Эй, осторожнее, – предупредил варвар. – Смотри на змею не сядь.

Ринга не ответила, лихорадочно перебирая складки собственной одежды, словно что-то разыскивая.

– Ты чего?

Вместо ответа девушка запустила руку куда-то под подол, нетерпеливо что-то дернула, и вытащила на свет плотно набитую кожаную сумку. Несколько мгновений Ринга растерянно пялилась на нее, точно не в состоянии сообразить, как эта вещь попала к ней, затем швырнула звякнувший кошель на пол и звонко расхохоталась, запрокидывая голову и напрочь позабыв о своих оскалившихся клыках.

– Ринга, – угрожающе произнес киммериец. – Ты ведь не хочешь сказать, будто все время таскала это, – он подтолкнул валявшуюся на полу сумку, – с собой?

– Я забыла, – девушка с трудом заставила себя прекратить смеяться. – Честное слово, со всей этой беготней у меня совершенно вылетело из головы! Я еще утром, на постоялом дворе, когда услышала грохот, подумала – а вдруг получится так, что мы больше не сможем сюда вернуться? И захватила с собой, сколько смогла. Там камни и монеты… Ты ведь не сердишься? Я действительно забыла!

– А ты уверена, что, кроме этого, больше у тебя ничего из головы не вылетело? – язвительно осведомился Конан.

– Я же не нарочно! – жалобно сказала Ринга. – Все время что-то случалось, надо было куда-то бежать, и…

Она попыталась изобразить на лице выражение полнейшего отчаяния от сознания своей вины, но не удержалась и снова захихикала.

* * *

В сумерках наемник и девушка перебрались через ограду брошенного сада и, вполголоса посовещавшись, направились вниз по улице. Они шли, скрываясь в тени домов и прячась при виде запоздавших прохожих. Полнолуние действительно почти наступило, над крышами притихших домов плыла белая луна, заставляя все предметы отбрасывать четкие синеватые тени.

Почти сразу подозрительного вида парочка убедилась, что не одинока в своей привязанности к ночным прогулкам. Из узкого и темного переулка, оглядываясь по сторонам, выскользнули несколько человек и торопливо, чуть ли не бегом, припустили по пустынной улице.

– Спорим на золотой – я знаю, кто идет в середине, – шепотом предложил Конан, всмотревшись в пятерку спешащих впереди людей.

– Не буду я с тобой спорить, – недовольно ответила Ринга. – Я и сама знаю – госпожа Линдисса. Интересно, куда это она собралась на ночь глядя?

Впереди действительно шествовала недавно овдовевшая рыжая красотка, с ног до головы закутанная в темный плащ и сопровождаемая верной Чари да тремя вооруженными до зубов слугами, один из которых нес тускло мерцающий фонарь.

– Вот и мне интересно, – согласился киммериец. – Кому так повезло?

Девушка ничего не ответила, только презрительно фыркнула, выразив свое отношение к ветреной подружке покойного Райнака.

Линдисса и ее маленькая свита не задерживаясь, уверенно шли вперед, и вскоре варвар заподозрил, что рыжая красотка направляется туда же, куда собрался он сам вместе с Рингой. Неужели она решила нанести визит компаньону своего усопшего приятеля? Честно говоря, странное и не совсем подходящее время для хождения в гости…

На очередном перекрестке госпожа Линдисса остановилась, послав вперед Чари в сопровождении двух охранников. Те довольно быстро вернулись, а принесенные ими вести, похоже, обрадовали нетерпеливо ожидавшую вдову. Группка из пяти человек, больше напоминавших заговорщиков, нежели идущих по своим делам мирных обывателей, поспешно миновала еще пару улиц и вбежала в приоткрывшиеся на мгновение двери дома. Впустивший их человек выглянул, подозрительно осмотрел улицу и скрылся, никого не заметив.

– Это же дом моего хозяина, – недоверчиво проговорила Ринга. – Зачем она пришла сюда?

– Побеседовать о тяготах одинокой жизни, – хмыкнул Конан. – А вот нас с тобой, в отличие от Линдиссы, не впустят с парадного входа.

«Нет, в самом деле, что ей здесь понадобилось? Неужели она назначала встречу Эридату? В жизни не поверю!»

В саду было также тихо, как и в первый приход киммерийца к скромному домику из розового камня, но, не пройдя и десятка шагов, Ринга остановилась. Завертела головой по сторонам и ткнула рукой вперед, в темную массу кустов, еле слышно сообщив:

– Человек.

– Вижу, – отозвался варвар. Неподвижно стоявший, а потому выделявшийся среди шелестящей под ветром листвы силуэт мог не заметить только слепой. Неужели Эридат настолько предусмотрителен, что выставил вокруг своего дома часовых? Впрочем, это его все равно не спасет…

– А можно я? – с плохо скрываемым азартом попросила рабирийка. Не дожидаясь ответа, выбралась на дорожку и пошла по направлению к услышавшему непонятные шорохи

и встревожившемуся часовому. Она шла, даже не думая скрываться, и покачиваясь, как опытная аграпурская танцовщица.

– Эй, ты откуда взялась? – охранник наконец заметил приближавшуюся к нему женщину и ошибочно счел ее совершенно безопасной. – Ты что здесь делаешь?

Ринга не ответила, замерев на месте, и пристально, чуть склонив голову набок, взглянула на внезапно онемевшего часового. Ей пришлось тут же прыгнуть вперед и подхватить его – потерявший сознание страж начал валиться набок.

– Вот и все, – с гордостью сказала девушка, когда тело недостаточно бдительного охранника было уложено под кусты и тщательно присыпано палой листвой. – До утра он не очнется. Когда же придет в себя – не сможет ничего рассказать.

– Как ты это делаешь? – поинтересовался Конан. Стражник не выглядел ни оглушенным, ни одурманенным – просто глубоко заснувшим.

– Не знаю, – пожала плечами Ринга. – Я велела ему немедленно уснуть, он и свалился. Как считаешь, здесь есть еще охрана?

– Вряд ли его поставили сторожить дом в одиночку, – ответил киммериец. – Впрочем, если все дэлирамцы такие ротозеи, то…

Он не договорил. Где-то в глубине сада зашуршала взлетевшая в воздух листва, а затем донесся мягкий топот ног стремительно бегущего существа. Слишком частый и легкий для человека, но вполне подходящий для крупной собаки, да похоже не одной.

«Вот отчего охранник почти не смотрел по сторонам, – запоздало сообразил варвар. – Мерзавец Эридат напустил полный сад собак! Ну ладно, справимся как-нибудь…»

Псы с треском проломились сквозь высохшие от жары заросли, выстраиваясь полукругом и предусмотрительно лишая людей возможности отступить к улице. Все они были местной сторожевой породы – короткошерстные, с обрубленными хвостами и ушами, выглядевшие более чем недружелюбно. Вел их приземистый, мрачный пес, черный с желтыми пятнами, носивший на шее широкий кожаный ошейник с торчавшими во все стороны железными шипами.

Собаки не нападали, но, непрерывно перемещаясь с места на место и угрожающе рыча, заставляли незваных гостей медленно пятиться по направлению к дому.

– Нож! – шипящим голосом неожиданно потребовала Ринга. – Дай нож!

– Спятила? – осведомился Конан. – Хочешь, чтобы тебя разодрали на кусочки?

– Дай нож! – продолжала настаивать девушка. – Я покажу этим шавкам, чего они стоят!

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – проворчал варвар, вытаскивая из ножен короткий узкий клинок и протягивая его Ринге. Свора пока не собиралась бросаться в атаку, но когда в не слишком умные собачьи головы придет эта мысль, двоим забравшимся в чужое владение злоумышленникам придется тяжеловато. Драться с собаками – занятие неблагодарное и почти безнадежное, а главное – сопровождаемое изрядным шумом. Может, рабирийке в самом деле известен способ отпугнуть псов? Полезно иметь среди знакомых человека, имеющего необычные свойства…

Девушка пригнулась, выставив кинжал перед собой, и тихо зарычала, в точности подражая ворчанию крупной рассерженной кошки – леопарда или пантеры.

Большинство женщин неумело хватают попавший им в руки клинок так, что лезвие направлено вниз и подходит только для колющего удара сверху вниз. Кроме того, они крепко вцепляются в рукоятку, точно принимая нож за живое существо, способное в любой момент вырваться. Ринга избежала этих ошибок – она уверенно держала кинжал лезвием вверх и

чуть вперед, слегка пошевеливая им в сторону псов, особо рвущихся вперед.

Собаки попятились, однако их вожак шагнул вперед и тоже глухо заворчал, отвечая на брошенный вызов. Видно, ему уже приходилось иметь дело с дикими зверями. Хотя сейчас перед ним стоял человек, пес не колебался: Ринга для него была лесным хищником, хитростью проникшим на земли его хозяина. Значит, требуется немедленно ее прикончить.

Старый вожак оскалился, прижался к земле и внезапно бросился вперед. Его и девушку разделяла какая-то пара шагов. Черный пес пролетел их по воздуху, намереваясь сбить противника с ног и задушить, но вышло совершенно по другому. Рабирийка, вместо того, чтобы шарахнуться назад, метнулась навстречу стремительно летящей на нее собаке и коротко ударила снизу вниз.

Пес успел издать один невнятный взвизг и затих. Ринга не дала ему упасть, подхватив за передние лапы, и слегка присела, удерживая на весу тяжелое мертвое животное, едва ли не с нее саму ростом. Стая жалобно заскулила и начала отступать назад. Некоторые, наиболее боязливые или предусмотрительные, уже скрылись в темных кустах, остальные, переглядываясь и порыкивая, разомкнули круг, но не решались уйти.

Девушка зарылась лицом в короткую и жесткую собачью шерсть, резко мотнула головой, точно вырвав и отбросив в сторону какой-то небольшой предмет, а затем в тишине раздались отчетливые хлюпающие звуки. Свирепая свора взвыла и бросилась наутек, мгновенно рассыпавшись по саду.

«Она – гуль, – киммериец повторил эти простые слова раза три, но все равно не смог отделаться от налетевшего чувства отвращения. В какой-то миг он чуть не сделал шаг вперед и не снес Ринге голову. – Она – гуль, Нергал ее побери, и это – ее жизнь! В конце концов, ей попалась всего лишь собака!»

Девушка осторожно опустила свою жертву на слой палой листвы и оглянулась. Узкие губы кривились и казались почти черными, желтые глаза блестели слабым отраженным светом, как у охотящейся кошки. Рабирийка выдернула глубоко засевший в теле пса кинжал, тщательно вытерла и рукояткой вперед протянула владельцу.

– Вот так, – тихо и твердо сказала она. – Пошли?

* * *

Похоже, Эридат полностью положился на собак – никаких сторожей больше в саду не встретилось. Никто также не вышел узнать, отчего лаяла и скулила свора.

Киммериец и примолкшая девушка беспрепятственно забрались в первое приглянувшееся окно и замерли, пытаясь сообразить, в какую часть дома их занесло. Где-то совсем рядом раздавались приглушенные голоса, и Конан решил для начала выяснить, кто ведет беседы в столь поздний час. Впрочем, в Заморе для деловых переговоров это было самое подходящее время.

Ринга, поколебавшись, направилась сначала в сторону, прямо противоположную той, откуда долетали голоса, свернула в неприметный коридор и остановилась. Дорогу здесь преграждали тяжелые бархатные занавеси, а из-под них пробивались тонкие лучики красноватого света.

Очень осторожно варвар отодвинул одно из шелестящих полотнищ и заглянул в образовавшуюся щель. Ему не повезло – возле дверного проема вдобавок стояла большая развернутая кхитайская ширма из красного шелка. По туго натянутой и покрытой росписью ткани перемещались отсветы стоявших в комнате свечей и расплывчатыми темными пятнами колебались людские тени.

Рабирийка, не раздумывая, опустилась на четвереньки, беззвучно проскользнула к ширме и прильнула к щелке между бамбуковыми рамами. Не оборачиваясь, показала на пальцах – «четыре человека».

К счастью для непрошеных гостей, люди в комнате были слишком увлечены разговором и не обратили внимания на подозрительные шорохи и возню за отгораживающей часть помещения ширмой.

Двоих из расположившегося за овальным столом общества Конан признал сразу. Рыжая вдовушка сосредоточенно изучала записи на длинном пергаментном листе, иногда хватая лежавшее перед ней перо и делая какие-то пометки. Достойный хозяин дома вполголоса беседовал с молодым человеком, смахивающим на туранского купца или караванщика. В разговоре постоянно упоминался почивший Райнак и сделанные покойником многочисленные долги, а также настоятельная необходимость хоть частичной оплаты таковых. Четвертый из присутствующих в разговор не вступал и вообще старался держаться в тени, вместе со своим креслом отодвинувшись подальше от стола и расставленных на нем шандалов со свечами.

Верная спутница госпожи Линдиссы Чари смирно сидела на скамье возле стены вместе с громилами туповатого вида.

«Какая милая и приятная компания, – усмехаясь, подумал варвар. – Будет очень жаль испортить им спокойный вечерок… »

Линдисса закончила изучение разложенных на столе бумаг и принялась аккуратно складывать их в толстую стопку. Эридат, туранец и даже молчаливый неизвестный повернулись к ней.

– Все в порядке, – заверила их рыжая красотка. – По крайней мере, с этой стороны полнейшее благополучие.

Она подравняла плотные пергаментные листы и озабоченно поинтересовалась:

– Райнак точно ничего не успел передать? Ни в Шадизар, ни в Аренджун?

– Конечно, госпожа, – успокаивающе сказал туранец. – Ни одно слово не вышло и не выйдет за пределы города. Я сам прослежу за этим.

– У нас достаточно хлопот и в пределах, – язвительно заметил четвертый, не принимавший до того участия в разговоре. – Месьор Эридат, что за идиотская выходка с наемником?

– Ничего особенного, – пожал плечами хозяин дома. – У гвардии теперь будет занятие, которое надолго ее отвлечет, а Леддар все равно должен был умереть.

– Ну, а если нашей доблестной городской страже повезет и они каким-то чудом поймают этого иноземца? – не отставал его собеседник. – Не забудьте, с ним эта ваша… – он пощелкал пальцами. – Кто знает, как много ей известно?

Обиженный Эридат надулся и сердито ответил:

– Девчонка ровным счетом ничего не значит! А здешняя гвардия – ты это знаешь не хуже меня – сборище ослов и тупиц!

С этим Конан был полностью согласен, но решил пока не высказывать своего мнения

вслух.

– Я слышал, как они сегодня ловили этого наемника на базаре, – продолжал Эридат. – Он преспокойно удрал от них и где-то спрятался. Думаю, он постарается как можно скорее покинуть город. На всех дорогах стоят туранские патрули, а им я доверяю больше, чем нашей гвардии. Они еще могут всерьез попытаться его задержать. Если им повезет – тогда посмотрим, что с ним делать… а не повезет – значит, такова судьба. Главное – не выпустить из города женщину. Насколько я знаю, они пока вместе и не собираются расставаться.

«Хм, почему им важнее задержать здесь Рингу, а не меня? – озадаченно подумал киммериец. – И что вообще они затевают?»

– А немедийцы? – поинтересовался туранский купец. – Разве мы не можем привлечь к поискам военных?

– Зачем? Нам совершенно не нужны лишние расспросы, – разумно возразила Линдисса и с заметным любопытством осведомилась: – Эридат, а что за наемник и где ты его раздобыл?

– Госпожа Линдисса, не отвлекайся, – торопливо проговорил заморiец, прежде чем овдовевшая день назад и уже успевшая заскучать без достойного общества красотка успела вытянуть у него хоть что-то. – Это всего-навсего какой-то полудикий северный варвар. Если он попадется, ты лично сможешь у него узнать все, что тебя интересует.

Линдисса притворно вздохнула, изобразив искреннее разочарование, а притаившаяся за ширмой Ринга фыркнула.

– Хорошо, – подвел итог молчаливый четвертый собеседник (вожаком в этом обществе явно был именно он, а не Эридат, как поначалу решил Конан) и стукнул по столу ладонью: – Предположим, наемник нам не помешает, а в случае чего месьор Эридат займется им. Мы же продолжаем действовать, как и было задумано. У кого есть вопросы?

– У меня, – одновременно заявили туранец и Линдисса.

«И у меня, – мысленно добавил варвар. – Значит, собираетесь без хлопот изловить подвернувшегося чужеземного наемника, а потом решить, на что он может пригодиться? И не такие грозились, да так и ловят до сих пор… Если живы.»

– Госпожа Линдисса, мы слушаем, – вежливо кивнул так и оставшийся безымянным вожак, сделав остальным знак замолчать.

– Арнак! – возмущенно бросила красавица, вскакивая со своего места. – Если до него случайно дойдет хоть слово – нам придется тяжко, несмотря на наше положение в обществе. Он не желает ссориться ни с Шадизаром, ни с Немедией, ни с Тураном! Он опасен! Кроме того, никто из вас до сих пор не смог обнаружить, где он скрывается!

«Ага, значит в городе имеется один относительно честный человек, – отметил киммериец. – Причем обладающий властью, иначе бы они так не боялись. Учтем и запомним.»

– Мы займемся им, – заверил рассерженную женщину вожак. – В свой черед. Пока он ничем нам не угрожает. У него нет ни доказательств, ни даже подозрений о нашей предполагаемой затее.

– А если он пошлет гонца в Аграпур? – стояла на своем Линдисса. – Или, что еще хуже, в Шадизар? С вестями о внезапно участившихся непонятных убийствах?

– Ну и пусть посылает на здоровье, – небрежно отмахнулся вожак. – Пока гонец доскачет туда, пока власти удосужатся прочитать послание, пока сообразят, что необходимо предпринять и стоит ли вообще обращать внимания на дурацкие события в каком-то

захолустном городке – мы уже все закончим… Тамир, что ты хотел сказать?

– Куда отвести людей? Они не должны болтаться в городе и лишний раз попадаться на глаза. Кроме того, они постоянно кого-то задевают, – пожаловался молодой туранец. – Особенно городскую стражу. Накличут они на свою и на мою голову бед раньше времени!

– Отправь их за город, – после краткого размышления велел предводитель. – Знаешь куда? – туранец коротко кивнул. – Пусть сидят там и даже не думают показываться в Дэлираме! Скажешь: когда понадобится, их предупредят, а кого заметят здесь – может сразу прощаться и с кошельком, и с жизнью. Все, господа? Тогда расходимся и помните, что времени у нас мало, а сделать предстоит исключительно много.

Позади внимательно прислушивавшегося Конана раздалась какая-то шумная возня, прерванная истошным воплем человека. Занавеси с шорохом распахнулись, киммериец еле успел отскочить в сторону, пропуская мимо сначала безостановочно вопящего и согнувшегося громилу, прижимавшего ладони к лицу, а затем клубок из двух или трех яростно дерущихся людей, среди которых была Ринга. Они врезались в ширму, повалили ее и очутились прямо посреди комнаты.

Чари пронзительно завизжала, благородное общество заговорщиков вскочило на ноги, также как и сидевшие возле стены телохранители. Драка на полу мгновенно прекратилась. Один из ее участников остался лежать неподвижно, странно вывернув голову набок, зато двое других проворно отскочили подальше друг от друга и замерли…

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Было нетрудно сообразить, что произошло. Очевидно, Ринга услышала подозрительный шум в коридоре за занавесями и решив проверить, чем он вызван, немедля натолкнулась на обходивших дом слуг или охранников. Первого же человека, самонадеянно попытавшегося ее схватить, рабирийка полоснула по глазам своими «крючками» а потом бросилась на остальных.

Пострадавший от когтей девушки-гуля охранник, шатаясь и тихо подвывая, пересек комнату, сослепу врезался в стол и свалился, не удержавшись на ногах. От внезапного толчка тщательно сложенные госпожой Линдиссой бумаги разлетелись, а свечи опасно закачались.

– Что, пожри меня Нергал, происходит?! – недоуменно воскликнул вожак дэлирамских заговорщиков, еле успев подхватить падающий шандал и тем предотвратив угрозу пожара.

– Варвар, – растерянно пробормотал Эридат, медленно пятясь подальше от стола увидев неизвестно откуда объявившегося северного наемника. – Тот самый…

Вдовушка отвесила оплеуху все еще визжавшей служанке, заставив ту мгновенно смолкнуть, смерила киммерийца оценивающим взглядом и возмущенно заявила:

– Эридат, я против! Никуда вы его не посадите! Почему мне никто не сказал…

– Линдисса! – на редкость дружным и оскорбленным хором завопили хозяин дома и схватившийся за саблю туранец, без труда перекричав женщину. – Что ты несешь!

– Я и сам в состоянии о себе позаботиться, – проворчал Конан. – Но все равно спасибо.

Рыжая красотка ослепительно улыбнулась, словно напрочь позабыв, по какому поводу собралось в тихом домике на окраине столь своеобразное общество. Улыбаясь, она не забывала торопливо сгребать в беспорядке разбросанные по столу листы пергамента и запихивать их в большую кожаную сумку.

– Как он сюда попал? – ни кому не обращаясь, ядовито поинтересовался вожак. – Кто-то мне клятвенно обещал, будто поставит надежную охрану вокруг дома…

– Я и поставил, – попытался оправдаться Эридат и мелкими шажками начал целеустремленно продвигаться к двери. – Гебер, я не знаю, как он сумел сюда пробраться….

– Далеко собрался? – неизвестно откуда перед достойным заморийцем возникло преградившее дорогу лезвие исключительно длинного и выглядевшего чрезвычайно острым меча. – Ну-ка назад!

– Но… – заикнулся владелец дома, оглядываясь в поисках поддержки на своих несколько растерявшихся компаньонов. Никто из них не произнес ни слова и не тронулся с места. За исключением молодого туранца, безуспешно попытавшегося доказать, что висящая у него на боку легкая изогнутая сабля в нарядных ножнах служит не только украшением. Один-единственный выпад туранца пропал впустую; второго же он сделать не сумел, лишившись оружия, мгновенно выбитого из рук. Сабля улетела куда-то в угол.

– Сиди тихо, – посоветовал ему варвар. – К остальным это тоже относится.

Вожак бросил на угрюмо примолкшего Эридата взгляд, которым можно было без труда испепелить на месте, и с нарочитой невозмутимостью обратился к киммерийцу:

– Полагаю, у тебя есть неизвестные нам условия и вопросы? Или тебе непременно нужна голова кого-то из нас?

При упоминании голов трое сообщников быстро переглянулись, а затем напряженно уставились на своего предводителя, пытаясь по его бесстрастному лицу понять, шутит он или

говорит серьезно.

– Что ж, с умным человеком и поговорить приятно, – невольно подражая чуть насмешливому голосу своего безымянного собеседника, ответил Конан. – Условий у меня полно, и первое из них касается вот ее…

Киммериец оглянулся назад, собираясь подозвать девушку к столу, и озадаченно выругался. С Рингой творилось что-то неладное.

Рабирийка сидела на корточках, подобравшись, как зверь перед прыжком, и настороженно обводила сборище взглядом сузившихся и ставших совершенно кошачьими золотистых глаз. Длинные выпущенные когти отставляли на дорогих светло-коричневых досках пола глубокие царапины. Девушка глухо ворчала сквозь оскаленные клыки, ведя себя в точности как попавшее в незнакомую, а потому опасную обстановку полудикое животное.

Конан никогда не верил в существование оборотней, однако сейчас поймал себя на том, что в глубине души ожидает немыслимого зрелища изменения облика Ринги. Варвар бы не удивился, начни рабирийка у всех на глазах покрываться черной густой шерстью и появись у нее длинный и чуть подрагивающий гибкий хвост. К счастью собравшейся компании, ничего подобного не пока не происходило а то не миновать бы криков и визга на весь городок.

– Ринга! – окликать девушку пришлось дважды. На второй раз она соизволила слегка повернуть голову и что-то неразборчиво проворчать. Кажется, рабирийка по непонятной причине всерьез вообразила себя зверем, мгновенно разучившись говорить и передвигаться полагающимися человеку способами. Не пришла бы ей в голову мысль для полного вхождения в образ устроить небольшую охоту, благо дичи имеется в избытке…

Впрочем, отвлекаться на странности подопечной было некогда. Испуганные неожиданным вторжением заговорщики могли в любой миг поднять крик, всполошив наверняка имевшуюся в доме или возле него дополнительную стражу, а посему следовало вовсю пользоваться моментом общего замешательства.

«Ладно, с ней мы разберемся попозже, – быстро решил Конан. – Сейчас необходимо выяснить, зачем здесь собралась эта приятная компания… И желательно как можно скорее.»

– По-моему, твоя подружка несколько не в настроении, – ехидно заметил вожак дэлирамцев, носивший, как припомнил варвар, имя Гебер. Остальное общество, похоже, совершенно не разделяло веселого настроения своего предводителя. Эридат так и вовсе слегка пожелтел да ухватился за стену, чтобы не упасть. Видно, представил себе возможные последствия задушевной беседы один на один с впавшей в звериное состояние Рингой.

– Зато я в настроении, – рявкнул киммериец. – И первое, что я хотел бы узнать…

– Зачем мы втянули тебя в наши дела? – завершил фразу Гебер. – Уверяю тебя, это произошло совершенно случайно. И всем нам будет лучше, если на этом наше знакомство завершится.

Компания мошенников (а в том, что перед ним именно мошенники, Конан не сомневался – слишком часто он сталкивался с этой разновидностью рода людского, да и сам порой бывал таковым) яростно, хотя и вразнобой закивала, соглашаясь с мнением вожака.

– Допустим, – согласился киммериец. – Но один из вас уже пообещал мне все богатства мира и дармовую выпивку в придачу за совершенно пустяковую, как он утверждал, работу… – Эридат сделал слабую и безуспешную попытку притвориться, что его здесь нет, и что он совершенно не представляет, о каком деле идет речь. – …а теперь я вынужден сломя голову носиться по вашему паршивому городишке, спасая свою шкуру. Мне это не нравится.

– Приношу свои искренние извинения за необдуманные действия моего компаньона, –

церемонно проговорил Гебер. – Месьор Эридат переоценил свою значимость и недооценил твои возможности. Кроме того, он не потрудился поставить нас в известность о предпринятых им действиях. В противном случае мы, конечно, не согласились бы с его предложениями или позаботились о том, чтобы они были выполнены.

Эридат всем своим видом выразил полнейшее согласие с полученным от вожака выговором и готовность в дальнейшем безоговорочно подчиняться любым его распоряжениям. Линдисса бросила на притихшего хозяина дома короткий презрительный взгляд, затем выразительно посмотрела на Конана, состроила чопорную гримаску и тихонечко хихикнула. Молчаливо наблюдавшая за людьми Ринга неожиданно издала пронзительный шипящий звук, от которого все нервно дернулись, а туранец схватился за пустые ножны, позабыв, что находившаяся в них сабля давно валяется в углу.

– Ну и? – хмуро потребовал продолжения варвар. Извинения, конечно, вещь хорошая, но никакой особой пользы из них обычно не извлечешь. Разве что на душе становится несколько приятнее. Впрочем, северянин ни капли не верил ни в честность предводителя заговорщиков, ни в искренность его слов. Им требовалось только его молчание – любой ценой. Вот пусть и платят…

– Сколько? – невозмутимо осведомился замориец, не обращая внимания на мрачное выражение лица невольного гостя и вытянувшиеся физиономии своих приятелей. – Сколько ты хочешь за причиненные тебе неприятности и за то, чтобы ты как можно скорее позабыл о нашей встрече?

«Ага, после чего к обширному списку моих якобы преступлений в Дэлираме добавится безжалостное ограбление мирных обывателей прямо в их собственном доме, – мелькнуло в голове у Конана. – Впрочем, поглядим еще, кто кого перехитрит!»

– Десять тысяч, – не раздумывая, заявил киммериец, краем уха расслышав слабый протестующий вопль. Ничего, не обеднеют. Тот же Эридат наверняка заполучил обратно часть украденных у него денег, из числа оставшихся лежать в комнате на постоялом дворе «Медная подкова», если только Барракс не прибрал их к рукам. Хотя дважды грабить одного и того же человека – в этом есть что-то ужасно забавное…

– Камнями или золотом? – все также спокойно поинтересовался Гебер. – Если золотом, то какой чеканки – туранской или немедийской?

Жадность у Эридата, каким-то седьмым чувством понявшего, что расплачиваться придется именно ему, взяла верх над осторожностью, и почтенный месьор не выдержал.

– Да за что ж ему платить! – с неподдельной скорбью в голосе взвыл он. – Не забудьте, этот ублюдок преспокойно обокрал меня и спутал все наши планы! А мы должны теперь откупаться, чтобы он оставил нас в покое! Гебер, ну нельзя же так!

– Помолчи, – раздраженно бросил вожак. – Не забывай, что если бы не ты и твои необдуманные действия, господин наемник никогда бы не узнал о нашем существовании.

Эридат вяло махнул рукой – поступайте, мол, как знаете – и оскорбленно замолчал, стараясь не обращать внимания на откровенно насмешливые взгляды госпожи Линдиссы.

– Монеты немедийской чеканки меня вполне устроят, – безмятежно сказал Конан. – И еще мне требуется пара лошадей.

«Туранские империалы явно не желают задерживаться у меня в карманах. Может, с немедийскими золотыми дело пойдет лучше? Они что, в самом деле собираются мне заплатить за молчание? Конечно, деньги никогда не бывают лишними, но нюхом чую – что-то здесь не так. Эх, невовремя Мораддин уехал – он бы быстро сообразил, что к чему. Ладно,

сам разберусь. Не в первый раз, в конце концов! Нет, каков городишко! Сначала проигрался вдребезги, потом угодил в наемные убийцы, а теперь, глядишь, верну назад все проигранное, да еще с процентами… Расскажи кому – не поверят.»

– Значит, десять тысяч немедийскими золотыми и лошади, – подвел итог Гебер. – Получив все это, ты вместе со своей зубастой подружкой немедленно покинешь город?

– Угу, – согласно кивнул варвар. – Уеду. Может быть… Когда я получу золото?

– Хоть сейчас, если позволишь кому-нибудь из нас выйти и сходить за деньгами, – отозвался Гебер. На встревоженных лицах его компаньонов появилась слабая надежда на возможность благополучно выбраться из возникшей заварушки.

«Как же, держи карман шире! Не золото я тогда получу, а десяток головорезов!»

– Никто из вас не двинется с места, – Конан оглядел комнату. – А пойдет вот она.

Кончик его меча поднялся и указал на застывшую с выпученными глазами и полуоткрытым ртом Чари. Служанка в панике заверещала, но быстро смолкла, заметив грозный взгляд своей госпожи.

– Она все сделает, – заверила общество Линдисса. – Чари, надеюсь, ты все слышала и поняла? Бегом, одна нога здесь, другая там!

– И без глупостей, – негромко добавил киммериец. – Иначе никто здесь не доживет до утра.

Чари бочком подошла к дверям, боязливо косясь вокруг, протиснулась в узкую щель между створками, не решившись широко их открыть, и исчезла. Собрание облегченно перевело дух, и даже свалившийся под стол и не подававший в течение всего разговора признаков жизни человек рискнул пошевелиться. Похоже, рабирийка не выцарапала ему глаза, как поначалу показалось Конану, а лишь украсила физиономию нападавшего глубокими следами когтей, выглядевшими весьма живописно.

– Тетушке Чари понадобится время и чья-то помощь, – заметил Гебер. – Десять тысяч в золотых монетах весят немало.

– Ничего, мы не торопимся, – хмыкнул варвар. – Может, я еще задержусь на денек в вашем треклятом городке.

– Ты обещал уехать, – напомнил вожак заговорщиков и в его голосе первый раз прозвучала скрытая тревога.

– Мне тоже много чего обещали, – отрезал Конан и обернулся – узнать, что там с Рингой. Девушка по-прежнему неподвижно сидела в неестественной для человека позе, и, казалось, не испытывала никаких неудобств. Она пристально следила прищуренными золотистыми глазами за находившимися в комнате людьми, и киммериец вдруг вспомнил, что рабирийка называла своих сородичей «хищниками с обликом человека». Тогда он принял ее слова за преувеличение и обиду изгнанной из племени, но теперь понял – Ринга сказала чистую правду. Гули действительно были разумными животными, в силу непостижимой игры природы или утонченно-жестокой шутки богов получившими внешность, как две капли воды схожую с людской. Интересно, как рабирийка умудряется сдерживать живущего внутри нее зверя? Или он просыпается только после ее… кхм, обеда? До того, как Ринга столь пугающим способом прикончила сторожевого пса, она выглядела и поступала, как обычный человек, но потом на нее точно безумие нашло…

Дело близилось к рассвету, когда дверью раздались шаркающие шаги пожилого человека, несущего тяжелый груз. Чари настороженно вошла в комнату, крепко сжимая в руках знакомый варвару или очень похожий на знакомый кожаный мешок. Служанка подошла

к встрепенувшейся Линдиссе, что-то прошептала ей на ухо, а затем, явно получив указания, водрузила доставленную сумку на стол, отодвинув разбросанные листы пергамента.

– Треть, – сообщила рыжая красавица. – Остальное сейчас принесут. Лошадь, к сожалению, есть только одна и не слишком хорошая. Она стоит во дворе.

Чари, пригнувшись и втянув голову в плечи, засеменила обратно и скрылась в темноте за дверью.

«Не так уж плохо для начала, – Конан с удовольствием поглядел на плотно набитый мешок. – Хотя что такое, в сущности, десять тысяч? Так, мелочь…»

Гебер, успевший вновь занять свое кресло, развязал ремень, стягивающий горлышко мешка и демонстративно высыпал из него несколько монет, со звоном раскатившихся по столу.

* * *

Чари пришлось еще дважды совершить поход в кладовые дома или откуда она там таскала золото. В последний раз ее сопровождал один из слуг, предусмотрительно решивший дождаться развязки событий в коридоре и даже не рискнувший сунуться в комнату. Вместе с деньгами Чари прихватила вместительную холщовую сумку и под полным неподдельной боли взглядом Эридата сложила в нее все принесенные мешочки, боязливо передвинув получившийся сверток поближе к варвару.

– Пересчитывать будешь? – деловито осведомился Гебер. – Кстати, если попадутся фальшивые монеты, они находятся целиком на совести месьора Эридата.

– Плачу двойную цену любому, кто обнаружит у него хоть каплю этой самой совести, – вполголоса, однако очень отчетливо пробормотала Линдисса. Хозяина дома передернуло, и он, не выдержав, невнятно прошипел ей в ответ что-то злобное. Рыжая вдовушка пропустила его слова мимо ушей.

– Надеюсь, это последний раз, когда мы все видим друг друга, – процедил вожак дэлирамцев. – Госпожа Линдисса, не могла бы ты хоть ненадолго придержать свой не в меру острый язычок?

Красотка фыркнула, изобразила зевок и прикрыла рот ладонью. Гебер похлопал по глухо звякнувшему мешку:

– Забирай и убирайся.

– С удовольствием, – отозвался Конан. Перетрусившее общество неопытных жуликов начало ему немного поднадоедать (особенно высокомерный Гебер) и киммериец решил на прощание немного припугнуть теплую компанию, слишком рано успокоившуюся и решившую, что самое страшное уже позади.

– Скряги вы, – возмущенно заметил он, забирая приятно тяжелый мешок. – Столько шума подняли из-за жалких десяти тысяч. Арнак за сведения о ваших проделках предлагал в три раза больше и не трясся над каждой монеткой.

Надо признать – шутка удалась, хотя о существовании человека по имени Арнак варвар узнал только сегодня. Присутствующие мгновенно замолчали, оборвав на полуслове начавшиеся было разговоры. Гебер вздрогнул, выпрямился в кресле и подозрительно

вкрадчивым голосом осведомился:

– И что же стало известно почтеннейшему Арнаку в обмен на эти деньги?

– А все, – не долго думая, брякнул киммериец, все еще пребывая в необоснованной уверенности, что компания заговорщиков не примет его слова за правду.

– Бел, спаси и защити, – заикаясь, выговорила разом осунувшаяся и подурневшая Линдисса. – Гебер, мы пропали…

Вожак взвился над креслом, точно укушенный разъяренной болотной гадюкой за седалище, запустил в варвара припрятанным в широком рукаве кинжалом, и чрезвычайно пронзительно для человека его возраста заорал: «Стража!»

От летящего ножа Конан успел вовремя уклониться, зная и ожидая, что рано или поздно события примут подобный оборот. Под шумок Линдисса и Чари стремительно выскочили из комнаты, прихватив с собой окончательно прекратившего что-либо понимать в происходящем Эридата, а туранец Тамир метнулся за своей саблей. Рыжая красотка на пороге успела обернуться, бросив короткий изумленный взгляд на возникшее в комнате столпотворение, и исчезла. Ринга хищно заурчала, готовая прикончить любого, кто неосмотрительно окажется в пределах ее досягаемости.

В следующий момент в маленькую комнату набилось слишком большое количество людей, размахивающих разнообразным колющим или режущим оружием. Рабирийка издала протяжный мяукающий звук, свирепо оскалилась и бросилась под ноги первому нападавшему, тут же исчезнув в куче свалившихся на нее тел. В коридоре за спиной киммерийца кто-то затопал, задержавшись на мгновение, чтобы выпутаться из тяжелых складок занавесей. Это его и сгубило – варвар наугад ткнул в шевелившуюся за тканью фигуру кинжалом, неизвестный коротко вскрикнул и тяжело повалился на пол оборвав с притолоки материю.

Какое-то время в комнате бушевал настоящий водоворот из дерущихся людей, причем многие не имели представления, с кем именно им нужно справиться, и набрасывались на первого попавшегося. Указания, выкрикиваемые сквозь царивший гвалт Гебером, делу ничуть не помогали.

В планы Конана вовсе не входила драка с двумя десятками головорезов. Заехав первым сунувшимся по челюсти и проткнув кинжалом какого-то настырного упрямца, совершенно не дорожившего своей единственной жизнью, киммериец за шиворот выволок из образовавшейся на полу свалки девушку-гуля. Ринга шипела, точно кошка с прищемленным хвостом, и рвалась продолжить развлечение. Разговаривать с ней было напрочь бесполезно, а потому варвар как следует встряхнул ее и подтолкнул в сторону выхода. Получив высказанное столь недвусмысленным способом приказание, рабирийка разочарованно рыкнула, но все же послушалась и бросилась бежать.

После краткой борьбы с занавесями, явно живущими своей собственной жизнью и стремящимися изловить и опутать любого пытающегося быстро проскочить между ними, Конан и девушка выскочили в темный коридор. Вопли и шум драки позади не утихали, и киммериец очень надеялся, что их исчезновение с поля боя осталось незамеченным. Напавшие на них люди были не специально обученной стражей, а сборищем громил, привыкших без особых хлопот выкидывать из веселых домов и кабаков шумных, но не могущих оказать никакого серьезного сопротивления посетителей. Киммериец даже не стал вытаскивать меч из ножен – здешняя публика того не заслуживала.

По дороге им никто не встретился, за исключением вынырнувшего откуда-то недоумка,

неумело размахивающего слишком длинным для него клинком и безрассудно решившегося задержать двоих мчавшихся прямо на него людей. Варвар, не останавливаясь, небрежно отшвырнул его в сторону, а Ринга прошипела прямо в побелевшую физиономию что-то угрожающее.

Беглецы уже выбирались из распахнутого настежь окна в сад, когда сборище вопящих и дерущихся друг с другом идиотов наконец обратило внимание на отсутствие тех, кого, собственно, им требовалось изловить.

«Надо было его прикончить, – мимоходом подумал Конан, услышав вопли призывавшего на помощь человека, неудачно попытавшегося их приостановить. – Ладно, некогда.»

Незваные гости беззвучно спрыгнули вниз, на нагревшуюся за день землю, отбежали от дома и притаились среди еле различимых в темноте искривленных стволов. Луна уже зашла, и запущенный сад казался переплетением шуршащих теней. Собаки на глаза не показывались – попрятались, или не заметили появления в саду чужаков. Из дома доносились неразборчивые выкрики, в окнах беспорядочно метались отблески фонарей и свечей, кто-то безуспешно пытался организовать поиски, только увеличивая сумятицу.

– Они наверняка убежали в сад! – по исполненному негодования голосу Конан безошибочно признал достойнейшего месьора Эридата. – Возьмите факелы и прочешите все! Окружите сад, не давайте им выскочить на улицу! Спустите на них собак!

«Очень умное, только несколько запоздалое распоряжение… – фыркнул киммериец. – Если бы они не дали нам выбраться из дома – тогда другой разговор. А ловить нас посреди ночи да еще с таким сбродом, что у них подобрался… Не смешите меня!»

Он решил немного выждать и посмотреть, будут ли Гебер и его подручные устраивать погоню или ограничатся не слишком тщательным осмотром сада. Впрочем, Конан был уверен, что даже при внимательном поиске в факелами и собаками их не обнаружат, разве что кто-нибудь особо везучий умудрится наступить прямо на скрывающихся злоумышленников.

Ринга послушно сидела рядом, глядя на дом и прислушиваясь к шорохам среди деревьев. Кто-то, держа в руке раскачивающийся фонарь, вылез через окно и пронзительно засвистел, сзывая разбежавшуюся и попрятавшуюся свору. Два или три пса после долгих размышлений выбрались из зарослей и подошли к человеку. Остальные, не успевшие позабыть общение с рабирийкой и судьбу вожака своры, предпочли не рисковать и не показываться.

В глубине сада неожиданно мелькнул еле различимый огонек. Исчез, появился снова, не трогаясь с места. Заинтересованный непонятным явлением варвар тронул за плечо девушку и показал на слабое пятнышко света посреди темных деревьев. Ринга внимательно уставилась на далекий огонь, принюхалась, затем подняла два пальца и отрицательно мотнула головой.

Из дома высыпала группа людей, шумно переговариваясь и размахивая факелами. Тусклый огонек в саду мигнул еще раз и погас.

«Интересно, кому это светили? Им? А может, нам? Сходить, посмотреть?»

Не обратив внимания на предостережение рабирийки, Конан решительно направился туда, где, как ему показалось, он в последний раз видел загадочный огонек. Девушка, поколебавшись, последовала за ним.

Звериное состояние постепенно покидало ее, Ринга чувствовала себя разбитой и уставшей, как случалось всегда после накатывающего безумия. В отличие от настоящих гулей она боялась этих приступов, но еще больше опасалась того, что в одну препаршивую ночь не сможет справиться с собой. Тогда ей грозит риск навсегда остаться в шкуре существа,

среднего между животным и человеком, одинаково чуждого как тем, так и другим.

Девушка смутно помнила, что она делала, когда ее вторая, звериная половина вырывалась на свободу. Сейчас перед ней вставали эпизоды какой-то потасовки, в которой она принимала более чем активное участие. Ринга потрясла головой, стараясь поскорее прийти в себя, и оглянулась на очертания удаляющегося темного дома. Здание пугало ее, также как и носящиеся по саду люди.

Огонек снова загорелся. Теперь киммериец видел, что это масляная лампа с заслонкой, позволяющей направлять свет в одну определенную сторону. Узнал он и женщину, державшую фонарь и вздрагивавшую при каждом шорохе или треске.

Рядом с трясущейся как лист Чари стояла госпожа Линдисса, пристально вглядываясь в окружавшую ее кромешную темноту. Услышав приближающиеся шаги, рыжая красавица обернулась, пытаясь определить, откуда они доносятся. На ее лице не отразилось ни малейшего следа тревоги или волнения.

– Я так и знала, что ты выберешься, – невозмутимо заявила женщина, когда варвар вошел в круг света, отбрасываемый лампой. – А где твоя подружка, эта дикая кошка?

– Здесь, – кратко отозвался Конан, ломая голову над тем, что понадобилось Линдиссе ночью в саду. Неужели она решила устроить варвару ловушку? Или рыжая вдовушка настолько убеждена в своей неотразимости и полнейшей безнаказанности, что считает себя вправе творить все, что вздумается?

Ринга беззвучно вышла из-за деревьев и замерла, устало привалившись к стволу. Желтые глаза равнодушно смотрели мимо троих разговаривающих людей; казалось, рабирийка не осознает происходящих вокруг нее событий.

– Они вытопчут все, что еще уцелело в этом саду, но ровным счетом ничего не отыщут, – беспечно заметила Линдисса. – У нас еще найдется время. Я хотела поговорить с тобой, поэтому и пришла сюда.

Женщина замолчала, прислушиваясь к разносящимся в ночном воздухе голосам.

– Они поверили в то, что ты человек Арнака, – наконец уверенно заявила она. – Замечательная шутка. Даже я, – эти слова она выделила: – даже я поначалу купилась.

– А почему ты теперь так не думаешь? – озадаченно поинтересовался киммериец. Он был уверен, что Линдисса перепугалась больше всех, а уж в том, что она первая поверила в его утверждение, не сомневался.

– Я умная, – рыжая красотка высокомерно усмехнулась. – Если бы Арнак нанял тебя следить за нами, я бы узнала об этом первой. Не-ет, ты сам по себе. Сегодня ты удрал, но учти – Гебер все равно тебя отыщет. Он поверил, и его теперь никто не разубедит, а успокоится он только когда получит твою голову.

– Что, он не поверит даже тебе? – варвар не слишком хорошо представлял, какую игру ведет новоиспеченная вдова, но решил, что стоит ей слегка подыграть – может, брякнет ненароком что-нибудь полезное. Женщина, называющая себя умной, вряд ли является таковой на самом деле. Скорее, она просто хитрее прочих.

– А я и не собираюсь спорить с ним и доказывать, что ты бедная невинная овечка, – твердо сказала Линдисса. – Наоборот, я буду всячески убеждать его в том, что все беды мира – от тебя… Кстати, как тебя зовут? – неожиданно осведомилась она, точно эта мысль только сейчас пришла ей в голову. – Впрочем, нет, помолчи. Попозже ты расскажешь мне обо всем. Я живу на улице Прыгающей Ящерицы, пятый дом. Приходи как-нибудь, поболтаем… Только сначала привяжи покрепче свою подружку, а то она еще попытается мне глаза выцарапать.

Чари, идем!

Она повернулась, собираясь уйти. Конан честно признался себе, что не извлек из болтовни Линдиссы ни единого полезного сведения или намека, за исключением указания, где ее можно найти. Может, она и в самом деле умнее, чем кажется? Похоже, женщина знает обо всем, что происходит в Дэлираме, но отнюдь не собирается выбалтывать это первому встречному.

– Эй, погоди! – Линдисса, явно не торопившаяся покинуть крохотную полянку, с готовностью обернулась, жестом остановив служанку. – С чего это ты взяла, будто я приду к тебе?

– Ты хочешь кое-что узнать, я могу кое-что рассказать, – лукаво отозвалась странная вдова. – Но сейчас тебе стоит поскорее исчезнуть. Я скажу этим олухам, чтобы перестали как безумные носиться по саду и что вы побежали во-он туда, – она махнула рукой куда-то в темноту. – До встречи… варвар.

Линдисса подобрала длинную юбку и решительно направилась через высокую высохшую траву к видневшемуся смутной черной тенью дому. Служанка, сжимая лампу в трясущихся руках, поспешно последовала за ней. Вскоре россыпь неярких огоньков, беспорядочно мечущихся по окутанному тьмой саду, собралась вокруг раскачивающегося фонаря, а затем цепочкой устремилась в обход дома, удаляясь от прячущейся парочки.

– Где мы? – усталый, безжизненный голос, вне всякого сомнения, принадлежал Ринге, окончательно пришедшей в себя. Линдисса унесла с собой единственный источник света, и теперь киммериец почти не различал силуэта девушки. – Что это за место? Как мы сюда попали?

– Сад возле дома твоего хозяина, – негромко ответил Конан, догадавшись, что рабирийка почему-то напрочь забыла о недавних событиях.

– Мне здесь не нравится, – убежденно сказала Ринга. – Давай уйдем.

Она помолчала, сделал несколько неуверенных шагов – под ее ногами захрустела палая листва – и робко спросила:

– Мы подрались? Я никого не убила?

– Насколько я видел – нет. Нескольких слегка покалечила, но и только. Можешь идти?

– Да, – девушка облегченно вздохнула, подошла поближе и шепотом проговорила: – Здесь неподалеку какие-то люди, они нас ищут.

– Вот именно, – подтвердил киммериец. – Так что нам самое время смыться отсюда.

Они прошли притихшим садом, не встретив по пути ни людей, ни сторожевых псов, перелезли через низкую ограду и оказались на пустынной улице. Невдалеке перекликались все еще разыскивающие исчезнувших беглецов охранники.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Ну вот, мы снова при деньгах, – несмотря на возникшую неразбериху, Конан успел прихватить с собой золото, полученное от дэлирамских заговорщиков, и теперь содержимое привешенной к поясу сумки тихо звякало в такт шагам. – Зато истинное положение дел в этом проклятом городишке по-прежнему туманно.»

Варвар и девушка благополучно выбрались из окруженного сада и теперь шагали по пустынной улице, направляясь к приютившему их сараю возле брошенного дома. Луна давно зашла, городок погрузился в бархатно-черную ночь, что было как нельзя лучше – простому обывателю сейчас вряд ли придет в голову отправиться на прогулку. А ночной стражи в Дэлираме отродясь не бывало.

«Гебер и его дружки затевают некую игру, это ясно как день. И ужасно боятся, как бы посторонние не пронюхали об их темных делишках. Они приняли мои слова за чистую монету, и, похоже, решили открыть на меня охоту, – киммериец прислушался к еле слышным голосам, долетавшим от оставшегося далеко позади дома Эридата. – Если они примутся за это дело всерьез, то расстановка сил будет совсем не в нашу пользу. У них и туранская полусотня, и местная гвардия, и какой-то еще свой отряд… Глядишь, действительно придется удирать из города куда глаза глядят. А если они только этого и ждут? Провалиться мне на этом месте, от их затеи за лигу пахнет деньгами, причем большими деньгами… А там, где хватает золота на четверых, хватит еще для одного, то есть для меня. Они что, действительно полагали, что я послушно уберусь подальше, получив эти жалкие десять тысяч? Не выйдет, и не надейтесь!»

– Ринга, – окликнул примолкшую девушку варвар. – Как думаешь, эта компания недоумков попытается нас поймать?

– Наверное, – устало отозвалась рабирийка. – Ты сказал нашим приятелям что-то такое, отчего они очень испугались и разозлились.

«Многое я отдал бы сейчас за выполнение одного простого желания – поговорить с человеком, точно знающим, кто здесь на кого работает, и способным внятно растолковать, что происходит, – с сожалением подумал Конан. – Даже с Линдиссой, если на то пошло. Хотя она слишком много о себе воображает… Кажется, мы с Рингой умудрились вляпаться в местное болото по уши и выше, а единственное наше спасение – опережать Гебера с его сворой. Знать бы только, с чего начать… Интересно, имеют ли разодранные покойники отношение к Геберовым проделкам? И кто такой Арнак? Что бы дэлирамские мошенники не затевали, это должно выплыть наружу довольно скоро. Через день, от силы через два. Им очень мешал человек, которого я убил… как его, Ледбер?.. и они опасались, что ныне покойный Райнак успел о чем-то сообщить в Шадизар. Значит, дело нешуточное. Может, они все разом посходили с ума, раз решили обставить шадизарцев?»

– Тебе не показалось, что Гебер с приятелями были очень озабочены сохранением своих тайн? – неожиданно спросила Ринга. Видно, девушка размышляла над теми же вопросами, что и киммериец, и пришла к похожим выводам.

– Показалось, – согласно кивнул варвар. – И еще я думаю, что наши друзья обломают себе зубы, пытаясь откусить от чужого куска.

– Но пока все зубы у них на месте, – заметила девушка, постепенно оживляясь. – И Гебер с дружками могут опробовать их на нас.

– Если боишься, так и скажи, – недовольно буркнул Конан.

– Я не боюсь, – спокойно ответила рабирийка. – Я пытаюсь понять, что происходит. Смотри – убиты туранец-караванщик, затем человек, содержавший шайку и, судя по всему, входивший в круг тех, с кем мы сегодня повстречались, а потом – дворянин, бывший не последним лицом в городе.

– Леддар, – вспомнил точное имя киммериец. – И Эридат сболтнул, будто он все равно должен был умереть – от моей руки или еще от чьей-то. Ну и?..

– Знаешь, я думаю, – задумчиво проговорила Ринга. – Что даже не подвернись месьору Эридату ты, этого человека утром все равно нашли мертвым. Бьюсь об любой заклад – он выглядел бы как очередная жертва неизвестного существа с когтями и зубами гуля!

– Уж не думаешь ли ты, что Гебер прячет в городе твоего сородича? – хмыкнул северянин. Такая мысль уже приходила Конану в голову, но, после некоторого размышления, варвар признал ее слишком невероятной. Раздобыть гуля – это вам не сходить на ближайший рынок и купить сторожевую собаку. А что до Ринги, то она просто исключение… И все-таки рабирийка во многом, безусловно, права. Заговорщикам позарез было необходимо избавиться от Леддара и остальных погибших. Но что могло объединять таких разных людей с приятелями Гебера? Допустим, Райнак имел с ними общие дела, и Леддар, наверное, тоже, но туранец?

– Не знаю, – честно призналась Ринга. – Говорю, что мне кажется. Ты напугал Гебера и его приятелей до смерти, и теперь они захотят любой ценой избавиться от ненужных свидетелей. Даже если ты будешь твердить, что просто хотел посмеяться, они не поверят. Кроме того, Эридат наверняка захочет вернуть назад свое золото.

– Еще есть Линдисса, – напомнил киммериец, ожидая, что при упоминании имени рыжей вдовушки рабирийка вновь зашипит, как рассерженная кошка. Однако девушка промолчала, терпеливо ожидая продолжения. – Похоже, она знает о многом происходящем в этом городишке… Или думает, что знает.

– Да, но захочет ли Линдисса поделиться своими знаниями с другими, а особо с тобой, неотесанный варвар? – ядовито поинтересовалась Ринга.

– Почему бы ей не захотеть? – ухмыльнулся Конан. – Говорят, я умею находить подход к женщинам…

– Поступай, как знаешь, – сердито отрезала девушка. – Я тебе указывать не буду. Только имей в виду, что я этой красотке не доверяю. С нее станется припрятать поблизости с десяток головорезов или поступить гораздо проще – с милой улыбочкой угостить тебя какой-нибудь гадостью. Смертельно ядовитой…

– Зачем ей это делать? – возразил киммериец.

– А зачем ей вообще понадобилось говорить с тобой? – спросила у самой себя Ринга. – Мошенники Гебера сами признали, будто ты смешал им все планы… Может, Линдисса хочет как-то воспользоваться этим?

– Тогда тем более стоит сходить к ней в гости. Ловить рыбку в мутной воде – мое любимое занятие. И мы не можем больше бродить вслепую – надо же узнать, кто здесь чего стоит.

– В гости к этой рыжей вертихвостке отправляйся без меня! – непререкаемым тоном отчеканила рабирийка и неожиданно завертела головой по сторонам, прислушиваясь. – Мне кажется или кто-то едет?

Тишину спящего городка нарушило отчетливое цоканье лошадиных копыт, да не одной

лошади, а по меньшей мере трех. Варвар и девушка озадаченно переглянулись.

– Кого это понесла нелегкая кататься посреди ночи? – осведомился Конан. – Впрочем, нам с ними все одно не по пути…

Он свернул в первый попавшийся на глаза переулок. Ринга, поколебавшись, нырнула следом за ним в непроглядную, пахнущую отбросами и кошками темноту. Грязная немощеная улица вывела парочку неудачливых нарушителей спокойствия на задворки чьего-то богатого дома.

– Послушай, а ты хоть знаешь, где мы? – поинтересовалась девушка, перелезая через низкую ограду и оглядываясь.

– Не все ли равно? Чем дальше от Гебера с его чокнутыми дружками, тем лучше.

Они пересекли сад, нечаянно сломав по пути несколько тоненьких, недавно высаженных деревьев, и выбрались на обширную пустынную площадь.

– По-моему, это рынок, – неуверенно сказала Ринга, заметив несколько оставшихся неубранными на ночь лавок и навесов. Единственное живое существо на площади – привязанный возле одного из прилавков и погруженный в философские размышления верблюд – поднял голову и проводил неизвестно откуда взявшихся людей отсутствующим взглядом.

– Рынок, – согласился киммериец. – Значит, нам вон туда.

До брошенного дома оставалось пройти два или три квартала, когда позади снова загромыхали копыта. Спрятаться на плотно застроенной улице было совершенно негде, оставалось только прижаться к стене и надеяться, что тень окажется достаточно густой, а неизвестные, любящие раскатывать по ночам – слишком увлеченными своими делами, чтобы обращать внимание на кого-либо еще.

Лошадей оказалось не три, как показалось варвару, а четыре. Они шли ровной рысью посреди улицы, раскачивающийся фонарь в руке одного из всадников бросал отсветы на с первого взгляда узнаваемую форму и плоские острия зловеще покачивающихся длинных пик.

– Ой… – еле слышно пискнула Ринга, безуспешно пытаясь слиться с каменной стеной.

– Вот тебе и «ой», – огрызнулся Конан. – Добегались! Туранский патруль во всей красе! Чего им в казармах не сиделось…

– Может, они вовсе не нас ищут, – робко заикнулась девушка, не отрывая взгляда от неумолимо приближавшихся всадников.

– Ага, а ты немедийская королева… Ну-ка, иди сюда!..

Кони поравнялись с притаившимися в темноте людьми. Один из гирканских скакунов фыркнул и шагнул в сторону, а заподозривший неладное патрульный поднял фонарь повыше. Неяркое пятно света выхватило из темноты очертания обнявшейся парочки, явно напрочь позабывшей обо всем на свете и не обращавшей ни малейшего внимания на проезжающих мимо.

Туранец фыркнул, подумав, что для столь увлекательного занятия можно бы было постараться выбрать место и время получше, чем улица городка в глухую полночь. Впрочем, кто может проезжать в такой час по улице? Если бы не расползавшиеся по Дэлираму неясные слухи об одном или нескольких злоумышленниках, заставившие начальника туранской полусотни принять хоть какие-то меры по наведению спокойствия, то улицы были бы по-прежнему пустынны – делай, что хочешь.

– Кто там был? – недовольно осведомился старшина патруля.

– Парочка идиотов, которым некуда податься, – донеслось в ответ вместе с коротким

смешком. – Какой-то громила с девчонкой-недомерком, то ли с подружкой, то ли с уличной красоткой…

Старшина натянул поводья, останавливая лошадь, и подозрительно оглянулся.

– Громила, говоришь? А ну, вы двое, вернитесь и проверьте!

Стражник недоуменно пожал плечами – мол, какую опасность может представлять занятая исключительно собой парочка? – однако послушно развернул коня и направился обратно. Его напарник последовал за ним, на скаку наклоняя пику вниз.

– Они возвращаются, – шепотом сообщила Ринга.

– У них всех что, куриная слепота? – недовольно проворчал киммериец. – Видят же – люди заняты…

* * *

Нетерпеливо пританцовывающие на месте лошади остановились шагах в трех, почти уткнувшись мордами в замерших у глухой каменной стены людей.

– Эй, вы! – раздраженно окликнул подъехавший первым владелец фонаря. – Подойдите и назовитесь!

– А почему бы тебе не отвалить куда подальше… по своим делам? – огрызнулся Конан, слабо надеясь, что туранцам не захочется связываться с пусть и подозрительно выглядящей, но вроде не делающей ничего противозаконного парочкой.

Подъехавший поближе второй стражник, хранивший до того молчание, неожиданно и весьма некстати обрел дар речи.

– Это они, – коротко бросил он.

Надо отдать должное воинам армии царя Илдиза, заброшенным волей судьбы и аграпурского начальства в тихий городок, где почти никогда не происходило ничего из ряда вон выходящего, а оттого несколько расслабившимся – они растерялись всего на короткий миг.

К сожалению, этого крохотного мгновения оказалось достаточно, чтобы направленная на злоумышленников пика уменьшилась ровно вдвое, разрубленная одним точным и сильным ударом, а маленькая девчонка умудрилась проскочить под брюхом ближайшего коня и кинуться к стоявшим неподалеку старшине патруля и его подчиненному.

Схватка вышла быстрой и несколько суматошной. Ни одна лошадь в мире, даже та, которую в течение нескольких месяцев терпеливо обучали вопреки ее природе не шарахаться от странно звучащих и движущихся предметов, не в состоянии спокойно вынести, когда ее хватают за уздечку и шипят прямо в ухо. А именно так и поступила Ринга.

Истерическое ржание вместе с глухим стуком вылетевшего из седла и приземлившегося прямо на оказавшуюся очень твердой мостовую тела означали полный успех проделки рабирийки. К тому времени один из противников Конана уже не интересовался ничем происходящим в мире, получив кинжалом в горло, а второй тщетно пытался удержаться на спине лошади, захлебываясь собственной кровью.

– Один удрал, – невозмутимо сообщила девушка, перепрыгивая через оказавшийся у нее на дороге труп наконец свалившегося с коня стражника и стараясь случайно не наступить в

быстро растекающиеся темные лужи. – Я не успела его поймать.

Удаляющийся дробный стук копыт, а затем пронзительный долгий свист подтвердили ее слова.

Ринга наклонилась, подобрала упавший фонарь и с сожалением опустила обратно на мостовую – слюдяные стекла разбились, а плошка с маслом укатилась неведомо куда.

– Из всех стран мира я больше всего не люблю Туран, – задумчиво проговорил киммериец, озирая тихую улицу, больше смахивающую теперь на поле боя.

– Почему именно Туран? – немедленно уточнила любопытная Ринга.

– Слишком уж там наловчились сначала хватать, а потом разбираться, кого поймали да что с ним теперь делать, – отозвался варвар. – В любой другой стране я бы сумел заговорить им зубы так, что стражники потом в жизни не вспомнили, будто видели нас. А теперь ко всему прочему нам добавят сопротивление патрулю… Что, как ни странно, будет совершеннейшей правдой. Тот день, когда Замора отойдет к Турану, а Илдиз примется наводить здесь какой-никакой порядок и устанавливать имперские законы, станет самым отвратительным днем в моей жизни. Испоганить такую замечательную страну!

– Хороша замечательная страна… – вполголоса пробурчала рабирийка. – Может, пойдем отсюда?

Словно в ответ, издалека долетел тревожный хриплый звук боевого рожка, подхваченный в разных концах города.

– Начинается, – мрачно сказал Конан. – Что за идиотская ночка! Мало нам Гебера с Линдиссой, так еще и облава…

Они припустили вперед, тщетно выискивая переулок или какую-нибудь лазейку, где можно было бы скрыться от неуклонно приближавшихся режущих уши свистков и уже отчетливо различимых выкриков. По обе стороны улицы тянулись плотно прижавшиеся друг к другу двух-трехэтажные дома, лишенные каких-нибудь выступов или украшений, могущих послужить подспорьем для желающих взобраться на крышу. То есть залезть, конечно, можно было без особых трудов, однако на это ушло бы время, а его-то как раз оставалось совсем не много. Маленькие окна, накрепко закрытые ставнями, тоже выглядели достаточно неприступно для штурма. Дома изредка перемежались высокими глинобитными заборами, и возле одного из них, выглядевшего чуть пониже соседних, киммериец неожиданно остановился.

– От того, что мы носимся туда-сюда, толку никакого. Надо исчезнуть с улицы.

– Как? Забраться туда? – Ринга с тоской посмотрела на возвышавшийся над ее головой забор. – А вдруг получится еще хуже…

– Хуже, чем есть, уже не будет! Лезь! – рявкнул варвар. Перекличка патрулей раздавалась уже совсем неподалеку, они вот-вот должны наткнуться на то, что осталось от их невезучих приятелей, а тогда можно смело прощаться с этим порой жестоким, но все-таки прекрасным миром. – Да цепляйся же!

Он подсадил девушку, и та послушно попыталась ухватиться за нарочно скругленный верх забора. Когти рабирийки отчетливо проскрежетали по гладкой поверхности камней, и Ринга, потеряв равновесие и не удержавшись, свалилась вниз.

– Чтоб тебя… – только и сказал Конан. – Неужели так жизнь надоела?

Девушка ничего не ответила, поднялась на ноги и упрямо повторила попытку. На этот раз ей удалось подтянуться, она с трудом перевалилась через стену и спрыгнула вниз. Через мгновение оттуда донесся протяжный отчаянный вопль, слышный на все окрестные улицы и

уж наверняка долетевший до туранских патрулей.

«Сет и все демоны, ну что стряслось на этот раз? И почему только я не оставил ее подыхать у милейшего Эридата? Как бы было спокойнее!»

Киммериец успел перебраться на другую сторону забора почти одновременно с появлением на улице отряда стражи, числом не менее десятка человек. До варвара долетел голос бывшего старшины погибшего патруля, требовавшего немедленно найти и схватить двух сбежавших преступников, причем не обязательно живыми.

Покрутившись возле забора, туранцы сочли, что негодяи убежали дальше по улице и, возможно, попытаются выбраться на окраину города. После некоторой перебранки часть стражников отправилась проверять расположенные вокруг города посты, а остальные рассыпались по близлежащим улицам.

– Ринга! – негромко окликнул Конан. – Где ты, кошка бешеная?

– Здесь, где же еще, – недовольно отозвались из темной массы колышущихся листьев. – Знаешь, розы больше не относятся к числу моих любимых цветов…

Девушка на четвереньках выползла из зарослей и уселась прямо на земле, на ощупь вытаскивая из волос и одежды запутавшиеся листья и веточки.

– Никогда не представляла, что упасть в розовый куст так больно, – пожаловалась она. – У здешних роз, наверное, вместо шипов железные колючки.

– Скажи спасибо, что вообще жива осталась, – хмыкнул киммериец, присаживаясь рядом и пытаясь в начинавшей медленно светлеть темноте понять, куда их занесло на этот раз. Кажется, вон то темное пятно – небольшой дом… – Ну ты и визжать…

– Посмотрела бы я на тебя – прыгаешь неизвестно куда, и попадаешь прямиком в какую-то редкостную дрянь с иголками, – огрызнулась Ринга, но не со злостью, а скорее по привычке. – Думала – сейчас без глаз останусь. Что остается в таком положении? Только вопить изо всех сил.

Она вытрясла из окончательно развалившейся и превратившейся в бесформенную копну волос прически оставшиеся листья, вздохнула и тихонько проворчала:

– Сначала обокрала хозяина, потом прокатилась на бешеной лошади, затем подралась неизвестно с кем и непонятно по какому поводу, а для полного счастья точно на ежа шлепнулась… И все за каких-то два дня!

– Можно подумать, один я в этом виноват, – попытался восстановить справедливость Конан, однако девушка, не обращая на него внимания, продолжала: – Что меня еще ждет, интересно знать? Говорили же мне – не связывайся с людьми, пропадешь, как есть пропадешь!

– Ну так возвращайся к мамаше с папашей, – предложил киммериец. Ринга уставилась на него так, будто он ляпнул что-то уж совсем жуткое и непотребное.

– Домой? Да стоит мне появиться хотя бы в лиге от Рабиров, как меня тут же изловят и с большим старанием разделают на мелкие кусочки! Не хуже, чем здешних бедолаг! Не-ет, лучше я у людей как-нибудь перебиваться буду… И вообще, не отвлекай меня, дай хоть разок поплакаться на тяжкую жизнь! Вот выскочит сейчас владелец этого тихого и уютного домика – да еще небось не один, а с целой сворой громил! – захочет узнать, кто это посреди ночи резвится у него в саду – и опять нам покоя не будет!..

– Не ной, – скривился варвар. Вообще-то хозяин дома, если только он от рождения не страдает непроходимой тугоухостью, уже давно должен обшаривать сад в поисках редкостно нахального крикуна, нарушающего ночной покой мирных горожан. Однако никто не выбегал

из дома, размахивая факелами и заржавелыми клинками, впопыхах вытащенными из дедушкиного сундука, и не заходился в истошных воплях, требуя немедленно позвать стражу. Дом был странно тих. Может, наученные горьким опытом дэлирамцы предпочитают не высовываться даже в тех случаях, когда в их драгоценных личных владениях творится что-то неладное?

– Когда я действительно начну ныть, я тебе непременно скажу, – пообещала рабирийка. – А это я так, слегка расстроилась. От чрезмерно большого числа впечатлений, – она перестала дурачиться и недоуменно посмотрела вокруг: – Послушай, может в этом доме и не живет никто? Я же так старательно визжала, вся округа должна была в ужасе проснуться и встать на уши…

– Пустой дом в самом центре города? Сказки. Такого быть не может, – отмахнулся Конан. – Наверно, ты так всех перепугала, что хозяева попрятались и нос высунуть боятся. Нам, правда, от этого ничуть не легче. На улицы до утра соваться не стоит – опять наткнемся на кого-нибудь…

– …Или кто-нибудь – на нас, – подхватила девушка. – Тогда что же ты предлагаешь? Сидеть здесь до восхода?

– Почему бы и нет? Тут ничем не хуже, чем…

Киммериец не договорил. Между темных расплывчатых пятен, в которые превратились растущие в маленьком садике цветочные кусты и плодовые деревца, появился качающийся огонек.

– Смотри, тебя наконец услышали. Вон кого-то несет.

– Опять удирать? – горестно вопросила Ринга. – Я, между прочим, устала как собака. Мне как-то доселе не доводилось весь день и всю ночь напролет скакать по всяческим закоулкам да при этом драться почти с каждым встречным-поперечным…

– Теперь научишься, – безжалостно отрезал варвар, следя за приближающейся белой искоркой. Похоже, человек предполагал, где следует искать источник непонятных звуков и уверенно шел прямо к даже не пытавшимся спрятаться незваным посетителям. Хруст мелкого песка, которым были обильно посыпаны дорожки, отмечал его продвижение, и вот круг света коснулся сидевших возле стены людей.

«Интересно, он сразу завопит и со всех ног помчится звать на помощь, или можно успеть навешать ему подходящей лапши на уши? Он там один или их несколько?»

– Бел и его священные отмычки! – изумленно, но не испуганно проговорил неизвестный, поднимая фонарь повыше. – А ты откуда взялся? Ты же утонул – четыре года назад, на Западном Океане!

Он помолчал, явно наслаждаясь разлившимся в тихом предутреннем воздухе изумлением и задумчиво добавил:

– Впрочем, я всегда говорил – чтобы сжить тебя со света, понадобится нечто большее, чем банальный ураган. Я подозревал, что рано или поздно ты снова объявишься в наших краях, и вот ты здесь. Не сказать, что я особо рад, но выгонять тебя бесполезно, так что заходи, будешь моим гостем, что ли…

* * *

– Об этом трепались во всех кабаках – от Кордавы до Асгалуна. Где-то с опозданием на год тамошние новости добрались в наше захолустье, успев к тому времени обрасти такой бородой из сплетен и небылиц, что сразу и не разберешься, что может оказаться правдой, что – не совсем, а что – чистой воды выдумки. Но главное мы сразу поняли – ты натворил кучу дел, умудрился влипнуть во все возможные неприятности и героически пал. Знаешь, Карела страшно огорчилась, когда признала, что скорее всего ты на самом деле отправился на вечный постой к Нергалу. Головой не поручусь, но слишком многим показалось, что она даже плакала о тебе.

– Карела? – недоверчиво переспросил Конан. – Если она о чем и плакала, так только о том, что лишилась возможности лично оторвать мне голову…

Киммериец всегда считал, что у Карелы по прозвищу Рыжий Ястреб совершенно не в порядке с мозгами. Иначе с какой бы стати очаровательная девчонка занималась бы не подобающими каждой нормальной разумной женщине вещами, а носилась по горам между Немедией, Офиром и Заморой, командуя лихой шайкой наполовину разбойников, наполовину контрабандистов? Кроме того, Карела была готова в любой час дня и ночи прикончить любого, кто усомнился бы в ее праве приказывать или не признал бы ее лучшим бойцом по ту и по эту сторону Карпашских гор. Конан дрался с ней по меньшей мере трижды, не считая множества мелких стычек между делом, и потом признавался (правда, только себе), что всякий раз победа доставалась ему совсем не так легко, как обычно. Короче, Рыжий Ястреб была штучка еще та. Конечно, с ней никогда не приходилось скучать, но любому, кто долго находился в ее обществе, грозило окончательное и бесповоротное умопомешательство.

Последний раз судьба свела варвара и лихую разбойницу три или четыре года назад – вроде бы и не столь давно, а вроде бы и несколько столетий назад. С того времени успела произойти тьма всяческий событий, заслонивших неугомонную Карелу, друзей-приятелей из Карпашских гор, а также невозмутимого посредника-скупщика и поставщика сведений из Шадизара, носившего, как после некоторого усилия припомнил Конан, имя Эзаэдро.

А сейчас этот самый Эзаэдро, почти не изменившийся и все также с ироничной полуулыбкой взиравший на мир и творящиеся в нем несуразности, сидел за столом напротив незваного и не совсем приятного гостя, безмятежно рассказывая о событиях, случившихся после того, как киммериец покинул отряд Карелы, отправившись в поисках приключений на побережье Западного Океана. За окнами медленно разгорался рассвет, на широком диване, наполовину задвинутом в неглубокую стенную нишу, спала, завернувшись в плащ, Ринга, наотрез отказавшаяся устроиться в любой предложенной хозяином комнате.

Эзаэдро, увидев маленькую спутницу варвара, понимающе хмыкнул, но пока не задал ни одного вопроса. Впрочем, он вообще ни о чем не спрашивал, даже о причинах, приведших киммерийца посреди ночи в его сад. Рабирийка же на глазах превратилась из хладнокровной убийцы в насмерть перепуганную девочку, боящуюся сказать хоть слово и на любой вопрос начинавшую трясти головой, показывая, что ничего не понимает. Зато Ринга без хлопот добилась своего – присутствовала при интересующем ее разговоре, не принимая в нем участия. Конан подозревал, что она не пропустит мимо ушей ни единого сказанного слова, вот только зачем ей это понадобилось? Она ведь никогда слухом не слышала о Кареле и ее Вольном Отряде, и не имела представления о тайных караванных тропах, соединявших Офир, Коринфию и Замору или о том, что порой творилось на этих тропах… Ладно, пускай

подслушивает, раз такая любопытная, все равно половины не поймет.

– Да… Ты ушел, и с тех пор у Карелы начались неудача за неудачей. Она с отрядом вернулась на границу с Немедией, чуть не угодила в засаду и ее здорово потрепали, потом часть ее людей подалась на Вилайет – почему-то они решили, будто там спокойнее. А потом, что ни месяц, так на ее шайку обрушивалась новая напасть – то коринфская стража Дороги Королей откроет на Карелу охоту, то немедийцы опять пронюхают, где прячутся контрабандисты, то ее собственные люди взбунтуются. Последний раз я видел Рыжего Ястреба… – Эзаэдро задумался, крутя в руках пустую чашу. – Да, почти полгода назад. До меня доходили слухи, что она околачивается в окрестностях городка, нападает в Кезанкийских горах на туранцев, едущих по Дороге Королей, но я к тому времени… Проще говоря, я порвал с ней и ее делами, и переехал из Шадизара в Дэлирам. Выгода выгодой, но собственная жизнь как-то дороже – в конце концов, она дается нам всего один раз. Постепенно начинаешь понимать, что второй не купишь ни за какие сокровища… Так вот, однажды Карела заявилась ко мне посреди ночи. Сказала, будто набрала новый отряд и уходит в Офир, но вид у нее был совсем не радостный, как обычно, когда она затевала что-нибудь новенькое. Отлетался наш Ястреб. Попадется она когда-нибудь или свои же прикончат. Конечно, она немного бешеная, но мир без нее станет намного скучнее. Впрочем, Карелу никто не заставлял выбрать такую жизнь и винить в собственных неприятностях ей следует одну себя.

«Хвала богам за их маленькие милости, – подумал киммериец. – Для полного счастья мне сейчас не доставало только столкнуться с Карелой! Надо же, а я был уверен, что ее давно поймали или она наконец немного поумнела и бросила свои разбойничьи замашки. Как же!.. Но с какой стати Эзаэдро переселился из Шадизара сюда, в захолустную дыру? Конечно, причина может оказаться самой дурацкой, но в последнее время я все чаще перестаю верить в совпадения и начинаю везде что-то подозревать… Еще немного – и начну оглядываться на улицах, а там и бросаться на всех встречных. Не-ет, надо убираться отсюда, да поскорее!»

– Полагаю, бесполезно спрашивать, откуда и зачем тебя занесло в наше спокойное болотце? – почти равнодушно поинтересовался Эзаэдро. – По крайней мере, можешь сказать, где ты раздобыл эту пугливую красотку? Да, и не мчится ли случайно за тобой половина туранской или немедийской армии?

Похоже, Эзаэдро искренне веселила сложившаяся ситуация. Вопрос только в том, будет ли он по-прежнему веселиться, узнав, что на старом приятеле висит почти справедливое обвинение в грабеже и по крайней мере одном убийстве, а также о подлинной личности и природных склонностях его спутницы, вроде бы такой тихой девочки? Карела, помнится, доверяла бывшему посреднику и поставщику вестей и сплетен, но всегда повторяла, что ее доверие ко всем людям кончается там, где начинаются денежные расчеты. Да, но Эзаэдро сейчас единственный человек, наверняка могущий толком объяснить, кто чего стоит в этом паршивом городке. Значит… Значит, придется рассказать ему хотя бы часть событий, произошедших с варваром и рабирийкой за два ставших невероятно короткими дня.

– У меня неприятности, – осторожно начал Конан.

– Скажи мне что-нибудь, чего я бы не знал, – хмыкнул хозяин дома. – Сколько помню, у тебя всегда неприятности. Однако раньше ты с ними умудрялся справляться… Ладно, не хочешь – можешь ничего не рассказывать, в конце концов, меньше знаешь – спокойнее спишь. Но, может, я могу что-то сделать? Так сказать, по старой дружбе?

– Можешь, – после некоторого размышления кивнул киммериец. – Спрячь на пару дней девчонку. И скажи, что ты знаешь о таких людях – Эридат, Гебер, Тамир… госпожа Линдисса. И еще двое покойников – Райнак и Леддар.

– Местный воровской круг, – пренебрежительно отмахнулся Эзаэдро. – Что ты с ними не поделил? Эта компания считает, будто правит городом… в сущности так оно и есть, да только какое удовольствие править забытой всеми деревушкой? А теперь они решили поиграть в скорпионов в яме и вцепились друг другу в глотки. Пожалуй, из них всех многого стоит только Гебер… ну и наша первая красавица, хотя она порой себя переоценивает. Не удивлюсь, если выяснится, что она помогла своему муженьку прогуляться на Серые Поля.

– А кто такой Арнак?

Эзаэдро помолчал, хмурясь и пытаясь сообразить, о ком его спрашивают. Наконец с легким удивлением ответил:

– Арнак вовсе не имя… Разве ты ничего про это не слышал? Нет? Странно. Это прозвище и одновременно должность. Человек из Шадизара, тайком присматривающий за типами вроде Гебера и его приятелей, чтобы не забывались. А кто он такой – никому не известно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

– Проснись! Вставай, проклятый варвар, да пожрет твою душу Сет!

Кто-то ожесточенно тряс Конана за плечо, настойчиво выкрикивая в самое ухо самые разные слова, общий смысл которых сводился к требованию немедленно подняться на ноги и что-то выслушать. Судя по голосу, киммериец понял – это была женщина, вот только какая именно женщина? И вообще – что происходит? А самое главное – где?

После некоторого размышления Конан решил, что это не постоялый двор – слишком тихо, а смутно маячивший над головой потолок находится слишком высоко. Ага, он лежит на полу, но точно не в комнатушке «Медной подковы». Если бы женщина замолчала хоть на мгновение, может, он сумел бы сообразить, где находится, однако назойливый голосок не затихал.

«Попробуем по-другому. Что я делал вчера? Сначала навел страху на какую-то шайку, потом носился по улицам, а дальше? Дальше мы перелезли через забор и свалились в сад. Мы – кто? Я и Ринга. Значит, голосит именно она. Теперь все по порядку – сад принадлежит Эзаэдро, мы с ним вчера всю ночь напролет вспоминали былые веселые денечки и, кажется, самую малость перебрали… Неплохое вино, только крепкое, зараза. Остается выяснить, с какой стати Ринга визжит как резаная?»

– Хэддишш! Да проснись же! – кажется, рабирийка окончательно потеряла терпение вместе с надеждой добиться желаемого. – Просыпайся, скотина, чтоб тебя!

Она оставила заведомо безуспешные попытки растолкать варвара и куда-то убежала. Впрочем, она быстро вернулась, шлепая босыми ногами по доскам пола, а спустя мгновение на многострадальную голову северянина обрушился целый водопад холодной воды.

– Ненормальная, прекрати сейчас же! – взвыл окончательно и бесповоротно разбуженный Конан, пытаясь подняться с пола. – Что на тебя нашло? Чего ты орешь?

– Хэддишш! – яростно прошипела Ринга. – Ах, тебя начало интересовать, почему я ору?

Она стояла, сжимая в трясущихся руках большой медный кувшин и умудряясь выглядеть одновременно перепуганной до смерти и злой как голодный демон. Девушка снова попыталась заговорить, но вместо этого издала неразборчивое шипение пополам с ворчанием.

– А по-человечески? – холодная вода, как ни странно, прекрасно подействовала, и сейчас киммериец отчетливо вспомнил все события предыдущих дней и особенно прошлого вечера и ночи.

– Мы пропали, – Ринга сумела взять себя в руки и заговорила спокойно, даже чуточку равнодушно. – На этот раз полностью. Ты знаешь, что произошло этой ночью в городе? Нет? Так я тебе скажу! Резня!

– Какая резня? – ошарашенно переспросил Конан. Ничего себе начинается денек…

– Самая обыкновенная, если только так можно выразиться, – Ринга, не заметив, разжала руки и выпустила кувшин, с грохотом покатившийся по полу. – Убиты и разорваны на мельчайшие кусочки пять человек. Двоих из них мы знаем – Тамир и Гебер. Еще начальник туранской полусотни, здешний градоправитель и… – она запнулась, вспоминая: – Да, помощник градоправителя.

– Гебер убит? – не поверил своим ушам варвар. – И Тамир, этот начинающий выскочка из Турана? Но как…

– Погоди, я еще не все сказала, самое интересное впереди, – перебила начавшийся поток вопросов рабирийка. – Город одним махом лишился всех представителей законной власти, и ты в жизни не догадаешься, кто этим воспользовался. Наш общий знакомый – капитан немедийского гарнизона, господин Даммарос! Теперь он здесь царь и бог в одном лице, и пытается навести хоть какой-то порядок. А его первый указ в должности военного правителя Дэлирама, между прочим, гласит, что подозреваемый в многочисленных убийствах и грабежах наемник по имени Конан должен быть немедленно схвачен и доставлен в городскую тюрьму и предан военному суду. Равно и сопровождающая его женщина. Приметы таковых указаны, вознаграждение – довольно солидное! – обещано. Да нас все желающие будут ловить и без вознаграждения – лишь бы не допустить повторения минувшей ночи! Сейчас на улицах достаточно ткнуть пальцем в первого попавшегося и крикнуть, будто он виноват – и его без всякого суда прикончат на месте! Ты понимаешь, во что мы вляпались?

Конан ничего не ответил, изо всех сил пытаясь разобраться в вываленном на него ворохе невероятных сведений. Ринга, не выдержав повисшей тишины, во весь голос прокричала:

– Это же конец! Придумай что-нибудь, не молчи!

– Как я могу думать, если ты постоянно вопишь? – огрызнулся киммериец. – Скажи лучше, когда и от кого ты успела узнать про случившееся?

– Указ зачитывают на всех улицах, достаточно незаметно выйти и прислушаться, – устало сказала девушка, сообразив, что от ее криков ничего не изменится. – Подробности разлетелись по городу и к полудню станут известны всем и каждому. Кроме тебя, разумеется… Ты-то обо всем узнаешь в последнюю очередь!

Препираться со взбесившейся девчонкой у варвара не было никакого желания. Куда больше хотелось понять, каким боком произошедшее имеет отношение к Геберу и его компании, и неужто выглядевший столь проницательным и расчетливым вожак заговорщиков оказался таким идиотом, что позволил себя убить? Кстати, в числе погибших не упомянуты Эридат и Линдисса. Успели удрать? Или прекрасно знали о том, что должно было произойти, если, конечно, не сами затеяли эту историю? Должно же найтись какое-то разумное и понятное объяснение всему, что здесь творится! Да, а из городка теперь уже точно не выберешься…

– В городе сейчас происходит что-то ужасное, – продолжала Ринга, мечась по комнате из угла в угол. – Люди шарахаются от собственных теней, и…

– Похоже, вы уже все знаете, – единственная дверь в комнате беззвучно открылась, и на пороге появился хозяин дома. – Я подозревал, что от тебя бесполезно ждать ничего, кроме серьезных неприятностей, но чтоб такое… Конан, ты превзошел все мои ожидания. Кто-нибудь хочет выпить?

Эзаэдро принес с собой большую фигурную бутыль мутно-зеленого стекла и демонстративно помахал ей в воздухе.

– Я, – мрачно сказал Конан.

– И я, – рабирийка подошла к столу, все еще хранившему следы вчерашнего вечера, посвященного дружеским воспоминаниям, и отыскала три относительно чистых кружки.

– Вот теперь я очень внимательно выслушаю все, что вы скажете, – непререкаемым тоном заявил Эзаэдро, когда бутыль наполовину опустела. – Желательно не слишком отклоняйтесь от истины. Не часто в нашем тишайшем захолустье сводят счеты подобным способом… И если это не сведение счетов, то я – первейший олух в здешнем обширном собрании таковых.

– А не кажется, что ты лезешь не в свое дело? – буркнул в ответ варвар.

– Мне кажется, что ты ненароком разворошил наше маленькое местное осиное гнездо, – холодно отозвался бывший перекупщик разбойничьей шайки, а ныне – добропорядочный горожанин. – У нас за год не умирает столько людей, сколько за последние три дня! Я еще могу поверить, будто тебе заморочили голову и воспользовались тем, что ты совершенно не знаешь здешних порядков, но никто в целом мире не разубедит меня, что Конан из Киммерии не имеет к случившемуся ни малейшего отношения. Итак?

– Но я действительно здесь ни при чем! – рявкнул киммериец, и, поразмыслив, поправил сам себя: – Почти.

– Вчера ты спрашивал меня о некоторых людях, – напомнил Эзаэдро. – Сегодня почти все из них мертвы. Как это прикажешь понимать? По-моему, тут напрашивается единственный вывод – они чем-то тебе не угодили, а твой способ расправляться с не приглянувшимися людьми я прекрасно изучил еще во времена общения с дражайшей Карелой. Только зачем было раздирать бедолаг на куски? Ты явно погорячился.

– Да весь вчерашний вечер и ночь я провел здесь, у тебя! – не выдержал варвар.

– Ты был здесь почти всю ночь, – дотошно уточнил Эзаэдро. – Я знаю только то, что видел сам – ты явился с этой женщиной посреди ночи. Или даже ближе к утру. Где ты был и что делал ранее – мне неизвестно.

– Уж не считаешь ли ты, что я действительно убил всех этих людей? – в голосе Конана появились угрожающие нотки.

– С тебя станется, – Эзаэдро не обратил на возможную угрозу никакого внимания. – Но есть одна маленькая подробность, узнав о которой, я слегка засомневался. Последнего из убитых – хорошо известного тебе Гебера – прикончили возле собственного дома почти под утро. Я точно знаю, что в это время ты находился здесь и пребывал в таком… м-м-м… состоянии, что вряд ли сумел бы выйти из дома на собственных ногах. Насчет остального – ничего сказать не могу. Ну, так я дождусь вразумительного рассказа о ваших похождениях или как? Кстати, у меня сложилось впечатление, что молодой Даммарос – наш нынешний временный военный градоправитель – настроен весьма решительно и намерен любым способом изловить и примерно покарать мерзкого убийцу. Может, ты предпочтешь побеседовать с ним?

То, что раздалось в ответ, вряд ли заслуживало наименования «вразумительного рассказа». Однако другого выхода не оставалось. Конечно, Эзаэдро никогда не выполнил бы угрозу сдать бывшего компаньона немедийцам, но мог основательно подпортить жизнь, прежде чем влипший по уши друг-приятель уберется прочь из городка, туда, откуда взялся. Кроме того, Эзаэдро больше всего в жизни ценил сведения – все равно какие – рано или поздно любые из них оказывались полезными. «Деньги приходят и уходят, сплетни остаются навсегда», – эту поговорку Конан слышал от него не раз и не два, а теперь доподлинно выяснил, что у хозяина дома слова не расходятся с делами.

Повествование вышло долгим… и не совсем правдивым. Особенно в части, касающейся происхождения Ринги, а также обстоятельствам, предшествовавшим знакомству с месьором Эридатом и компанией заговорщиков. Не нашлось там также места и упоминанию о встрече с незнакомцем у заведения Мамаши Циль, после которой своим ходом ушел только один из собеседников. Слегка приглаженное изложение событий (Конан всегда придерживался разумного правила, гласившего, что откровенно врать нехорошо да и поймать могут, а вот внести по ходу рассказа некоторые полезные исправления никогда не повредит)

складывались в цепь загадочных происшествий, виновниками которых, вне всякого сомнения, являлись Гебер и его подручные. Имелись в рассказе и невинно пострадавшие… ну, почти невинно. Не было там лишь одного – ответа на вопрос, как теперь быть.

– Врешь, – уверенно заявил Эзаэдро, терпеливо выслушав невеселую историю до конца. – Может, не через слово, но врешь. Ладно, сделаем вид, что я поверил во всю чушь, которую ты мне преподнес. Все равно это ничего не меняет – ты обвиняешься в по крайней мере четырех, если не пяти убийствах, об этой женщине я вообще молчу, а о том, что произойдет, если тебя заметят в моем доме, даже подумать страшно. Ты, разумеется, сбежишь, а мне еще жить в этом городе! И держать ответ перед новыми властями.

– Это все надо понимать, как «немедленно убирайся и выкручивайся, как знаешь?» – уточнил Конан. Ничего другого и ожидать не стоило – каждого больше заботит сохранность собственной шкуры и головы, нежели судьба приятеля, по собственной глупости угодившего в изрядный переплет.

Эзаэдро помолчал, явно что-то взвешивая и решая про себя, и наконец неохотно проговорил:

– С величайшим удовольствием ответил бы – «да», но неохота знать, что над тобой на очень тонкой веревке болтается глыба, именуемая «месть». Кроме того, я не забываю о неоплаченных долгах и тех, кому обязан своим нынешним положением… Но не жди, что я немедленно побегу подтверждать твою невиновность! – неожиданно рассержено бросил Эзаэдро. – Честно говоря, я в таковую почти не верю. Могу обещать только одно – если меня спросят, я согласен подтвердить, что после полуночи ты находился в моем доме и никуда отсюда не выходил. А уж чем ты был занят до того…

– Достаточно и этого, – отрезал киммериец. – Можешь сделать еще одну вещь?

– Какую? – уныло спросил Эзаэдро. – Дать в долг? Могу, только в разумных пределах.

– Нет, золото у меня пока есть. Присмотри за моей подружкой, – Ринга, поняв что речь идет о ней, вздрогнула и подняла голову. – И дай мне знать, если в городе начнет происходит что-то необычное.

– Хорошо пусть остается, но только на пару дней, а не навсегда! А то я тебя знаю – отделался от забот и поминай как звали! И, между прочим, какое еще «необычное» тебе надобно? Ты что, полагаешь, будто у нас каждый день устраивают такую вот бойню?

– Я… – возмущенно начала было девушка, но перебила сама себя: – Пусть так, я побуду здесь, но скажи, что ты опять задумал? Я же вижу, что у тебя родилась очередная бредовая идея!

– Я отправляюсь в гости, – хмыкнул варвар. – Мне до смерти надоела эта игра в загадки, и я собираюсь получить точные ответы на множество вопросов. И даже знаю, кто мне будет отвечать.

– Линдисса, – не задумываясь, выпалила рабирийка и состроила недовольную физиономию.

– Эта рыжая? – скривился Эзаэдро. – Соврет – недорого возьмет… Кстати, почему она еще жива? Кого – кого, а нашу городскую красотку следует прикончить в первую очередь – ее очаровательная головка просто нашпигована чужими секретами и далеко идущими коварными замыслами. Если бы у Линдиссы еще хватало ума не болтать об этом на каждом углу…

– Это тоже один из интересующих меня вопросов, – вполголоса проворчал Конан и осведомился: – Где в вашей дыре улица Прыгающей Ящерицы?

– Через пару кварталов от меня, ближе к центру города, – немедленно отозвался Эзаэдро. – Надо же, лиса вернулась в старую нору. Она жила там до того, как ухитрилась заморочить голову бедняге Райнаку и женила его на себе. До сих пор не понимаю, зачем ей это понадобилось, но наверняка не просто так. Милейшая Линдисса никогда ничего не делает без выгоды.

– Наверное, – кивнул варвар, и, точно вспомнив что-то, повернулся к Ринге: – Между прочим, что такое «хэддишш»? Такого мне еще слышать не доводилось.

Рабирийка почему-то ужасно смутилась, уставилась в пол и еле слышно ответила:

– Так… Недоброе словечко.

* * *

Обычно тихий и сонный Дэлирам сейчас наводил на мысль о неразберихе, неизбежно возникающей в овечьей отаре после нападения голодной волчьей стаи. Горожане кучками толпились на углах и возле ворот домов, разбегаясь при первых признаках приближающихся патрулей. А такого непомерного количества вооруженной до зубов солдатни, готовой схватить любого мало-мальски подозреваемого, Конан не видел со времен недавних событий в Султанапуре. Впрочем, особого единодушия между стражами порядка, служившими двум великим державам, не наблюдалось, особенно после того, как заморийский городишко, фактически принадлежащий Турану, удивительнейшим образом оказался владением Немедийской короны. Никто не даже не рисковал предположить, долго ли сможет продержаться подобное положение дел, и не выльется ли оно в нечто еще более худшее, чем насильственная гибель всей правящей верхушки города – как законной, так и предпочитающей оставаться в тени.

Проезд, носивший странное название «улица Прыгающей Ящерицы», жался между обступившими его жилищами местной знати, а дом госпожи Линдиссы оказался небольшим одноэтажным строением, окруженным множеством пристроек, галерей и веранд, увитых несколько пожелтевшими от жары виноградными лозами. Никакой стражи возле дома не обнаружилось, и на мгновение киммериец засомневался – стоит ли вообще туда лезть, может, умненькая вдовушка давным-давно удрала из города. Но почему-то в это слабо верилось.

Он не ошибся – на одной из многочисленных веранд в просвете между резными листьями мелькнула рыжая прядь, а когда варвар подошел поближе, то увидел хозяйку дома собственной персоной.

Вид у нее был несколько помятый и отнюдь не столь очаровательный, как обычно. Линдисса в полном одиночестве – отсутствовала даже неизменно сопровождавшая ее повсюду Чари – сидела за одноногим столиком, отрешенно уставившись на пару серебряных кувшинов, гордо возвышавшихся в центре стола. Вдова даже не удивилась, когда ее уединение было нарушено появлением варвара.

– А-а, это ты, – язык у нее слегка заплетался, а взгляд никак не мог задержаться на одном предмете, плавно перемещаясь то туда, то сюда. – Они все сбежали… – женщина сделала размашистый жест рукой, включавший в себя по крайней мере весь Дэлирам с

Туранской Империей и половиной Кофа впридачу. – Попрятались и дрожат… Трусы… Шакалы бесхвостые… Бросили меня тут одну…

Она совершенно неизящно икнула и потянулась к ближайшему из кувшинов. К ее глубочайшему разочарованию, он, как и его сосед, оказался совершенно пустым. Линдисса изумленно уставилась на сосуды, так жестоко обманувшие ее надежды, а затем перевела рассеянный взгляд на своего гостя.

– Слушай, раз уж ты пришел, посмотри во-он там, – она ткнула в сторону распахнутых дверей на веранду. – Слева… В шкафу должно оставаться еще что-то… Эй, а мне? – возмутилась вдова, когда содержимое появившегося на свет и немедленно откупоренного кувшина не переместилось в ее пустующую чашу.

– А тебе хватит, – безжалостно отрезал Конан.

– Вот так всегда, – обиженно протянула рыжая красотка. – Сначала – Линдисса то, Линдисса се, а потом собственного вина не допросишься! Дай!

– Обойдешься.

Линдисса капризно надула губки, но, поняв, что все равно ничего не добьется, не слишком вежливо для гостеприимной хозяйки осведомилась:

– Так чего тебе надо?

– Узнать, кто из вас устроил ночной погром и какому ублюдку пришла в голову не слишком умная мысль свалить все это на меня.

– Представления не имею, – пожала плечами вдовушка-заговорщица, хватаясь за край стола, чтобы не упасть. – Ты вчера сбежал, Гебер с Эридатом и его сворой еще немного порыскали по саду, а потом все мирно разошлись по домам. А сегодня утром… – она всхлипнула, но совершенно неискренне.

– А где Эридат? – поинтересовался киммериец. – Он же вроде остался жив?

– Откуда мне знать? Забился в какую-нибудь щель и ждет, пока все уляжется, – женщина помолчала, затем тоскливо вопросила у выцветшего светло-синего неба: – Почему я все должна делать одна? Я же не могу одновременно находиться в десяти местах, да еще…

Она не договорила, резко выпрямившись в кресле и мгновенно протрезвев:

– Вот оно! Слушай, варвар, помоги мне! Ну пожалуйста, сам видишь – они все либо поразбежались, либо позволили ухлопать себя! А такой потрясающий шанс дается единственный раз в жизни, его нельзя упускать!

– Ага, а потом ты натравишь на меня немедийцев или еще что-нибудь придумаешь. Хватит с меня вашей развеселой компании, – пробурчал в ответ киммериец, однако слова о некоем единственном шансе заставили его немедленно насторожиться.

– Да нет же! – Линдисса вскочила и забегала по веранде – два шага туда, два шага обратно. – Тебя обманул Эридат! Этот помет Нергала родную мать продаст, купит и снова продаст, но уже дороже! А я никогда не нарушаю своих обещаний! – она подумала и нерешительно добавила: – Я заплачу, а если получится то, что мы… я задумала, треть от общего дохода будет твоя.

– А почему не половина? – хмыкнул Конан.

– Потому что я должна расплатиться еще кое с кем, – уклончиво ответила Линдисса. – Ты согласен?

«Выходит, резня в городе не входила в их планы? Тогда что же они затевали? И кто и с какой целью, скажите на милость, устроил ночную заварушку? Большая часть шайки нынче отправилась к Нергалу, Эридат, похоже, выбыл из игры, но Линдисса все равно собирается

добиться своего. Она сказала „мы“, затем поправилась – „я“, и намерена то ли перетянуть на свою сторону еще кого-то, то ли откупиться от мешающих ее планам людей. Обещает треть от неизвестно чего… С тем же успехом она может пообещать и половину, и сколько угодно. Согласиться? Уж больно непонятно все это выглядит… Ага, вот что мы сделаем!»

– У меня есть условие. Даже два.

– Какие? – настороженно спросила женщина.

– Как считаешь, немедийский вояка поверит тебе, когда ты заявишь, что нынешнюю ночь я провел у тебя? – безмятежно осведомился варвар.

Опешившая Линдисса на мгновение потеряла дар речи, а затем жалобно протянула:

– Поверит, но моя репутация будет окончательно загублена… Дикий северный варвар в моей постели? Это чересчур.

– Надо было раньше заботиться о репутации, – справедливо заметил киммериец. – И потом, если твоя задумка принесет тебе кучу золота, тебе вовсе не обязательно до конца жизни торчать в здешнем болоте.

– А второе условие? – похоже, Линдисса приготовилась к тому, что сейчас от нее потребуют чего-нибудь уж совсем невероятного…

– Ты кратко и понятно излагаешь, что у вас тут творится.

– Нет, – без колебания ответила рыжая красавица. – Точнее, я все тебе расскажу, но не сейчас. Ты можешь подождать всего пару дней? Понимаешь, я сама многого еще не знаю, и не хочу неосторожно все испортить. Я поговорю с господином Даммаросом, и сделаю это прямо сегодня, но насчет рассказа – пока нет.

– Будем надеяться, что я проживу эти два дня… – вполголоса проворчал Конан. – Ладно, договорились.

– Тогда слушай, что тебе нужно будет сделать, – Линдисса выскочила с веранды, но через мгновение вернулась, разложив на столе несколько листов пергамента, перо с чернильницей и незаженную свечу. Разговаривая, она одновременно деловито набросала на пергаменте пару строчек, тщательно сложила лист, зажгла свечу и, накапав темным воском на получившийся сверток, приложила к получившейся блестящей лужице собственное колечко с плоской печатью. – Выбираешься из города – осторожно, на окраине патруль на патруле! – и по Дороге Королей двигаешься к горам, на восход. Примерно через лигу от Дороги налево отходит еще одна – проселочная, тебе по ней, там пройти еще с поллиги или побольше. Путь никуда не сворачивает и заканчивается возле загородного дома. Узнать его проще простого – дом там один, за ним находится небольшая рощица и начинаются горы, а на воротах висит кипарисовая ветка. Это вилла «Кипарисы»…

– И что дальше? – поинтересовался варвар. Пока все выглядело простым и лишенным какого-либо намека на противозаконные действия. А в том, что таковой обязательно должен присутствовать, он не сомневался.

– Дальше ты туда заходишь. На вилле маются дурью два или три десятка бездельников, старшего над ними зовут Уркаш, он туранец. Отдашь ему вот это, – Линдисса подтолкнула по столу запечатанное послание. – И примешь над ними командование. Делай с ними все, что угодно, только не убивай, потому что других наемников мне достать неоткуда. Вы смирно сидите в поместье до завтрашнего утра, а потом либо приеду я сама, либо пришлю гонца с указаниями… Кстати, где твоя подружка?

– В надежном месте, – туманно ответил Конан.

– Пусть не высовывается на улицу и постарается никому не попадаться на глаза. Насчет

нее я ничего обещать не могу. Вот и все, – Линдисса облегченно перевела дух. – Я бы раздобыла для тебя лошадь, но ее совершенно неоткуда взять, а та, что есть у меня, понадобится мне самой… Так я могу на тебя рассчитывать?

– До той поры, пока тебе не взбредет в голову немного сплутовать, – многозначительно предупредил киммериец. – Прежде чем это сделать, подумай – у тебя ведь всего одна жизнь.

– Подумала, – твердо сказала Линдисса. – Я не собираюсь обманывать тебя, и надеюсь, что все закончится благополучно. А теперь уходи, не нужно, чтобы кто-то знал, что ты был здесь.

Уже выбравшись из дома хитроумной вдовушки, Конан вспомнил, что заметил одну странность, которой поначалу не придал значения. Если Линдисса на самом деле осушила те два кувшина, что стояли у нее на столе, то вряд ли бы могла связно выговорить даже собственное имя. А она вполне здраво рассуждала, ходила, не спотыкаясь на каждом шагу, и уверенно держала перо. Что из этого следует? Да то, что либо она совершенно не пила (тогда на кой ляд она разыграла это представление?), либо с ней был кто-то еще, быстро спрятавшийся при появлении не совсем званого гостя. И, во имя всех богов, зачем ей вдруг позарез понадобился человек, способный командовать отрядом? Что она задумала?

«Она точно сидела и поджидала, когда я приду! И даже не сомневалась, что дождется! Проклятие, они все время опережают меня хотя бы на шаг! Ладно, загляну к Эзаэдро, может, он скажет что полезное, а под вечер надо будет отправляться на эту самую виллу „Кипарисы“… Посмотрим, каких таких „бездельников“ там прячет госпожа Линдисса…»

* * *

На улицах городка ничего не изменилось, разве что горожане немного осмелели, начиная показываться на улицах и открывать лавки. Собственно, никаких причин задерживаться в городке не было, и, шагая к дому Эзаэдро, киммериец куда больше был озабочен вопросом, как бы объяснить Ринге необходимость его временного отсутствия в городе, а также размышлениями над тем, кому могли встать поперек дороги покойный Гебер и его дружки. Что бы дэлирамские мошенники не затевали, они еще не успели это осуществить, а выяснение отношений и устранение лишних участников, как правило, происходит после успешного (или неудачного) завершения задуманного предприятия, но никак не во время или даже до начала такового. Значит, кто-то, несмотря на всю предосторожность, пронюхал об их затее. Или у этого неизвестного не хватило терпения сперва дождаться развязки, а уж затем убирать неугодных компаньонов. Короче, все здесь происходило не так, как полагается в кругах людей, занимающихся столь древним и почтенным ремеслом, как облапошивание ближних своих. Новички, что с них взять… А если они в самом деле собираются каким-то образом обставить Шадизарских или Аренджунских дельцов – безумные новички. Подобное еще никому не удавалось, даже ему самому. Если только не принимать в расчет парочку сомнительно закончившихся дел, где никто так и не разобрался – на чью, собственно, сторону выпал выигрыш. Участники тех былых авантюр считали огромной удачей, что им повезло просто остаться в живых.

На полпути пришлось скользнуть под арку, и пропустить мимо торопящийся куда-то

немедийский патруль. А еще через десяток – другой шагов варвар остановился – где-то неподалеку происходила ссора на повышенных тонах с участием по меньшей мере двух десятков человек.

«Мне нет до этого никакого дела, у меня полно своих забот… А все-таки, что там творится? Кому это пришло в голову выяснить отношения?»

На маленькой площади, зажатой между покосившимися домишками, принадлежащими уж точно не местному высшему обществу, столкнулись два отряда – немедийский и туранский. Пока дело ограничивалось лишь словесными оскорблениями и живописными перечислениями внешних недостатков и низкого происхождения противника, однако не было ни малейшего сомнения, что рано или поздно от слов вояки перейдут к делу. За развитием событий с боязливым любопытством наблюдала кучка горожан, столпившихся в предусмотрительном отдалении.

Смысл сыпавшихся с обеих сторон обвинений сводился к одному – кто главный в городе, а также кто конкретно несет ответственность за ночное происшествие. Цветистая перебранка пока не привела ни к каким результатам, кроме постепенного накаления обстановки. Но расстановка сил внезапно изменилась – к немедийцам прибыло подкрепление. Из переулка выехал новый гвардейский отряд, может, не слишком большой, зато возглавляемый неожиданно вознесенным к сияющим вершинам власти временным правителем города.

Нельзя сказать, что Даммарос выглядел довольным своей участью. Теперь он уже начинал сомневаться, что поступил верно, взяв управление Дэлирамом в свои руки. Впрочем, за сегодняшнее утро он сделал все, что мог – успокоил горожан, приказал отыскать околачивавшегося в городе подозрительного наемника (на всякий случай, должен же отыскаться хоть один виноватый), расставил посты вокруг города в слабой надежде, что настоящий злоумышленник попытается удрать и попадется, а также отослал гонца в Аренджун, в тамошний более крупный гарнизон, с докладом обо всем творящемся и своих действиях. Впрочем, на помощь из Аренджуна рассчитывать не приходилось – пока гонец доскачет, пока кто-нибудь из вышестоящего начальства потрудится разобраться в полученном донесении и решит, что стоит принять меры – в городке либо все закончится само собой, либо просто не останется ни одного живого человека.

А теперь еще туранцы! Даммарос здраво полагал, что стоявшая в городе полусотня, лишившаяся командира, без особого сопротивления согласится перейти под его командование, но не тут-то было. Если туранская гвардия пока не взбунтовалась, то лишь потому, что не могла решить, с чего следует начать – с немедийцев или с известных им личностей, заправлявших всеми темными делами в городке. Похоже, что немедийцам не повезло – они были под рукой, и небольшой мятеж грозил вот-вот начаться. Чего нельзя было допустить ни в коем случае. Ну почему, почему он решил, что настало самое подходящее время для того, чтобы встряхнуть сонный городишко? Сидел бы себе тихо в казармах, и пусть эти свихнувшиеся дэлирамцы режут друг друга, сколько душе угодно!

Конан довольно равнодушно послушал, как немедийский капитан пытается усмирить разошедшихся туранцев, и, решив, что все дело закончится небольшой потасовкой, после чего битые подданные Илдиза отправятся переживать свое поражение по казармам, поискал взглядом какой-нибудь тихий и неприметный переулок. Раз он тут главный подозреваемый, то совершенно незачем попадаться на глаза представителям военных властей.

От толпы зевак отделился человек, явно потерявший интерес к происходящему, и,

держась ближе к домам, неторопливо направился в обход площади. Немедиец, наконец, сумевший убедить воинов Илдиза в том, что сейчас совершенно ни к чему затевать выяснение отношений между представителями двух великих держав, а необходимо как можно скорее изловить преступника или преступников, развернул лошадь, собираясь покинуть место несостоявшегося происшествия. Разочарованные зрители побрели в разные стороны, продолжая на ходу обсуждать увиденное; туранцы, выстроившись по двое, скрылись в глубине одной из выводящих с площади улиц.

Неизвестный, первым сообразивший, что ничего интересного не произойдет и вроде торопившийся по своим делам, почему-то задержался у выхода с площади, прислонившись к стене и точно ожидая, когда немедийцы проедут мимо. Он не заметил стоявшего неподалеку и слегка удивленно наблюдавшего за его странными действиями Конана, ибо пристально следил за передвижением маленького отряда новоиспеченного градоправителя.

Лошади немедийцев загрохотали копытами по плохо мощеной улице. Даммарос, горячо обсуждавший что-то со своим помощником, ехал вторым. Колонна, непозволительно растянувшись в нарушение всех воинских правил и уставов, направлялась к центру города. Подозрительный дэлирамец подался вперед, из складок его одежды незаметно появился короткий прямой кинжал, как нельзя лучше подходивший для метания.

«Это еще что такое? Веселье продолжается? – мелькнула мысль у киммерийца. Одновременно он сам, сделав пару шагов, оказался за спиной у незнакомца. – Он что, из уцелевших Геберовских людей? Или это горячий привет от Линдиссы? Даммарос сейчас единственная власть в городке, если убьют и его – начнется полная неразбериха… Конечно, он меня обыграл в кости, но это вовсе не повод, чтобы позволить какому-то проходимцу так просто его прикончить.»

Человек поудобнее взялся за рукоять кинжала, примериваясь к цели – таковой был именно проезжавший мимо капитан немедийской гвардии.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вилла «Кипарисы», как выяснилось, находилась не в полутора, а в двух полных лигах от Дэлирама. Путь, ведущий к поместью, госпожа Линдисса – надо отдать ей должное – описала верно и заблудиться действительно было просто невозможно. Вымощенная белым камнем широкая лента Дороги Королей чуть поблескивала под светом поднимающейся луны, и за быстро двигающимся по направлению к невысоким Кезанкийским горам человеком бежала длинная синеватая тень. Дорога здесь пролегала через выжженную солнцем и плоскую как доска степь, никуда не сворачивая и устремляясь к перевалам, за которыми находились владения Империи Туран.

Великая Дорога Королей, ради строительства которой в кои-то веки объединились по меньшей мере восемь государств на закате и восходе, рождалась у моря – на берегах Западного Океана, в шумной и многоязычной Мессантии, и завершалась тоже у моря, в Аграпуре Туранском, упираясь в теплые волны моря Вилайет. Дорога проходила через горы и бурные реки, через пустыни и людные города, нигде не прерываясь и везде сохраняя один и тот же однообразный облик – десяти хороших шагов шириной, мощеная плотно пригнанными друг к дружке плоскими плитами белого зернистого камня с голубоватыми прожилками. За почти двести лет своего существования Дорога местами пришла в упадок, однако отрезок, соединявший Коринфию и Замору, поддерживался в более-менее приличном состоянии.

В последнее время поговаривали, что якобы Дорога Королей получила своеобразное продолжение, и нынче тянется на восход до неизвестных никому пределов. А все дело состояло в том, что предприимчивые туранские купцы сумели наладить прочные связи с небольшим, однако весьма богатым и процветающим государством на противоположном берегу Вилайета – Хаббатеей.

Столица маленькой страны, носившая имя Хабба, была завершением главного караванного пути стран Востока – Пути Шелка и Нефрита, пролегавшего через такие далекие и почти сказочные страны, как Вендия, Кхитай и Иранистан. Торговые галеры пересекали обычно спокойный Вилайет с восхода на закат и обратно, прочно связав Хаббу с Аграпуром и приморскими городами Империи Туран – Хоарезмом и Султанапуром.

Единственное, чего приходилось опасаться на морских просторах Вилайета – пиратских галер, скрывавшихся между многочисленных островов, и обитателей заросшего тростниками устья реки Запорожки, называвших себя козаками или вольными людьми, а на деле бывших самыми заурядными разбойниками. Государь Илдиз уже который год обещал расправиться с ними, а заодно и с пиратами, обосновавшимися чуть ли не рядом со столицей империи, но пока не достиг особых успехов ни в борьбе с козаками, ни с вилайетскими корсарами.

…Из города Конан выбрался без особых трудов, однако заглянуть к Эзаэдро и Ринге, чтобы предупредить о своем исчезновении на пару дней, не успел. Зато принял живейшее участие в событиях на маленькой площади неподалеку от центра городка.

К сожалению, киммериец не сумел до конца помешать человеку, собиравшемуся прикончить капитана Даммароса. Тот, впрочем, должен до конца жизни благодарить судьбу, всех богов, каких вспомнит, и отдельно – заезжего наемника, что вообще остался жив. Летевший кинжал изменил направление лишь благодаря тому, что Конан успел толкнуть неизвестного любителя метать ножи в представителей власти под руку. Широкое лезвие

просвистело в начинавшем дрожать от сгущающейся жары воздухе, но вместо сердца вонзилось Даммаросу в голень, чуть пониже колена.

Дальше, как водится, началось небольшое, но исключительно суматошное столпотворение, главными участниками коего стали побелевший и медленно сползавший с заплясавшей от испуга лошади капитан гвардейцев, неизвестный дэлирамец, немедленно рванувшийся со всех ног с места несостоявшегося преступления, и, разумеется, Конан. Большинство немедийцев без всякого на то основания сочли виновником досадного происшествия именно его, а пока варвар разубеждал их в этом – не столько словами, сколько с помощью меча – истинный преступник успел исчезнуть с места действия. Шипевший от боли Даммарос сумел остановить своих людей, решивших для очистки совести прикончить хоть кого-нибудь, и послал погоню. Она, разумеется, ничего не принесла, но за краткое время, пока стражи порядка носились по окрестным улицам, пытаясь выяснить у трясущихся от страха горожан, не видели ли они убегающего человека, состоялся один довольно примечательный разговор.

Даммарос был не то чтобы чрезмерно удивлен, а скорее откровенно недоумевал, отчего находящийся под подозрением в убийствах наемник посейчас околачивается в городе. По мысли гвардейского капитана, варвару давно уже следовало удрать и со всей возможной скоростью топать на своих двоих в Аренджун. Быстро сообразив, что Даммарос не считает его виновным, а просто был вынужден назвать в качестве искомого злодея хоть кого-то и предусмотрительно выбрал на эту ответственную роль человека, способного постоять за себя (а в случае чего – быстро исчезнуть), Конан быстро поинтересовался, что именно собирается предпринять капитан для поимки настоящего убийцы. В ответ последовало слегка приглушенное, но ничуть не потерявшее от этого своей живописности предложение убираться с подобными идиотскими вопросами на все четыре стороны света. Неужели непонятно, что у него, Даммароса, и без того забот, как блох на бродячей шавке?

– А если я приволоку тебе этого мерзавца? Скрученным, как баран на рынке?

– Врешь? – с надеждой спросил Даммарос. – Ну ведь врешь же? Где ты его отыщешь?

– Не твое дело, – отрезал киммериец. – Так что ты с ним сделаешь?

– Повешу, – кровожадно сказал гвардейский капитан. – Или отдам народу на растерзание. Или поджарю без масла. Ну какая тебе разница? Главное – поймай его!

– Я попробую, но пусть твои болваны перестанут бегать за мной по пятам, – потребовал варвар.

– А они разве бегали? – возмутился Даммарос, но тут же скривился и тихонько зашипел – рана была хоть и неопасной, но болезненной. – Слушай, ты действительно можешь поймать ублюдка, устроившего в городе эту заварушку?

– Пока не знаю, – честно признался Конан. – Но думаю, в ближайшие два-три дня точно встречу либо самого убийцу, либо человека видевшего его или догадывающегося, кто он такой. Слушай, а ты знаешь, что в твоем дерьмовом городишке затевается какая-то большая игра со сплошными обманами?

– Подозреваю, – после некоторого размышления сказал немедиец. – Но не знаком с участниками.

– Если перечислишь всех умерших в последние два дня – не ошибешься. Я умудрился вляпаться в самую середину их затеи, и сам пока толком не разобрался, что к чему. Но уверен, что все недавние покойники – их рук дело. И еще – кое-кто остался жив и продолжает начатое. Они считают, будто по дешевке купили меня для своих делишек… но

даже не подозревают, насколько глубоко ошибаются. А теперь я пошел. Будут новости – постараюсь передать. Жди через один-два дня… Сам не знаю чего, но что-то наверняка произойдет.

– Погоди! – Даммарос хотел закричать, но вместо этого захрипел. – Скажи мне одну вещь и можешь удирать. Есть в городе гуль?

– Нет, – со всей доступной ему искренностью ответил киммериец, и порадовался, что давно научился врать, не вызывая почти никаких подозрений. – Нет никакого гуля и никогда не было.

– Ты прикончил Леддара? – не отставал капитан гвардии.

– М-м-м… ну я, – «Ладно, будем хоть в чем-то честными.»

– Я так и предполагал, – вздохнул Даммарос. – Ограбление в предместье, дом господина Эридата?

– Тоже я.

– И за что только нам послал Митра такое наказание… Райнак?

– Отвали! Нечего вешать на меня чужих мертвецов, – рявкнул Конан. – Сказал же – я в этих делах не участвую!

– Где женщина? – слабеющим голосом задал очередной вопрос Даммарос.

– Она здесь ни при чем. Все равно ты ее найдешь.

– Ладно, проваливай, – вяло махнул рукой гвардеец и нынешний военный градоправитель. – Только, ради Митры и еще не знаю кого, думай, прежде чем натворить дел. Мне и так обеспечена головная боль на всю оставшуюся жизнь, а если ночка вроде вчерашней повторится еще раз – можно смело удавиться на перевязи собственного меча… Излови мне этого мерзавца и можешь отправляться, куда твоей душе угодно. Я даже согласен обшарить городскую казну и выдать тебе какое-никакое вознаграждение ради такого случая, только отыщи его!

– Звучит привлекательно, – хмыкнул варвар. – Кстати, где лучше всего выбраться из города?

– Через заставу возле Старой Башни – она в паре кварталов отсюда. Там стоит туранский патруль, но их значительно больше занимают обитательницы шумного заведения, что расположено по соседству…

К тому времени, когда киммериец отыскал указанную «Старую Башню» и выяснил, что понятие «пара кварталов» в Дэлираме может означать как соседнюю улицу, так и другой конец города, начало смеркаться. Если он хотел добраться до загадочного загородного дома хотя бы к началу ночи, то следовало поторапливаться.

«Ну должны же они сообразить, что у меня могли появиться неотложные дела. Уж Ринга-то наверняка догадается, – поняв, что совсем никак не успевает заглянуть к приятелю, варвар быстро изобрел это незамысловатое оправдание и с чистой совестью зашагал по Дороге Королей. – А получить обещание помощи от городской власти никогда не помешает. Только вот зачем я брякнул, что изловлю для Даммароса здешнего потрошителя? Можно подумать, будто я действительно знаю, кто он и где прячется… Впрочем, кое-что я подозреваю. Убийца – местный и за что-то взъелся на покойного Гебера сотоварищи. Ну и что? Да ничего, если честно… Линдисса уже должна была навестить нашего градоправителя… Вот ему еще головной боли добавится – кто из нас двоих врет и зачем? Жаль, что немедийские олухи не поймали типа, который так хорошо мечет кинжалы – может, хоть что-нибудь прояснилось бы…»

Под эти размышления варвар даже не заметил, когда свернул с Дороги Королей на пыльный узкий проселок, вскоре закончившийся у ворот маленькой виллы. На воротах действительно красовалась кипарисовая ветка, правда, не настоящая, а отлитая из бронзы. Но это не имело большого значения – дом был именно тот, что ему и требовался.

Конан несколько раз бухнул кулаком во вздрогнувшие под ударами створки и стал ждать, что произойдет дальше. Почему-то киммерийцу казалось, будто он упустил что-то важное, но что конкретно – он никак не мог вспомнить.

За воротами залилась истошным лаем собака, потом на нее прикрикнул человек, и скрипучий голос недовольно осведомился:

– Кого еще там демоны принесли? Проваливай, нечего тебе тут делать, а то собаку спущу…

* * *

…В тихом, погруженном в спокойную темноту доме женщина, задремавшая прямо за столом, положив голову на руки, неожиданно вскинула голову, обводя слегка затуманенным взглядом комнату и пытаясь понять, что ее разбудило. Причину неясного беспокойства, нарушившего полудрему, она осознала довольно быстро – где-то неподалеку раздавался тихий повторяющийся скрип, какой издает медленно крадущееся тяжелое животное. Женщина отбросила с лица мешающие волосы, настороженно приподнялась, правая рука зашарила по столу и, наконец, пальцы крепко сомкнулись на рукояти лежавшего рядом длинного, слегка изогнутого кинжала. Левая рука странно изогнулась в запястье, и пять желтоватых когтей, напоминавших когти большой хищной кошки, царапнули по ровной полированной поверхности стола. Женщина беззвучно поднялась на ноги, подошла к двустворчатой двери и провела рукой по засову, убедившись, что он, как и полагается, вдвинут в пазы и выглядит достаточно крепким.

Далекий смутный скрип стал более отчетливым. Сейчас бы его расслышал и обычный человек, если б дал себе труд прислушаться повнимательнее – еле различимое покряхтывание половиц старого дома, вызванный чем угодно… Однако, женщине он казался грохотом подкованных сапог по булыжной мостовой. Кто-то проник в дом. Кто-то, кому не полагалось здесь находиться, и этот неизвестный с каждым мгновением приближался к комнате, где она стояла, сжимая кинжал и прислушиваясь к неясным звукам. Верхняя губа женщины мелко задрожала и приподнялась вверх, открывая острые звериные клыки. Сейчас она напоминала животное, чующее близкое присутствие врага, но еще не уверенное, с какой именно стороны следует ожидать нападения.

Она трезво оценивала свои возможности в более чем вероятной драке, подозревая, что существо, тайком передвигающееся по дому, не является обычным смертным. И с нарастающей тревогой признала – не исключено, что она может не справиться с неумолимо приближающейся опасностью. А о том, что произойдет в этом печальном случае, лучше даже не позволять себе задумываться.

«Единственный раз в жизни мне позарез может потребоваться помощь, – она криво усмехнулась, – а получить ее неоткуда. Как это, оказывается, просто – привыкнуть к тому,

что всегда найдется спутник, на которого можно положиться… Ну, и где сейчас твоя надежда и опора? Шляется где-нибудь или встретил очередного старого приятеля и налакался до поросячьего визга… Даже не подозревая, что до смерти необходим мне. Впрочем, сами виноваты – не подумали, что резня еще не закончилась. Луна моей судьбы, ну сделай так, чтобы варвар понял – я влипла… Ох, как влипла!..»

Неожиданно женщина в темном доме вздрогнула и нахмурилась. Мысль, пришедшая в голову, была отнюдь не из радостных. Она подумала о другой женщине. О красивой женщине с рыжими волосами, блестящими как лисья шкурка, носящей имя Линдисса. И о том, что может не дождаться того, на чье появление еще продолжала надеяться. Ни сегодня, ни завтра, никогда больше. Впрочем, тогда ей нечего огорчаться – если она проиграет схватку, то просто не доживет до этого прекрасного «завтра». И нечего забивать себе голову всякой ерундой. Она и раньше в одиночку справлялась со всеми гадостями, подбрасываемыми жизнью, справится и теперь. С чьей-либо помощью или без нее. Она всегда рассчитывала только на себя, и у сейчас нет времени ударяться в истерику. Лучше немедля выбросить из головы все лишнее и подумать, что можно успеть предпринять, чтобы на ее стороне было хоть крохотное преимущество.

Женщина внимательно огляделась по сторонам. Не годится торчать прямо у дверей, тогда и без того мизерные шансы на победу упадут до просто неразличимых глазом размеров. Пусть крадущееся по спящему дому существо беспрепятственно заберется в комнату, считая, что остается никем не замеченным. Если только ему вообще удастся проделать это, да еще и тихо – не собирается же неизвестная тварь взламывать двери? Странно, как это порождение ночи вообще пробралось сюда – у входа должна была стоять охрана. Впрочем, что ему охрана… Но почему оно явилось в дом ничем не примечательного купца средней руки? Оно разыскивает кого-то, идет по следу? Или его навели, как-то подсказали? Какова его цель, его будущая жертва, без которой оно не уйдет? Хозяин дома? Или… или они, его невольные гости?

«Вернись, где бы ты ни был – вернись, или найдешь завтра мой слегка попорченный труп!» – безмолвно повторила она, отступая назад и юркая за широкие складки занавесей, закрывавших окно. Теперь в комнате оставались только пустой стол с тремя расставленными вокруг креслами, низкие сундуки вдоль стен, да две двери – одна побольше, другая поменьше, наполовину скрытая углом висящего рядом с ней ковра. За той, что была побольше, раздались отчетливые скребущие звуки, словно какое-то крупное животное настойчиво пыталось проделать в досках дыру и войти. Затем дубовый засов задергался в скобах, точно обретя собственную жизнь и пытаясь выбраться из удерживающих его железных креплений. Женщина наклонила голову набок и чуть расширенными от изумления глазами следила за его короткими рывками, пока толстый брус не отодвинулся настолько, что больше не представлял препятствия.

Дверь бесшумно и медленно приоткрылась, за высоким порогом зашевелилось что-то живое – настороженное и опасное. Женщина затаила дыхание, прогоняя неожиданно возникшую нелепейшую мысль о том, что неведомое существо может ее увидеть или учуять. Она слышала, как оно пыхтит и переступает с ноги на ногу там, в коридоре, точно наяву представляя, как тварь внимательно прислушивается и принюхивается. Наконец, существо сочло себя в полной безопасности и неуклюже шагнуло из полнейшей темноты в комнату, слабо освещенную пробивавшимся с улицы лунным светом. Пол под его ногами жалобно скрипнул, а спрятавшаяся женщина изо всех сил вцепилась в бархатные складки, чтобы не

упасть, и едва не выронила нож.

Это было настоящее чудовище, и надежда победить его была столь же призрачной, как туманная дымка на рассвете.

Самым разумным в сложившейся ситуации было замереть, прекратить дышать и вообще не издавать ни единого звука, молясь в душе всем известным богам, чтобы оно не заметило присутствия еще одного живого существа. Пусть делает, что хочет, убивает и рвет на куски кого хочет, но, пожалуйста, пусть не заметит ее!

В следующее мгновение она приказала той части себя, что заходилась в вопле насмерть перепуганного лесного зверька, заткнуться и слегка присела, перехватывая кинжал поудобнее. Она – страж, и этим все сказано.

Чудовище, кружившее по комнате, выглядело огромным, невероятно сильным, но не слишком проворным. Может, если женщина будет действовать достаточно быстро, у нее и выйдет что-то толковое. Скажем, она сумеет так его напугать, что чудище струсит и само уберется отсюда. Или ей настолько повезет, что она серьезно ранит его… Проклятье, почему сейчас не оказалось под рукой никакого серебряного предмета! Почему она настолько отупела, что не догадалась попросить северного дикаря оставить кинжал, ведь чувствовала, что в нем есть какая-то сила!

Существо заметило вторую дверь и издало тихое утробное урчание. Притаившейся возле окна женщине послышались звучащие в нем довольные нотки. Зверь замер на месте… вряд ли еще раз выпадет такая замечательная возможность – напасть первой, в тот единственно подходящий миг, когда жуткий противник совершенно не ожидает ничего подобного.

Женщина сжалась в тугой комок, точно кошка перед прыжком, тихонько отодвинула тяжелые занавеси, стараясь, чтобы они не зашуршали, и бросилась вперед.

Ей не повезло – существо услышало ее шаги и обернулось. Она все же достала его на излете последнего прыжка своим ножом, и чудовище яростно взвыло от боли, а в следующий момент ей показалось, что она по дурости и самоуверенности сцепилась с бешеным львом и жить ей осталось от силы два вздоха. Кинжал вылетел из ее руки, и, зашипев, она вцепилась в неприятеля всем, что было ей дано от рождения – когтями и зубами.

«По крайней мере, так просто он от меня не отделается!» – еще успела мельком подумать она, прежде чем бешеный зверь, обитающий в ее темной половине, окончательно проснулся и с радостным воем кинулся в схватку. В отличие от человеческой части, его никогда не беспокоили такие мелочи, как личность и боевые качества противника. Его вообще ничто не беспокоило, кроме стремления побыстрее добраться до горла врага, перегрызть его и плотно пообедать. Хотя, судя по времени, сейчас было скорее время ужина. Или раннего завтрака, если вы предпочитаете завтракать посреди ночи…

* * *

Уркаш, о котором говорила госпожа Линдисса, оказался вовсе не туранцем. Вернее, он был в большей степени туранцем, нежели многие из обитателей Империи – он принадлежал к роду гирканийских кочевников, чьи предки в незапамятные времена обогнули Вилайет и, покорив племена закатного берега, основали будущий Туран. Невысокий кривоногий

старикан неопределенного возраста с простовато-хитрым взглядом прищуренных глазок напомнил Конану постаревшего, но все еще опасного степного волка. Лишившегося половины зубов, с начавшей лысеть шкурой и вроде бы совершенно безопасного, но молодые звери все равно стараются обходить его стороной и уж ни в коем случае не беспокоят по пустякам.

Пес, лаявший из-за ворот – крупная лохматая зверюга – подозрительно зыркал на позднего гостя и околачивался поблизости все время, пока Уркаш рассматривал печать на послании Линдиссы, вскрывал его и неторопливо читал при свете единственного горевшего в обширном дворе факела. Луна уже начинала уползать за горизонт, и в наступающей темноте смутно выделялись очертания приземистого дома с причудливыми украшениями по углам крыши, и силуэты каких-то пристроек рядом. Кроме старика и собаки, никакой стражи на глаза не попадалось, что было неудивительно – кому придет в голову нападать на отдаленную пустующую усадьбу?

– Иди, – наконец бросил Уркаш, перечитав короткое письмо по меньшей мере в третий раз. Пес гавкнул и послушно затрусил к воротам, уяснив, что пришелец не враг и, похоже, останется здесь. – Значит, госпожа хочет, чтобы ты командовал ее людьми? С чего бы это?

– Ей виднее, – кратко ответил киммериец. Вообще-то Конану самому очень хотелось знать, ради чего Линдисса втянула его в эту передрягу, но не признаваться же, что отрабатываешь спасение собственной шкуры?

– Конечно, виднее, – скрипуче захихикал старик и, переведя дух, спросил: – Тебя зовут Конан, верно? Некоторые еще называют тебя варваром и Конаном Киммерийцем… Я слышал о тебе… лет пять или шесть назад в Замбуле. Да и в Шадизаре тоже ходили слухи…

– Плохие или хорошие? – хмыкнул Конан. Если дела пойдут так и дальше, то скорее нельзя будет сунуться ни в один приличный город – начнут узнавать на улицах и выпрашивать монетку на память! Придется перебираться на закат – там он еще не слишком успел наследить…

– Всякие. Смотря кто рассказывал, – невозмутимо отозвался Уркаш. – Поровну того, половину другого… Госпожа сказала тебе, что нужно сделать?

– Нет, – помотал головой варвар. – Я знаю, что здесь у нее какой-то отряд…

– Отряд! – презрительно фыркнул старый гирканиец. – Свора пустозвонов и дармоедов! Двое-трое из них, пожалуй, чего-то стоят, а остальные – куча навоза!.. Они разбегутся, как только хоть один из них заработает царапину на заднице!

«Ничего себе принял командование…» – озадаченно подумал Конан и поинтересовался: – Сколько их?

– Два десятка и еще трое, – недовольно пробурчал Уркаш. – Дрыхнут вон там, – он махнул в сторону хозяйственных пристроек. – Хочешь – можно разбудить. Только вопли поднимутся на всю округу.

– Тогда не стоит. Утром посмотрю, что за подарочки мне достались, – решил киммериец. Больше всего ему сейчас хотелось есть и спать. Третья ночь напролет на ногах – это вам не шутки шутить…

– Есть будешь? – неожиданно спросил старик, точно угадав мысли своего собеседника. – Пошли, все равно тут стеречь нечего. Госпожа не говорила, когда мы наконец ей понадобимся? Эти недоумки скоро землю начнут рыть от скуки.

– Завтра утром или днем она приедет сама или пришлет гонца, – вспомнил киммериец. – Тогда и узнаем. Мне кажется, что скоро.

– Скоро, скоро… – повторил Уркаш, раздраженно толкая незапертую дверь, ведущую в большой дом. – Женщина не должна заниматься мужскими делами! Госпожа Линдисса – самая хитрая из юбок, но и она порой думает не тем… Эй, бездельник! Проснись, пришел командир! – слова сопровождались пинком.

– К-какой командир? – устроившийся прямо на полу человек от толчка проснулся, оторопело уставился на вошедших и растерянно спросил: – Уркаш, ты чего? Спятил? Вроде ж ты у нас старший… – человек поскреб в затылке и озадаченно вопросил: – Или не ты? Что вчера решили? Я не дослушал…

– Раз не дослушал, значит, не для тебя говорено, – заключил старик. – Иди, сообрази пожрать, да шевелись, а то уши отрежу и скормлю собаке!

– Ты можешь… – продолжая ворчать, человек нехотя поднялся и заковылял по полутемному длинному помещению. Он скрылся в двери в его дальнем конце, откуда немедленно раздалось бренчание посуды и запах еды, похоже, недавно сгоревшей до угольков.

– И что, они все такие? – полюбопытствовал Конан. За последний десяток лет ему приходилось командовать всяческими отрядами, включая и сколоченные из такого сброда, которому в жизни осталась одна дорога, и та на виселицу, но здесь обнаружилось что-то новенькое.

– Некоторые даже сумеют отличить саблю от меча, – презрительно фыркнул Уркаш. – Я предлагал госпоже набрать стоящий отряд в Аренджуне, Шадизаре или, на худой конец, в Аките, но она и слушать не захотела. Мол, дорого, некогда, золото возьмут, а сами сбегут…

– А этих она где раздобыла?

Ответа не последовало. Что ж, все ясно – новоиспеченного предводителя отряда ни в коей мере не касается, откуда взялись люди, коими предстоит командовать. Остается надеяться, что Линдисса сохранила хоть частицу здравого смысла и не собирается послать свою банду захватить Шадизар… А сейчас стоит сменить тему разговора, пока старикан еще желает поболтать. И наверняка посмеивается про себя – вот, отыскали дурака заправлять шайкой болванов. Впрочем, ну его, пусть думает, что хочет, а он, Конан, не собирается здесь надолго задерживаться. И тем более – выслушивать приказы хитроумной вдовушки. Покончить со всем этим, разузнать, если получится, кто устроил бойню прошлой ночью, изловить мерзавца – и распрощаться с маленьким городком у подножья Кезанкии. По возможности – навсегда.

– Ты давно ей служишь? – небрежно спросил киммериец. Линдисса была кем угодно, но только не местной уроженкой. Даже при таком невероятном случае, что ее прадедушка проезжал через эти края и оставил по себе долгую память. Интересно, откуда она родом, почему перебралась в забытый богами и людьми Дэлирам, и где выкопала этого старого ядовитого сморчка?

– Госпоже? – старик помолчал, видимо, подсчитывая прошедшие годы. – Скоро исполнится два лета. С того самого дня, как она здесь поселилась.

– Значит, она чужестранка? А откуда она приехала, не знаешь? – не отставал варвар, хотя понимал, что из искренне преданных слуг, навроде этого старикана, даже полслова о его хозяевах можно вытянуть исключительно раскаленными клещами. И то, наверное, не получится.

– Из Шадизара, – неохотно бросил Уркаш и дребезжащим, но все еще пронзительным голоском заорал: – Джикис, шакалий выкормыш, ты там заснул?

– Да иду, иду, – донеслось в ответ. – Подождать не можете?

Поданная стряпня оказалась совершенно безвкусной, но зато обильной. Джикис, сочтя, что на этом его тяжкие обязанности полностью выполнены, снова улегся на охапке соломы под столом. Со двора пришел пес, покрутился возле людей, умильно помахивая хвостом, выклянчил кость и пристроился возле дверей – обгладывать добычу.

– В доме никого нет, – между делом сообщил старик. – Все недоумки дрыхнут в сарае. Можешь поискать себе комнату… Куйо, за мной!

Уркаш и немедля вскочивший пес ушли. В распахнутую настежь дверь Конан увидел, как они не спеша пересекают двор и скрываются в крохотной клетушке, жмущейся возле забора и выполняющей роль домика привратника. Все, можно до утра никуда не спешить, устроиться со всеми возможными в здешнем захолустье удобствами, а завтра… Завтра будет завтра. Глядишь, объявится сама загадочная хозяйка поместья и наконец выяснится, что происходит вокруг. Интересно, зачем Линдиссе понадобился этот отряд, явно собранный с миру по нитке из тупоумных вышибал? Разве что припугнуть кого-нибудь, на большее они все равно не способны… А как там Ринга?

И тут киммериец понял, что не давало ему покоя на протяжении всей недалекой дороги на виллу «Кипарисы». Плывущая над черными зазубринами горных вершин полная серебристая луна. Полнолуние, время колдовства и нечисти, вылезающей из темных укрытий. Полнолуние в самом его расцвете. Так вот, наверно, почему разгулялся дэлирамский убийца! Гуль он там… или не гуль, а просто свихнувшийся человек… бледная луна позвала его за собой, и он отправился рвать на кусочки ближних своих. По каким-то известным только ему причинам он порешил всех, имеющих отношение к Геберу и задуманному им делу. Видимо, две первых смерти – туранца-караванщика Марида и Райнака – тоже имеют самое прямое отношение к этому делу. А как насчет Леддара, которого прикончил сам Конан? Наверняка был замешан и он…

Спрашивается, кто же еще у нас болтался вокруг да около упомянутых достопочтенных господ (если не считать милейшую Линдиссу и уважаемого месьора Эридата)? Кто постоянно портил спокойную жизнь городским властям и во всеуслышание объявлен подозреваемым? Известно кто – варвар-наемник и его подружка. Где варвар? А Сет его знает, удрал куда-то. Хорошо, где тогда женщина?

«Ее никто не найдет. Ни одна живая душа в городе не знает, что мы побывали у Эзаэдро. Там сидит охрана, и, в конце концов, Ринга не беззащитная маленькая девочка! Да, но и тварь, разгуливающая ночами по улицам Дэлирама, не обычная бешеная шавка, которую можно без труда прикончить… Да какая охрана, что ты несешь! Мы свалились в сад, подняли шум на полгорода, и никто, кроме самого Эзаэдро, не обратил на это внимания! А если эта дрянь – сбежавший от какого-нибудь недоученного колдуна демон или что похуже? Почему мы решили, будто она остановится, разобравшись с дружками Гебера? Она ведь может уничтожать без разбора всех, кто, по ее мнению, хоть каким-то боком причастен к непонятным делам городка. Надо было забрать девчонку с собой…»

Поганое ощущение, что Ринга угодила в какую-то беду, не проходило. В конце концов, что такое две лиги? Почти ничего. Легкая прогулка. К утру он придет обратно, а за остаток ночи здесь вряд ли стрясутся события, требующее его участия или присутствия. Уркаш отлично справится и без нового командира.

Конан выскочил в пустынный двор и вполголоса окликнул:

– Уркаш!

– Чего тебе? – недовольно прохрипел старик, высовываясь из двери крохотного домика.

– Я ухожу в город. Вернусь утром, – и, не дожидаясь ответа, киммериец легко перемахнул через невысокий забор поместья и исчез в ночной тьме. Луна зашла, и теперь вокруг виллы «Кипарисы» и над пустынной степью сгущалась непроглядная темнота.

Куйо для порядка пару раз гавкнул вслед ушедшему человеку и посмотрел на хозяина, ожидая приказа – догнать или нет?

– Сиди, – буркнул старый Уркаш. – Сам разберется, чего делать.

Старик, шаркая, вернулся обратно в комнатушку, где помещались только колченогий стол да сваленный в углу ворох облысевших шкур. Распечатанное послание Линдиссы валялось на столе, Уркаш поднял его и сунул в пламя горевшей на столе свечки. Пергамент затрещал, быстро занявшись по краям черно-искристой каймой. Написанные ровным, округлым почерком строчки превращались в пепел, в том числе и последняя, больше всего не понравившаяся старому гирканийцу, многое повидавшему на своем веку:

«Когда все закончится, убей его.»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В доме Эзаэдро творилось нечто непонятное – это Конан увидел еще издалека. Иначе с какой бы стати понадобилось посреди ночи зажигать огонь почти во всех в комнатах и даже в саду? Мало того, возле ворот дома, выходящих на улицу, околачивались пять или шесть человек, вооруженных до зубов и усиленно пытающихся показать, что им не страшно ничто в мире.

«Так я и знал – наши неприятности успешно продолжаются! А если кто-то хоть пальцем тронул Рингу – убью на месте,» – мысленно пообещал киммериец, подходя к воротам. Перелезать через забор не было ни времени, ни желания, и, в конце концов, может он хотя бы в дом своего старого приятеля войти так, как подобает приличному человеку?

Однако не тут-то было. Перетрусившие при виде внезапно появившегося из темноты варвара стражники, подталкивая друг друга и слегка заикаясь, заявили, будто никого в дом до утра впускать не велено. Даже друзей хозяина и людей нового градоправителя Даммароса, буде те пожелают явиться. И лучше господину наемнику пойти и обождать где-нибудь до рассвета, в дом его все равно не пустят. А шуметь вовсе незачем, мы люди подневольные, нам приказали – мы и выполняем. Послать кого к хозяину нельзя, потому как господин ни с кем говорить все равно не желают…

«Да что у них здесь стряслось? – ломал голову Конан, продолжая переругиваться с охраной и пытаясь убедить это сборище недоумков сообщить Эзаэдро о возвращении его давнего знакомца. – Неужели и старый лис отправился в дорогу без конца?»

– Что там происходит? – в шум у ворот вплелся новый, очень знакомый киммерийцу голос.

– Пришел какой-то человек, госпожа! – нестройным хором отозвались караульные, явно обрадованные тем, что отыскался человек, взявший на себя тяжкий труд решить за них, как поступить дальше. – Говорит, что он – друг хозяина! Сердиться изволит…

– Впустите его, – распорядился голос. Стражники для порядка недовольно поворчали, но приоткрыли створки ворот. На расстояние, как раз достаточное, чтобы протиснуться, и не более того. Стоило варвару зайти во двор, как позади незамедлительно залязгали и заскрипели многочисленные замки и засовы. Похоже, тут и в самом деле стряслось нечто жуткое, раз все обитатели дома так сильно перепугались… Но Ринга осталась жива, а это главное.

Девушка стояла в освещенном проеме распахнутой двери, прислонившись к косяку, и слегка отступила в сторону, пропуская полуночного гостя.

– Я смотрю, ты здесь уже вовсю распоряжаешься, – ядовито заметил Конан.

– За неимением лучшего – пока я, – устало отозвалась рабирийка. – Я уже и не надеялась на твое появление…

– Погоди, погоди, что значит – «за неимением лучшего»? – недоуменно переспросил варвар. – Где Эзаэдро? Убит? Что у вас произошло?

– Ничего особенного, – быстро ответила Ринга и попыталась хихикнуть, но вместо этого издала какой-то неопределенный жалобный звук. – С твоим другом все в порядке, если не считать того, что его самую малость… э… помяли. Пошли, Эзаэдро наверняка захочет поговорить с тобой.

Она повернулась и даже успела сделать несколько шагов по коридору, прежде чем Конан

поймал ее за плечо и повернул лицом к себе. Рабирийка слабо попыталась вырваться, но не преуспела и замерла на месте, спрятав руки за спину. Впрочем, она не стала сопротивляться, когда киммериец осторожно взял ее ладони в свои, и понял, отчего она их прятала. От запястья до локтя обе руки девушки были обмотаны плотными широкими лентами, на которых кое-где проступали темные пятна подсохшей крови.

– Та-ак… Значит, ничего особенного не произошло? Излагай!

Ринга упорно смотрела в пол и ничего не отвечала. Теперь варвар заметил и другие изменения – она переоделась, а ее волосы, несмотря на аккуратную прическу, выглядели так, будто недавно кто-то вцепился в них и с корнем выдрал несколько прядей. Девушка выглядела смертельно усталой, точно пробежалась вокруг городка, спасаясь от целой своры преследователей.

– Ринга, я жду, – напомнил Конан. – Признавайся, что ты натворила? Кого съела?

– Короля Немедийского, – зло буркнула рабирийка. – Ладно. У нас был гость. Он убил двух стражников у дверей, пробрался сюда и наткнулся прямехонько на меня. Мы подрались, на шум выскочил Эзаэдро, и гость бросился на него… Что было дальше – не помню. Кажется, мне так хорошо поддали, что я врезалась в стену и мне стало все равно. Твоего приятеля изрядно порвали, но не смертельно – выкарабкается. А потом гость ушел. Я валялась на полу, думала – он меня прикончит, однако прошел мимо. Вот так.

Она помолчала и сердито добавила:

– Конечно, у тебя вполне могли найтись веские причины, чтобы не появляться здесь сегодня ночью. Однако это был тот редчайший случай, когда я бы предпочла иметь за спиной кого-нибудь… наподобие тебя. А теперь не спрашивай больше ни о чем и пошли, поговорим с Эзаэдро. Он видел больше, чем я и тебе будет полезно послушать речи старого приятеля.

– Ринга, я… – начал Конан, но рабирийка недовольно отмахнулась, не дав ему договорить:

– Что было – то прошло. Зато теперь мы точно знаем – какая-то гнусная тварь на самом деле шастает по городу. Пойдем.

«Ну почему проклятому мерзавцу приспичило напасть именно сегодня? – удрученно думал варвар, идя за девушкой. – Как раз в момент, когда меня не было в Дэлираме? И почему он явился сюда? Эзаэдро точно не имеет отношения к местным играм в загадки. Или имеет? А может, тварь хотела добраться до Ринги или до меня? Тогда – каким образом нас выследили? Еще немного, и я окончательно свихнусь… Но теперь эта гадина проживет на свете ровно столько, сколько мне понадобится, чтобы ее отыскать. А я непременно найду, куда бы она не спряталась…»

* * *

Ринга провела своего спутника в ту же комнату, где вчера царило такое веселье, и, сделав знак молчать, трижды постучала во вторую дверь. Оттуда донесся слабый и еле различимый голос, могущий принадлежать умирающему:

– Кто?

– Это я, – отозвалась девушка. – И со мной еще один… Наш общий знакомый.

– Вот, значит, как?! – голос мгновенно окреп. – У этого варвара хватило наглости снова показаться здесь?! Ринга, немедленно выстави его вон! Впрочем, нет, пусть войдет, я должен сам ему все сказать! А потом может убираться на все четыре стороны! Чем скорее проломят его тупую киммерийскую башку, тем лучше для меня!

Рабирийка, выслушав гневную тираду, тихонько фыркнула, открыла дверь и слегка подтолкнула Конана в спину.

За дверью скрывалась крохотная комнатка без единого окна, освещенная подрагивающими огоньками многочисленных свечей и наполненная каким-то пряным и резким запахом. Большую часть помещения занимала роскошная резная кровать под балдахином, а на кровати возлежал сам страждущий хозяин дома. Только полученные в сражении с неизвестным чудовищем раны помешали Эзаэдро лично прикончить незваного гостя, накликавшего на его дом такие жуткие беды. Впрочем, разговаривать ему ничто не мешало, и через миг Конан узнал о себе множество любопытных вещей, о большинстве из которых даже представления не имел.

Все впечатление испортила Ринга, рассмеявшись в самый неподходящий момент обличительной отповеди. Эзаэдро сбился с мысли, обреченно махнул рукой и осведомился:

– Ну, и где тебя носило?

– То здесь, то там, – отозвался несколько сбитый с толку красноречием приятеля киммериец (некоторые выражения были незнакомы даже ему, и Конан постарался их запомнить – пригодится на будущее) и поискал взглядом, на что здесь можно присесть. Такового предмета не обнаружилось, и пришлось устроиться прямо на полу, застланном толстым ковром. – Так мне кто-нибудь объяснит простым человеческим языком, кто именно заглядывал на огонек? Ругательства и подробности о моем происхождении можно пока пропустить.

– К нам наведалось зубастое и когтистое чудовище, – мрачно сообщил Эзаэдро. – Похоже, то самое, что устроило вчерашнее побоище. Оно прикончило охрану, пробралось в дом и…

– Дальше я знаю, – перебил Конан. – Я вот что хочу знать – как выглядел этот нежданный гость? Кто-нибудь из вас разглядел хоть обычные приметы? Я не говорю о когтях и зубах – таковые, как принято, присутствуют у всех чудовищ…

Варвар озорно покосился на рабирийку, но Ринга сделала вид, что не заметила его выпада.

– А зачем тебе? – неожиданно насторожился Эзаэдро.

– Поймаю и кишки на уши намотаю! – рявкнул рассерженный варвар и с досадой повторил: – Зачем, зачем!..

– Не кричи, – мягко попросила Ринга. – Оно ростом с обычного человека, то есть повыше меня. У него есть когти… – она вовремя прикусила язык, сообразив, что едва не сказала: «Как у меня». Киммериец, впрочем, понял ее недосказанные слова, а Эзаэдро в темноте не разглядел подробностей драки и счел маленькую девушку в силу каких-то обстоятельств выучившейся драться не хуже наемников. Что рабирийка самым искренним образом подтвердила потом, когда все закончилось, а неведомая тварь покинула дом.

– Это был человек, – неуверенно заговорил Эзаэдро, старательно пытаясь вспомнить хоть какую-нибудь подробность. Впрочем, его впечатления сводились к раздавшимся посреди ночи пронзительным воплям, а когда он выскочил в соседнюю комнату, то разглядел в полутьме два сцепившихся силуэта – поменьше и покрупнее. Не долго думая, хозяин дома

треснул более крупного противника по голове подвернувшимся под руку тяжелым бронзовым подсвечником. Результат оказался плачевным – существо, взвыв, отшвырнуло повисшую на нем девушку к стене и яростно бросилось на нового врага. Потом все перемешалось, а, придя в себя, Эзаэдро обнаружил, что лежит на ковре, а подружка варвара осторожно трясет его и повторяет: «Оно ушло, оно ушло.»

– Человек? – недоуменно переспросил Конан. – Ты уверен?

– Да, – Эзаэдро не знал, почему у него сложилось такое убеждение, но готов был подтвердить его. – Тварь очень походила на человека. И мне даже на мгновение померещилось, что я его знаю…

«Еще не легче! Да какой же это может быть человек – с когтями! Проще представить, что в городке прячется другой гуль! Наверняка дикий.»

– Нет, – подала голос рабирийка. – То есть я не хочу сказать, что Эзаэдро ошибается, – она щелкнула пальцами, подбирая слова, и медленно заговорила: – Оно было похоже на безумного человека. И на демона, если на то пошло. И на гуля. Но при этом оно не являлось до конца ни тем, ни другим, ни третьим, а было чем-то вроде их помеси.

– Чего? – на этот раз удивление заставило хозяина и гостя объединиться. – Повтори! Как-как?

– Не знаю, как! – сердито бросила девушка. – Оно, это существо, одновременно и то, и другое! Может, днем это обычный человек, а ночью одержимый убийца!

– В подобное я бы поверил, – после долгого размышления признал киммериец. – Впрочем, скоро я начну верить во что угодно… Кстати, ты заметила, что сейчас самое полнолуние?

– Да, – кивнула Ринга. – Может, он выходит на охоту исключительно при полной луне? Но тогда как он умудрился прожить в городе, где все знают друг друга и не разу не попасться? И почему он пришел сюда?

– Стойте! – не выдержал Эзаэдро, тщетно пытавшийся уловить смысл непонятного разговора. – Ну-ка растолкуйте, о чем вы?

– О призраках, – спокойно ответила Ринга. – Нелюдях, которые бродят по ночам и прячутся днем. О призраке, что пугает ваш тихий спокойный городок, и который вполне может оказаться одним из вас. Ведь он уничтожает людей, имеющих непосредственное отношение к какой-то тайне.

– Шайка Гебера, – задумчиво проговорил Эзаэдро. – Он убил почти всех людей Гебера, включая, разумеется, и его самого. А потом пришел сюда…

– Кстати, почему? – немедленно вмешался Конан. – Убийца же понятия не имел, что здесь прячемся я и Ринга. Он напал на Рингу только потому, что она мешала пройти, и оставил в покое, едва заметил тебя. Значит, он с самого начала явился за тобой, дорогой друг… Любопытно было бы узнать, с какой стати?

В комнате повисла тишина, нарушаемая только еле слышным потрескиванием горящих свечей. Три человека – точнее, два человека и один гуль – упорно смотрели куда угодно, только не друг на друга, и молчали. Наконец, один из них решился.

– Вечно от тебя сплошные бедствия, – тоскливо сказал Эзаэдро. – Послушай-ка, я верно понял – ты действительно собрался изловить эту тварь?

Киммериец кивнул. Было ясно как день, что старый друг-приятель темнит, но пусть сообщит хоть что-нибудь!

– Я могу надеяться, что все, сказанное мной, не пойдет дальше этой комнаты? – холодно

осведомился Эзаэдро.

– Ты ж меня знаешь, – искренне обиделся Конан. – У меня никогда не было привычки болтать о чужих секретах!

Эзаэдро поманил киммерийца поближе и шепотом спросил:

– А твоя подружка? Как насчет нее?

– Она забыла больше тайн, чем ты когда-либо узнал, – уверенно заявил Конан. Услышавшая его слова рабирийка согласно кивнула.

– Хорошо, – Эзаэдро помолчал, явно собираясь с духом. – Не знаю, поможет это в твоих поисках или нет… Но будет лучше, если некоторых моих делах будете знать хотя бы вы вдвоем.

– Ближе к делу, – намекнул варвар, тут же получив в ответ злобное: «Заткнись!»

– Так вот, – негромко заговорил почтенный житель захолустного заморийского городка. – Я знал, что Гебер с дружками затеяли рискованную игру. Странную авантюру, сулящую им крупную выгоду, но связанную с большой опасностью. В этой задумке принимали участие сам Гебер, его левая рука – Эридат, правая – госпожа Линдисса и ее покойный муженек Райнак вкупе со своими головорезами, молодой Тамир, доставлявший компании новости из Турана, а также Леддар, здешняя затычка в каждой бочке и забияка навроде тебя… Вы помните, кто был убит первым?

– Туранский караванщик по имени Марид, – не задумываясь, ответила Ринга, опередив Конана.

– А откуда он ехал?

– Со стороны Турана, – теперь первым оказался киммериец. – Ну и дальше?

– Марид вез мне последние известия из Аграпура, – пояснил Эзаэдро. – У меня дела с… назовем тех людей туранскими купцами. Он занимался этим уже несколько лет. С тех пор, как я перебрался сюда из Шадизара.

– Погоди, – медленно протянул Конан. – Кажется, я начинаю понимать. Мы считали, что Марид убит по ошибке или просто потому, что оказался в неподходящее время в ненужном месте. Но если он разузнал нечто интересное, и торопился сообщить аграпурские новости тебе, и об этом стало известно, то все встанет на свои места…

– Марид приезжает из Турана с важными новостями, его подкарауливают и убивают, раньше, чем эти новости дойдут до Эзаэдро, – закончила девушка и повернулась к покусанному хозяину. – Кто знает, что он сказал перед смертью? Может, назвал твари твое имя и она вышла на охоту за тобой?

– Нет, – помотал головой Эзаэдро. – Марид был предан мне и никогда бы не сделал ничего подобного.

«Тогда что мы с этого имеем? – спросил у самого себя Конан. – Все начинается с каких-то известий из Турана и доставивший их умирает. За ним почти сразу следуют Райнак и Леддар, а затем все общество заговорщиков, за исключением Эридата и госпожи Линдиссы. Линдисса уверяет, будто не имеет представления, кому понадобилось вырезать всю их теплую компанию. Может, это и правда, а может, и нет… Линдиссе позарез необходим командир отряда, она выбирает меня и отправляет на виллу. Этой же ночью тварь нападет на дом Эзаэдро, пытаясь прикончить именно хозяина и не обращая особого внимания на Рингу – просто подвернулась под руку. Чего-то здесь не хватает, одного крохотного звена… О чем хотел сообщить Марид? Почему-то для дэлирамцев было очень важно, чтобы никто не услышал его новостей. Но тогда получается, что тварь находится в подчинении у одного из

людей Гебера. Но у кого, если все они мертвы? Может, у Эридата или Линдиссы? Эридат неизвестно где, у Линдиссы хватает своих забот. Вдовушка сама явно побаивается этого чудовища. Стой! Еще есть таинственный Арнак, скрывающийся где-то в городе. Вот кому-кому, а шадизарскому наблюдателю было весьма выгодно, чтобы все местные заговорщики отправились в долгую прогулку к Нергалу. Слушайте, а подчиняется ли кусучая тварь вообще кому-нибудь? Вдруг она живет сама по себе, бродит по городу и раздирает на кусочки первого встречного?»

– Охота на призрака, – тихонько проговорила Ринга. – Множество нитей, верно? За какую ни потянешь – рвется, – и деловито спросила: – Ну, и что мы станем теперь делать?

– Лично я собираюсь поспать, – решительно заявил Эзаэдро. – Вряд ли эта сволочь заявится сюда второй раз. Госпожа Ринга может оставаться в моем доме, сколько сочтет нужным. А ты…

Предчувствуя новый шквал нелестных высказываний в свой адрес, Конан примиряюще поднял руку:

– Ухожу, ухожу. Только помни, что ты обещал.

– Ничего я тебе не обещал, – буркнул Эзаэдро. – Сгинь, нечисть киммерийская!

– И это после всего, что я для него сделал! – оскорбленно заявил варвар, поднимаясь на ноги. – Ладно, радуйся, больше меня не увидишь. Сегодня, по крайней мере…

– Вот и замечательно! Ни тебя, ни эту ненормальную Карелу, и больше никаких чудовищ по ночам! Пропадите вы все пропадом!

Эзаэдро откинулся на подушки и сделал вид, что моментально заснул. Варвар и девушка переглянулись и вышли.

– Завтра к утру он успокоится, все обдумает и пожалеет о своих словах, – извиняющимся тоном заметила Ринга. – Просто его здорово напугали. Хочешь – оставайся, я действительно пока заправляю здесь всем и никто слова не скажет.

Конан отрицательно помотал головой:

– Мне нужно к утру вернуться. Я разыскал одно место, где еще не все нити оборваны. И знаешь, мне все больше кажется, что наше чудовище бродит где-то поблизости, а мы никак не можем его заметить.

– Это же призрак, – напомнила девушка. – Но не такой, что по ночам вылезает из могилы и завывает, пугая мирных горожан. Это оживший страх перед ночью и неназываемыми тварями, обитающими в ней…

Варвар ничего не понял, но на всякий случай согласно кивнул и пообещал:

– Призрак или не призрак, а все одно я его изловлю за хвост и намотаю кишки на уши. Никуда он не денется.

– Хорошо быть уверенным в себе, – еле слышно пробормотала Ринга. – И не верить в привидения тоже неплохо…

Они вышли в шелестящий темный сад и остановились. Луна давно зашла, наступало то загадочное время между ночью и рассветом, что кажется самым темным и издавна зовется Часом Волка.

– Все равно мы так толком ничего не смогли разузнать, – с искренним сожалением вздохнула рабирийка.

– Ошибаешься, – поправил варвар. – некоторые вещи теперь перестали быть тайной за семью замками. Вот скажи, что ты об этом думаешь…

Он пересказал Ринге свой разговор с Линдиссой, странное поручение, описал виллу

«Кипарисы» и хозяйствующего на ней неразговорчивого Уркаша, а девушка молча слушала и порой согласно кивала.

– Ты правильно поступил, – заявила она, когда рассказ подошел к концу. – Если ты будешь среди них, то наверняка сможешь выведать гораздо больше. Главное – не увязнуть еще глубже.

– Может быть, – пожал плечами Конан. – Все зависит от того, когда наша рыжая лиса решит, что настала пора действовать. Мне кажется, это наверняка произойдет завтра… То есть уже сегодня днем или вечером. Слушай, может тебе лучше поехать со мной?

– Не стоит, – подумав, решила девушка. – Днем мне совершенно ничего не грозит.

– Ты запомнила, где находится вилла? Если в городе станет опасно – уходи туда.

– Хорошо, – пообещала Ринга. – Кстати, вот что мне показалось странным. Это существо… Оно было очень сильным и могло преспокойно свернуть мне шею, но почему-то не сделало этого. Оно вообще особо не сопротивлялось, только отталкивало меня и не давало как следует цапнуть. А когда появился Эзаэдро – вот тогда чудище по-настоящему разозлилось. Непонятно…

– Знаешь, у нас набралось столько непонятных вещей, что от появления еще одной тайны ничего не изменится, – заметил Конан. – Слушай, вот что я подумал… Скоро должен вернуться мой приятель, Мораддин. Он наверняка сперва отправится в «Медную подкову», где мы жили. Попробуй его разыскать и расскажи, что здесь творится, только будь осторожнее, не попадись на глаза кому не надо. Даммарос пообещал пока оставить меня в покое, но кто знает бешеного немедийца… Мне уже столько всего обещали, что, обменяй мы каждое обещание на один золотой – давно стали бы богачами. Например, милейшая Линдисса клялась рассказать все, что они задумывали. Но ей ни на медный грош не верю.

– Вот совпадение – я тоже. А как выглядит твой друг? – поинтересовалась рабирийка. – Я пошлю слуг Эзаэдро на постоялый двор или схожу сама, но как я узнаю, кто мне нужен?

– Мораддин… – варвар задумался. – Он похож на туранца, только пониже ростом. Такой лысоватый, с короткой бороденкой, глаза прищуривает. Разговаривает, словно книжник, культурно. – Ринга хихикнула. – Короче, как увидишь – сразу поймешь, что это именно он.

– Ладно, если твой Мораддин появится в Дэлираме, я постараюсь с ним встретиться. Иди, у тебя не так много времени до рассвета.

Киммерийцу действительно пора было отправляться в дорогу, если он хотел к утру вернуться на виллу «Кипарисы». Однако он не уходил, а вместо этого неожиданно крепко обнял девушку, заглянув в странные золотистые глаза.

– Ты молодец. Честное слово, жаль, что так вышло и тебе пришлось одной драться с этой сволочью.

Ринга довольно замурлыкала, точно и в самом деле относилась к кошачьему роду:

– Пустяки…

– Послушай-ка, бешеная кошка, когда кутерьма закончится, я собираюсь наведаться в Шадизар, – поделился Конан. – Конечно, городок еще тот, но умные люди везде смогут неплохо устроиться. Что тебе делать в здешней дыре? Хочешь поехать со мной?

Рабирийка неожиданно вздрогнула, осторожно высвободилась и ответила как-то невразумительно:

– Подождем, пока действительно все кончится. Может, ты тогда больше не захочешь и вспоминать, что я жила на свете…

– Что за чушь! – недоуменно возмутился варвар, но девушка уже шла к дому. На пороге

она обернулась, помахала ему рукой, дверь закрылась, и до Конана долетел скрип задвигаемого засова.

– В конце концов, она не сказала «нет», – разумно заключил он. – Значит, не все потеряно. Вперед, до поместья моей рыжей заговорщицы еще топать и топать…

* * *

Госпожа Линдисса беспокоилась. Впрочем, в последние четыре или пять дней беспокойство стало ее обычным состоянием, но сегодня она просто не могла усидеть на месте. Вдова уже раз десять переставила безделушки на туалетном столике; наведалась на конюшню, лично убедилась, что ее приказ выполняется и конюхи седлают лошадей, а гонец, отправленный с посланием на виллу, давно уехал; вернулась в комнату и попыталась заставить себя задремать, но испуганно вскочила, когда рядом заурчало что-то живое.

Это оказалась всего лишь ее собственная кошка, недоумевающая, почему никто в доме не думает ложиться спать, хотя уже середина ночи. Кошка недовольно глядела на женщину сверкающими зеленоватыми глазами и стала упрямо вырываться, когда хозяйка взяла ее на руки.

– Ах, Сай, Сай, что же мне делать? – с тоской спросила у пушистого белого зверька Линдисса. Кошка, разумеется, ничего не ответила, спрыгнула со стола на пол и ушла, распушив независимо задранный хвост. – Ну как же мне быть?

Сегодня днем все должно было решиться, и Линдисса от души надеялась, что наступивший день станет последним днем ее пребывания в скучном и пыльном Дэлираме. Впрочем, если сильно не повезет, этот день может стать вообще последним в ее не столь уж и долгой жизни.

Линдисса имела все основания быть довольной собой – несмотря на неудачи, она как никогда была близка к успеху. Да к какому успеху! Иштар и Митра, она будет богата, как ни одна женщина в мире, она будет свободна и сможет сама выбирать, как ей жить! У нее будет все… если она уцелеет и все пройдет, как задумано. За что же боги так рассердились на бедную вдову, что оставили в последний миг без всякой поддержки? Нет, конечно, просто невероятная удача, что почти все дружки Гебера погибли – теперь ей не придется ни с кем делиться. Однако необходимо довериться хоть одной живой душе, а в последние дни Линдисса начинала подозревать всех и каждого в намерениях прикончить ее. Даже Чари, преданнейшую старую Чари. Даже человека, вместе с которым задумала и почти осуществила свой замысловатый план. Даже Уркаша, хотя пожилой гирканец вообще представления не имел, во что его втянула госпожа… Впрочем, знай он все обстоятельства, наверняка не стал бы отказываться от участия. Но Уркаш еще не раз понадобится хозяйке и он, скажем прямо, совершенный старик. Нет, отрядом должен командовать кто-то другой…

«Варвар, варвар и снова он, – Линдисса упала в кресло, тут же снова вскочила и выбежала на открытую веранду. – Здесь все совсем плохо… Нет сомнения, сделать-то Конан все сделает, но как с ним быть потом? И еще эта ночная бойня… »

Женщина не без основания предполагала – когда дело подойдет к завершению, варвар поймет, что произошло и взбесится. Он наверняка потребует увеличить свою долю, но,

впрочем, золото не имеет большого значения. Конан может выдать ее. Может забрать добычу себе и исчезнуть в бескрайней степи, как дым… Дым, определенно тянущийся в сторону Шадизара. А вот это уже совсем плохо, ни до единого человека в Шадизаре не должны дойти вести из тихого Дэлирама! Как ни жаль, от наемника придется избавится как можно скорее. А жаль, очень жаль… Бедняга, он еще надеялся вызнать, что затевали люди из городка! Об этом уж точно никто и никогда не узнает!

«А подружка киммерийца? – озабоченно вспомнила Линдисса. – Она наверняка прячется где-то в городе… Интересно, доверял ли он ей? Она может знать много лишнего… Ладно, в конце концов, она – ничто. Варвар никогда больше не вернется в город, а ей никто не поверит, да и все сейчас больше заняты разделом власти, нежели нашими маленькими незаметными делишками. Пусть она хоть выйдет на базарную площадь и закричит, ее не услышат. Ладно, наплевать на подружку. Главное – не наделать ошибок. Только бы все получилось! Ох, только бы получилось! Уркаш прикончит варвара, мы заберем добычу и… прости-прощай убогий Дэлирам! Не выйдет у него – я что-нибудь придумаю. Заморочить голову болвану-наемнику – проще простого. Судя по тому, что о варваре рассказывали, мне казалось – он несколько умнее… Или… Или он сумел обмануть меня, прикинувшись недалеким тупицей?»

Размышляя, Линдисса бездумно перебирала нитку жемчужных бус, и слишком резко дернула ее. Тонкая жилка лопнула, бусины с коротким сухим треском раскатились по полу, и немедленно возникшая неизвестно откуда Сай принялась гонять шарики по всем углам.

– Сай, прекрати! – сердито крикнула женщина, но кошка не обратила на приказ хозяйки ни малейшего внимания. Линдисса уже собиралась запустить в непослушное животное чем-нибудь тяжелым, когда в комнату сунулась Чари:

– Все готово, госпожа. Можно отправляться.

– Поймай эту негодяйку и сунь в корзину, – распорядилась Линдисса. – Захвачу с собой.

Четыре оседланные лошади, топтавшиеся и громко фыркавшие во дворе дома, предназначались для самой госпожи и трех ее телохранителей. Ближе к утру из города на виллу «Кипарисы» отправятся две повозки, нагруженные наиболее ценными вещами в сопровождении Чари и остальных слуг, и еще одна повозка – пустая. Даже если все закончится полной неудачей (Линдисса не позволяла себе ни малейшего колебания по этому поводу – все должно завершиться успехом!), она все равно не вернется назад. Хватит с нее городка!..

Кони, позвякивая сбруей, медленно один за другим вышли на темную улицу. Факел в руке головного всадника бросал неясные отблески на соседние спящие дома. Линдисса оглянулась на собственный покидаемый дом – тихий и как будто сразу опустевший, хотя в нем оставалось еще не меньше десятка человек. Что ж, это не первый и не последний оставляемый ею дом. Очень скоро она купит себе другой – гораздо больше и богаче. В Аграпуре или в одной из блестящих закатных столиц… Хотя будет скучать по старой усадьбе. Два года, проведенные в Дэлираме, были, признаться честно, не самыми худшими в жизни. Могла ли она раньше даже мечтать о подобном – менять поместья, как надоевшие платья; не задумываться о том, на что жить завтра и обделывать столь рискованные делишки, что у самой дух захватывало? Она, маленькая Линд, третья из шести детей вечно пьяненького сапожника из Нумалии, умудрявшегося просаживать в кости больше денег, чем он зарабатывал за день? Когда папаша наконец помер, перед облегченно вздохнувшим семейством открылась прекрасная возможность оказаться на улице – папенька оставил

столько долгов, что вовек не рассчитаешься.

«Мамаша только квохтала, будто наседка, и завывала: „Что нам делать? Ах, что же нам делать?“ – Линдисса невольно скривилась, вспоминая давно минувшие дни. – Да, на большее она была неспособна! Старая жирная свинья! Все повесила на меня, а сама только и знала, что рыдать дни и ночи напролет!»

Малышка Линд, которой недавно исполнилось шестнадцать, после лихорадочных размышлений отыскала выход. Перерыв многочисленные расписки отца, она разыскала письменные напоминания, полученные им от крупных ростовщиков города, с настоятельными требованиями вернуть взятые суммы. Пользуясь образцами почерков, она подделала кредитные письма и сумела получить по ним достаточно золота, чтобы расплатиться с долгами, оставить немного семье и побольше – себе. Затем юная начинающая мошенница как можно быстрее удрала из города вместе с караваном, идущим в Коринфию. Где-то границе Немедии и Коринфии Линд, дочь Зуга, навсегда отправилась к Нергалу и ко всем существующим демонам, а ее место заняла госпожа Линдисса. Каковая в скором времени перебралась в Шадизар, где успешно освоила нелегкое ремесло облапошивания ближних своих. Настолько успешно, что однажды ей пришлось в большой спешке бежать оттуда и на два долгих года затаиться в глухой провинции.

«И выйти замуж за такого олуха, как Райнак!» – зло напомнила себе Линдисса. Он оказался единственным в городке, способным защитить ее от мести обманутых шадизарских дельцов… и не более того. Когда Райнака разорвала неведомая тварь, новоиспеченная вдова не ощутила даже малейшего сожаления. Вместо этого она позаботилась о том, чтобы подчинить себе его шайку головорезов. Тогда она еще не знала, чем тупые громилы могут ей пригодиться, но позже с радостью убедилась, что, как всегда, предусмотрительность ее не подвела.

…Четверо всадников миновали центр города и теперь рысью направлялись к заставе у Старой Башни. Глубоко задумавшаяся Линдисса не заметила странной, пригибающейся к земле тени, выскользнувшей из непроглядной темноты переулка и бросившейся наперерез лошадям.

Неизвестный, стремительно проскочив мимо охранников, повис на поводьях лошади Линдиссы. Породистая кобылка от неожиданности совершенно по-человечески пронзительно взвизгнула и взвилась на дыбы. Растерявшаяся женщина вскрикнула и едва не вылетела из седла, пришедшие в себя телохранители бросились на помощь госпоже. Помощь, впрочем, существовала только в их воображении – лошадь мотала головой и пятилась, человек одной рукой удерживал ее на месте, а второй вцепился в ногу женщины, пытаясь вытащить всадницу из седла. Линдисса завопила во весь голос и отчаянно задергалась, чудом удерживаясь на спине пляшущей кобылки. Ей казалось, что ее, еще живую и полную сил, обезумевший демон волочет прямо в Мир Мертвых, и отбивалась как могла. Один из охранников ткнул в нападавшего кинжалом и, кажется, попал в цель – неизвестный отпустил женщину и взвыл.

На мгновение Линдисса увидела неясно освещенное светом раскачивающегося факела лицо без малейшего признака разума. Острейшие оскаленные клыки, горящие мертвым зеленоватым огнем выкаченные глаза, серая дряблая кожа как у мертвеца… Линдисса никогда не думала, что может так закричать. Ее собственный дикий вопль еще долго звенел у нее в ушах, даже когда она поняла, что опасность миновала, а жуткое создание исчезло в сумраке.

– Госпожа! Госпожа, что случилось?

Женщина с огромным трудом взяла себя в руки и испуганно огляделась, ожидая снова увидеть леденящий душу призрак, возникший рядом с ней.

«До смерти не забуду… – мелькнуло у нее в голове. – Неужели это оно и было? Существо, что покончило с Гебером и остальными?»

Но никакого ожившего кошмара не было. Его спугнул ночной патруль немедийцев, проезжавший по улице и привлеченный шумом и криками. Старший патруля, озабоченно заглядывавший в лицо почти потерявшей сознание женщины, заботливо поддерживаемой телохранителем и съежившейся в седле, окликнул ее:

– Госпожа, с вами все в порядке?

– Да, почти, – наконец сумела выговорить Линдисса. – На меня напало…

– Кто? – быстро спросил немедиец. – Кто напал?

Женщина открыла рот, чтобы сказать: «Чудовище», но, резко дернув головой, отчетливо произнесла:

– Наемник. Человек, которого разыскивают за недавние убийства. Его имя известно – Конан из Киммерии!

«Надеюсь, он об этом никогда не узнает, – добавила она про себя. – Иначе мне не жить – он меня разыщет и прикончит. Но если он удерет от Уркаша и сунется в город – ему конец. Ну и нечего ему было мне указывать, что я должна делать, чего не должна! Любопытный выискался. Да ну!»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

При свете нарождающегося дня поместье госпожи Линдиссы оказалось небольшим, весьма добротно выстроенным одноэтажным домом, украшенным на углах крыши резными фигурками крошечных шипящих дракончиков. Кованые бронзовые ворота стояли полуоткрытыми и единственным сторожем при них оказался Куйо. Заметив приближающегося со стороны города человека пес настроился было облаять его как следует, но, принюхавшись и узнав ночного гостя, раздумал и замахал хвостом.

– Один ты здесь хоть немного соображаешь, – признал Конан. Собака в ответ оглушительно гавкнула, точно выражая полное согласие, и снова улеглась в жидкой тени ажурных створок.

Джикис, как и подозревал киммериец, оказался изрядным треплом и уже успел разболтать всем и каждому, что отныне разношерстным отрядом командует жуткий варвар, явившийся прямиком из диких северных стран. Кое-кому это сообщение пришлось не по нраву, и, не успел назначенный госпожой Линдиссой новый командир войти в ворота, как ему моментально предложили убираться туда, откуда взялся.

Краткий, но напряженный разговор плохо закончился для рискнувших заикнуться о своем несогласии с мнением госпожи Линдиссы. Двоих унесли приятели, третий так и остался валяться во дворе возле колодца. На него вылили уже несколько ведер воды, но приходить в сознание пострадавший от железного кулака Конана упорно отказывался. Добровольные спасатели вскоре потеряли терпение и предоставили несчастного собственной судьбе. Больше желающих испытывать судьбу и оспаривать право варвара распоряжаться не сыскалось. Кроме того, варвар сам заявил, что это всего на один день, а дольше он тут задерживаться не намерен. Даже за все золото Заморы.

Послуживший виновником заварушки Джикис предусмотрительно спрятался, зато Уркаш получил от представления огромнейшее удовольствие, подзадоривая участников и заливаясь дребезжащим хохотком.

Отряд оправдал худшие опасения Конана. Три или четыре человека в нем действительно чего-то стоили, но остальные… Как вышибалы в третьеразрядном трактире они не знали себе равных, однако ни на большее совершенно не годились. Во всеуслышание высказав свое мнение по этому поводу, киммериец устроил поголовную проверку снаряжения и оружия. Беглый осмотр привел к неутешительному выводу: почти все содержится в удивительно безобразном состоянии. Окончательно рассвирепевший наемник разогнал изрядно струхнувших подчиненных, пригрозив, что к полудню повторит испытание и, если ему снова попадется хоть один клинок со следами ржавчины, владелец такового может смело прощаться с жизнью.

Угроза, к счастью нерадивых вояк, так и не была выполнена. Солнце еще не поднялось над вершинами близких Кезанкийских гор, когда из города на взмыленной лошади примчался гонец, привезший обещанное послание от Линдиссы. Видимо, его забыли предупредить, кому именно надо передать письмо, и он попытался вручить пергамент Уркашу. Старик хмыкнул и отправил растерянного гонца к впавшему в мрачное настроение варвару. Увидев нового предводителя отряда, посланник потерял дар речи и задумался над тяжелейшим вопросом – стоит ли вручать привезенное сообщение громадному дикарю, который если и может что в руках держать, так только меч, а о грамоте и искусстве письменного сложения

слов из букв и понятия не имеет? После долгого раздумья гонец решил, что лучше заново попробовать убедить Уркаша не валять дурака и взять послание, а к этому громиле просто не приближаться. Но линдиссиному посланнику не повезло – киммериец заметил нового человека и хмуро осведомился, какого демона он тут шляется.

– Это тебе письмо привезли, да не знают, отдавать или нет, – немедленно съехидничал Уркаш. – Вдруг ты вовсе ничего не поймешь?

– Если один дурак решил, будто я не умею читать, то он глубоко ошибается, – огрызнулся Конан и повернулся к гонцу. – Давай сюда послание!

Письмо Линдиссы оказалось довольно незамысловатым, и, разобравшись в его содержании, киммериец с досадой сплюнул и приказал Уркашу готовить отряд к выходу на дело. Теперь почти все части головоломки встали на свое место, и варвар мысленно выругал себя последними словами за то, что не догадался раньше связать воедино очевидные вещи. Впрочем, любая загадка выглядит легкой… когда тебе скажут ответ.

Таинственное поручение госпожи Линдиссы сводилось к следующему – немедленно покинуть виллу и отправляться к горам, держась поблизости от Дороги Королей. Через поллиги или около того Дорога начинает петлять по переходящим друг в друга ущельям. В одном из них требуется отыскать подходящее место, затаиться и ждать. Сколько – неизвестно. Кого…

Вот тут-то Конан и почувствовал явственный запашок опасности. Линдисса утверждала, что в течении дня со стороны Турана появится караван, сопровождаемый маленькой – не более десяти человек – охраной. Охрану, само собой, следовало перебить или любым иным способом обезвредить, караван перегнать к вилле «Кипарисы», куда в скором времени прибудет и сама дэлирамская заговорщица.

Заканчивалось послание слегка язвительным пожеланием удачи и выражением надежды на скорую встречу…

«Как же мы сразу не сообразили, – мрачный варвар сидел на ступеньках парадного входа в поместье и наблюдал, как его отряд, переругиваясь, собирается в недалекий поход. – Важные новости из Турана, о которых никто не должен узнать, хитроумный план Гебера и близкая Дорога Королей… Неясно только, каким боком к этому привязать резню и нашу ночную тварь, но наверняка и им отыщется подходящее объяснение. Значит, вот в чем дело! Караван… Небольшой караван из Турана. Что же такое могут везти купцы, за которыми охотится Линдисса?»

Захват и последующий грабеж караванов на Дороге Королей были делом вполне привычным. Чаще всего эти события, плачевные для торговцев, вложивших изрядные суммы в груз каравана, происходили в Карпашских горах, на границе Заморы и Коринфии, но порой случались и здесь, в Кезанкии. Карела со своим отрядом года четыре назад навела изрядного страху на купцов, умудрившись просто перекрыть Дорогу и собирая со всех проезжающих то, что она именовала «путевыми пошлинами». Правда, ее застава продержалась недолго и была в пух и прах разгромлена коринфскими Стражами Дороги, но добыча, помнится, иногда случалась такая, что вырученное золото пропивали в Шадизаре месяц, если не два.

«Невероятно, конечно, однако вот бы сейчас откуда-нибудь появилась Ястреб… Ее люди давно освоили все хитрости такого непростого ремесла, как облегчение купеческих верблюдов от перевозимого груза, – подумалось Конану. – Никто бы и пикнуть не успел, не говоря о том, чтобы запомнить такие мелочи, как приметы нападавших да сторона, где скрылись разбойники.»

Варвар покрутил в руках послание из Дэлирама, достал кинжал и принялся бездумно кромсать твердый пергамент на мелкие полоски, разлетавшиеся по двору. Одна подлетела к дремавшему псу, тот проснулся, обнюхал присевший рядом светло-коричневый завиток и недоуменно посмотрел на человека – мол, чем это ты занимаешься?

«Линдисса, может, и немного смекает в закручивании интриг, но явно совсем не разбирается в устраивании засад и прочих подобных делах. Если караван везет нечто ценное (а это наверняка, иначе нечего было и огород городить!), вряд ли при купцах окажется маленькая охрана. Караван из Турана – значит, так просто отбить не удастся. Сопровождающая стража перебьет столько нападающих, сколько сумеет…» – от бесплодных размышлений киммериец перешел к более практическим соображениям – вопрос стоял прямо: как же выполнить поручение вдовы? Соображения тоже выходили безрадостными, особенно если принять в расчет полную неспособность доставшихся ему под начало болванов хоть недолго продержаться в серьезном бою. С учетом всего этого затеянное милейшей вдовушкой предприятие начинало выглядеть совсем непривлекательно. Было б время, киммериец успел бы облазить здешние окрестности и отыскать местечко для сооружения ловушки, из которой никто бы не выбрался. Например, где можно наглухо завалить камнями узкий отрезок Дороги. Но чего нет, того нет…

«Значит, единственная возможность осуществить задуманное – неожиданное нападение, – рассудил Конан и посмотрел, как движутся дела у подчиненных. К его удивлению, отряд собрался и даже сумел выстроиться в некое подобие шеренги. – Желательно сверху – под горку бежать всегда легче и перестрелять не успеют. Добежать и сразу же постараться смять охрану. Да, и непременно поставить кого-нибудь на выходе из ущелий – присматривать за караванщиками, чтобы не разбежались. У опытных купцов ума хватит – под шумок смотаться. Потом остаются пустяки – довести караван до поместья… А уж там госпожа Линдисса ответит мне на все вопросы!..»

Бледно-золотистый солнечный диск только-только до половины показался над обгрызенными ветром и временем вершинами Кезанкии, когда отряд в два с лишним десятка человек покинул уединенную загородную усадьбу и прямо через степь направился к горам. На вилле остались двое – старый Уркаш и сторожевой пес Куйо. Остальные ушли.

* * *

Подходящее место отыскалось гораздо ближе к поместью, чем рассчитывал предводитель отряда. Коричнево-красные скалы подступали здесь к Дороге вплотную, а на высоте в три или четыре человеческих роста тянулся почти незаметный снизу узкий карниз. Место выглядело просто созданным для засад, если не обращать внимания на такие мелочи, как необходимость сидеть на карнизе совершенно неподвижно (иначе целые пласты хрупкого камня рассыпались и съезжали вниз) и то, что к полудню в ущелье можно было попросту изжариться заживо. Никаких деревьев и даже кустов, разумеется, в округе не росло, а жиденькая тень казалась скорее насмешкой над людьми, чем тенью.

Порядок действий в подобных случаях сложился уже давным-давно. Отряд разделился на две части, занявшие места по обеим сторонам Дороги. Двоих человек, выглядевших

наиболее сообразительными, Конан послал дальше вверх по ущелью – смотреть в оба и предупредить, когда покажется караван. Еще трое спрятались за камнями там, где Дорога выбиралась из горного распадка в степь – следить, чтобы никто из караванщиков и уцелевшей охраны не попытался дать деру. Остальные, недовольно ворча, заняли свои места над белой полосой Дороги, ослепительно блестевшей под отвесно падающими лучами солнца.

Киммериец мельком пожалел, что на весь отряд имелось только пять арбалетов. Найдись у линдиссиных молодцов еще с десяток самострелов или легких степных луков, нападение прошло бы с самыми небольшими потерями – вначале быстро перестреляй охранников, а потом подходи и бери караван голыми руками. Теперь же придется подождать, пока цепь всадников поравняется с засадой, и лишь затем внезапно свалиться ничего не ожидающим торговцам на головы. Разумеется, непременно выищется какой-нибудь идиот с шилом в заднице, страдающий полнейшим отсутствием терпения, и ему непременно приспичит завопить в самый неподходящий момент, несмотря на все полученные предупреждения. Ну и ладно, лишь бы заорал не в тот момент, когда караван только втянется в ущелье. Тогда дело будет безнадежно испорчено.

День тянулся страшно медленно, будто кто-то из богов нарочно задерживал течение времени. Четкие черные тени съеживались, становясь все короче и уползая под потрескавшиеся от жары камни. В ущелье даже ящерицы не водились, такое здесь стояло пекло. Захваченные с виллы бурдюки и кувшины с водой опустошались тем быстрее, чем выше поднималось солнце.

«Интересно, может быть Линдисса решила нас всех здесь уморить? – эта пакостная мыслишка уже который раз возникала в голове у варвара и не желала никуда исчезать. – Может, и нет никакого каравана, и вообще ничего нет, а только мы сидим тут неизвестно зачем… Вот что – подождем еще немного, и свалим отсюда. Наплевать на Линдиссу… И на ее золото тоже наплевать. Покойнику, как известно, оно совершенно ни к чему, а мы тут скоро окончательно свихнемся и перемрем.»

Погрузившись в такие мрачные размышления, Конан даже не услышал, что его окликают. Один из караульщиков на выходе из расщелины покинул свой пост и стоял внизу, громким шепотом требуя позвать предводителя отряда.

Выяснилось, что к ущелью со стороны города приближается одинокий всадник. Это было довольно странно – кому может понадобиться покидать город в середине дня, то есть по самой жаре? В путь обычно отправляются либо рано утром, либо под вечер. Да если вспомнить, что городок до настоящего времени находился в кольце патрулей, то дело становилось еще более непонятным. Всадник, без сомнения, ехал из Дэлирама, а не с виллы «Кипарисы» или разбросанных по округе редких поместий, и, судя по всему, направлялся прямиком к распадку между гор. Он с равным успехом мог оказаться как и посланцем от Линдиссы с какими-нибудь новостями (скорее всего, не слишком обнадеживающими), так и мирным горожанином, внезапно решившим навестить свою престарелую троюродную тетушку, проживающую в Туране. Короче, стоило пойти и самому взглянуть на непонятное явление. Так Конан и поступил, с величайшим удовольствием покинув узкий, отвратительно твердый карниз и спустился вниз.

Караульные не наврали – по Дороге, приближаясь к предгорьям, действительно резвой рысью трусила лошадь, поднимая за собой размытый шлейф пыли. Всадник то и дело внимательно озирался по сторонам, явно выискивая что-то в пустынной степи.

– Это не наш, – уверенно заявил один из сторожей.

– Ну и пусть тогда катится, – буркнул киммериец. Посторонние прохожие и проезжие сейчас были вовсе нежелательны, но этот вроде скакал один и, похоже, не представлял никакой опасности. Странно, есть в фигуре всадника что-то знакомое… Варвар прищурился, не вполне доверяя своим глазам после долгого пребывания на ярком солнце и пытаясь пристальнее рассмотреть малорослого человека, восседавшего на коротконогой лошаденке.

– Провалиться мне на этом месте… – спустя некоторое время вполголоса пробормотал Конан. – Мораддин!

Всадник успел приблизиться к засаде настолько, что сейчас можно было без всякого труда разглядеть черты его лица. И действительно, по направлению к Кезанкийским горам скакал бывший капитан личной гвардии туранского правителя собственной персоной. Вид его был чрезвычайно озабоченным, а кислая гримаса на лице обещала Конану полный день новых нравоучений. Шагах в десяти от прятавшихся за камнями сторожей Мораддин съехал с Дороги, натянул поводья, останавливая лошадь, и свесился вниз с седла, пытаясь хоть что-то увидеть на выжженной солнцем и вытоптанной земле.

– Свой, – бросил Конан насторожившимся караульным и выбрался на Дорогу, во весь голос крикнув Мораддину: – Эй, ты там не вчерашний день случайно потерял?

Полугном чуть вздрогнул, выпрямился и с высоты лошадиной спины укоризненно взглянул на ухмыляющегося приятеля, донельзя довольного удавшейся проделкой:

– Не сомневался, что Конан из хорошей страны Киммерии околачивается поблизости! Встречай!

Кобылку отвели в естественное укрытие, образованное несколькими скатившимися со склонов гор и глубоко зарывшимися в землю валунами. Там же устроились и расставшиеся всего несколько дней назад – а казалось, прошла целая вечность! – компаньоны. Заговорили они одновременно.

– Как ты меня нашел? – удивленно спросил Конан.

– Хотелось бы узнать, что происходит вокруг? – в свою очередь ядовито поинтересовался Мораддин. – Я оставил тебя всего на пару дней с полными карманами денег, а вернулся и обнаружил, что тебя разыскивают по всему городу! Повторение Султанапурских безобразий? Говори, в какую историю ты влип на этот раз?

– Ерунда, – отмахнулся киммериец. – Лучше скажи, ты уже знаешь, что стряслось в этом тишайшем городишке?

– Да, – кивнул полугном. – В самых общих чертах. Но история занятная, и я даже сказал бы – захватывающая… Послушай, может мне лучше начать с самого начала? Сдается, у нас найдется что рассказать друг другу… И скажи на милость, что вы все здесь делаете? Пытаетесь стать мучениками во имя Митры или просто хотите зажариться ради собственного удовольствия?

– Ждем, – отрезал варвар. – Давай, начинай, пока время есть. Ты когда приехал?

– Сегодня рано утром, – отозвался бывший гвардеец. – И сразу отправился на постоялый двор, как его…

– «Медная подкова», – напомнил Конан.

– Верно, именно туда, – согласился Мораддин. – К моему крайнему удивлению, тебя там не оказалось. Мало того – тамошний хозяин сохранил о твоем пребывании в его заведении исключительно неприятные воспоминания. Самым мягким из употребленных почтенным Барраксом по твоему адресу слов было: «тупая скотина». Я, кстати, склонен с ним

согласиться…

– С чего бы это? – хмыкнул Конан. – Его развалюха как стояла, так и стоит, даже двери остались на месте. А пара сломанных скамеек – это такие мелочи!

– У хозяина трактира сложилось прямо противоположное мнение, – откликнулся Мораддин. – Так или иначе, но досточтимый Барракс представления не имел о том, где ты можешь находиться. Однако, с большим нетерпением ждал того счастливого момента, когда ты окажешься за решеткой.

– Сдохнет, а не дождется, – буркнул киммериец. – Ну, а дальше что?

– Дальше я слегка растерялся, – честно признался полугном. – Тому, что ты опять ввязался в невероятную авантюру, я уже не удивился – похоже, это твое основное и любимейшее занятие в жизни. Но мне очень хотелось бы знать – какое конкретно приключение увлекло тебя сейчас? Впрочем, нет сомнений, тебе обещали хорошо заплатить, – после этих слов Мораддин тяжко вздохнул, а Конан закатил глаза. – Кроме того, я успел понять, что в городе происходят не совсем обычные вещи и я собирался поточнее разобраться, в чем дело. Для начала я решил навестить какого-нибудь представителя городской власти…

– И как? – ехидно осведомился варвар. – Нашел хотя бы одного?

– Невероятно, но все они оказались покойниками, – признал удивительный факт туранец и с интересом посмотрел на варвара. – Сначала решил, что ты поработал. Между прочим, всеми делами в городке заправляет некий немедийский капитан…

– Даммарос, – уточнил Конан, привычно пропуская мимо ушей Мораддиновы поддевки. – Кстати, как он поживает?

– Скорее плохо, чем хорошо. Мне месьор капитан показался донельзя озабоченным, а ведь день еще толком не начался! Он не знал, где ты находишься, но сообщил, что ловишь для него какого-то убийцу. Это так?

– Почти, – после некоторого размышления признал киммериец. – Правда, я еще никого не поймал. Однако, не все потеряно…

– И еще немедиец добавил, что если ты этого не сделаешь, он тебя разыщет хоть на другом конце света и постарается повесить, потому как ему до смерти надоели всяко-разные наемники со своими выходками и невыполняемыми обещаниями, – язвительно сообщил Мораддин.

– Пусть сначала поймает, – беспечно отозвался варвар. – А если вешать всех, раздающих обещания направо и налево, то придется весь городок развесить по деревьям… Слушай, а тут и приличных деревьев-то нет!

– При желании всегда можно отыскать замену, – задумчиво заметил полугном. – Так вот, после краткой беседы с господином градоправителем я отправился разыскивать тебя. Дэлирам – городок небольшой, а где ты имеешь привычку прятаться, я уже уяснил. Удивительно, если тебя искала стража, то каким образом доблестные блюстители не схватили подозреваемого сразу? У нас в Аграпуре мигом бы выловили и башку оттяпали… – Мораддин слегка улыбнулся, видимо вспоминая давно прошедшие славные деньки службы в тайной гвардии туранского властелина, но, спохватившись, продолжил: – Я просто не успел доехать.

– А что так? – поинтересовался киммериец. – Обстоятельства помешали?

– Женщина, – кратко сказал Мораддин. – Меня остановила женщина.

– Какая? – Конану неожиданно пришла в голову совершенно нелепейшая мысль – а вдруг

о существовании Мораддина пронюхала Линдисса?

– Маленькая, темноволосая, – описал свою недавнюю собеседницу полугном. Потом подумал и добавил: – Довольно милая, хотя со странностями.

– Чего-чего, а странностей у нее на самом деле хоть отбавляй, – с готовностью согласился варвар. – Это Ринга, моя… м-м-м… подружка. Я попросил ее встретить тебя. Ну, и что она сказала?

– Для начала спросила, как меня зовут. А когда моя мышка выползла из-под плаща, посмотреть с кем я говорю, девица пришла в восторг и сразу попросила продать зверька… – несколько растерянно сказал Мораддин, давно привыкший, что представительницы прекрасного пола относятся к его необычной ручной зверюшке с плохо скрываемым отвращением. Белая летучая мышь, услышав, что говорят о ней, высунула мордочку из складок плаща хозяина, но незамедлительно спряталась – для нее снаружи было слишком светло и слишком жарко.

– Ну и на какой сумме вы сговорились? – едко осведомился Конан, не скрывая улыбки.

– Ни на какой, – отрезал полугном, однако отдал должное настойчивости девушки: – Ты продал бы свой меч, а? Однако, красавица была очень убедительна. Первый раз встречаю женщину, которой понадобилась летучая мышь…

– С нее станется… – проворчал варвар, подумав, что только рабирийке могла придти подобная идея – завести столь жутковатого любимца. – Ладно, так что Ринга рассказала?

– Что ты находишься за городом, на вилле «Кипарисы». Что в городе прошлой и позапрошлой ночами происходило настоящее побоище. Что ты и она оказались в этом замешаны, также как и еще какие-то люди, – добросовестно перечислил Мораддин. – Затем она подумала и добавила, что если мне требуется срочно отыскать тебя, то на вилле, скорее всего, никого не будет, а стоит пошарить по округе, ближе к Дороге Королей. И просила тебе передать, – он сделал паузу, вспоминая, как в точности прозвучала фраза: – Да, она сказала вот так – «Что-то приближается с восхода и в этом все дело.»

«Об этом я и сам догадался, – подумал киммериец. – Хотя, кажется, поздновато…»

– Так, можешь, теперь объяснишь мне, неразумному потомку подгорных гномов, что ты затеял? И ради чего торчишь на этой сковородке?

– Я совершенно ничего не затевал, – внес ясность Конан. – Работает местная шайка. Они затеяли какую-то лихую проделку, запутались сами и окончательно запутали всех остальных. Впрочем, может именно этого они и добивались. А поджидаем мы караван.

– Караван? – встревоженно переспросил полугном. – Какой караван?

– Сам пока не знаю, – честно признался варвар. – Увидим – разберемся. Только мне сильно кажется, что ничего мы не дождемся, даже если будем сидеть тут до ночи.

Мораддин неожиданно пристально уставился на пожелтевшие стебли давно высохшей степной травы, точно заметил на высохших, скрученных листочках нечто захватывающе интересное. После длительного молчания, нарушаемого только фырканьем пасущейся кобылки, он негромко произнес:

– Понимаешь, какое дело… Пока я был в Аренджуне, до меня дошли некоторые слухи… От людей, которым я доверяю…

– Ну и? – нетерпеливо подтолкнул замолчавшего приятеля варвар.

– Там в ближайшие дни ожидают караван. Не простой, а какой-то особенный.

– Особый караван ждут в Аренджуне? – медленно, с расстановкой повторил киммериец. – Та-ак… Ну, госпожа Линдисса, удружила! Убью рыжую ведьму!

– Мне кажется, вы подкарауливаете именно его, – невозмутимо заметил полугном. – И желаете перехватить, если я правильно понял?

– Если что здесь и понятно, то лишь одна простая вещь – я оказался в еще более глубокой заднице, чем думал! Вот сволочь! – Конан вскочил и схватился за меч. Возмущению его не было предела. – Нет, ты подумай, какая тварь!

– Кто? – на всякий случай уточнил Мораддин.

– Неважно! Одна баба, – огрызнулся варвар. – Главное – что нам теперь делать? Связываться с Аренджуном и его хозяевами может только полный безумец, а я еще с ума не сошел!

Он стремительно прошелся вправо-влево и несколько раз с яростью пнул ни в чем не повинную каменную глыбу, валявшуюся неподалеку. Мораддин наблюдал за действиями варвара с легким изумлением, но промолчал, привыкнув к тому, что недовольство у приятеля обычно выражается в неистовом крушении любых подвернувшихся под руку предметов.

– Ты, наверное, родился недоношенным, – невинным голосом произнес полугном. – Или твоя мама, будучи на сносях, испугалась душевнобольного…

Конан не обратил на подначку ни малейшего внимания, вслух решая куда более важный и насущный вопрос:

– Смыться и пусть разбираются сами? Проклятье, если в Аренджуне хоть одна живая душа пронюхает, что не обошлось без меня… Из-под земли вытащат, разделают на куски, а потроха скормят дворовым псам!!

– Тогда нас больше ничто здесь не задерживает, – высказал свое мнение рассудительный Мораддин. – Заедем в город, заберем твою подругу и исчезнем. Предлагаю рвануть в Бельверус или Тарантию, а Аренджун с Шадизаром обойти с юга, от греха подальше. Нечего там делать – опять с твоими способностями влипнешь в историю. Кстати, где твоя лошадь?

– М-м-м… – только и ответил варвар, мгновенно припомнив, куда подевался гнедой гирканиец… а также любопытные подробности о пропаже и возвращении неких самоцветов… и данные обещания… Чем дальше, тем опаснее выглядело затеваемое дело, но разве опасения за свою шкуру являются подходящим поводом, чтобы бросить начатое на полдороге? И, кроме того, между «не рискнуть» и «рискнуть» Конан почти всегда выбирал последнее. – Нет! Я никуда не еду.

– То есть как? – не понял встревожившийся полугном. – Погоди, что ты хочешь этим сказать?

– Я остаюсь здесь, ждать треклятый караван! – рявкнул киммериец и попытался растолковать недоумевающему приятелю: – Понимаешь, я надавал кучу обещаний, не собираясь, впрочем, их выполнять. А теперь придется. Иначе… Слушай, ну не умею я объяснять, почему да отчего я делаю именно то, что делаю! – окончательно запутавшись в словах, Конан махнул рукой и снова уселся на теплый валун. – Уезжай, тебя-то мои трудности совсем не касаются.

– И не подумаю, – тихим, но непреклонным тоном ответил Мораддин. – Я успел вдоволь насмотреться на творящееся в Аренджуне. А в Шадизаре, судя по рассказам, куда хуже. От торговли дурительным зельем до самой черной магии… Если задуманное обитателями здешнего городка сможет как-то подпортить их планы – буду очень рад!

– А если вовсе наоборот? – немедленно поинтересовался Конан. – Вдруг в городке орудуют соперничающие шайки от господ из этих городов? Это же Замора! Здесь каждый гребет только под себя.

– Замора в подобном отношении ничуть не отличается от любой другой страны, – здраво заметил бывший капитан гвардии. – И потом, не могу же я бросить тебя одного отдуваться за все!

– Ну спасибо, – иронически хмыкнул варвар. Хотя, если честно, в грядущей заварушке помощь Мораддина могла оказаться неоценимой. Только понимает ли сам потомок гнома, во что лезет? Это же почти то же самое, что пойти и плюнуть в рожу каждому из аренджунских дельцов! М-да, вот вам и милая рыжая красотка! А если дело с захватом каравана получится удачным, как поступить тогда? Как и договаривались – перегнать караван на виллу? Боги и демоны, сколько же должен стоить таинственный товар, перевозимый из Турана?! Даже представить боязно… Что ж такое могут везти купцы? А какой визг поднимется в Аренджуне, когда там совершенно ничего не дождутся… Подобным захватывающим дух дельцем можно будет по праву гордиться до конца жизни. Ладно, караван еще нужно захватить, а потом решать, что с ним делать.

«А если Линдисса полагает, что отделается от меня какой-то жалкой третью, то глубоко ошибается! Половина, не меньше! Если не больше…»

Похоже, эти размышления столь явственно отразились на лице киммерийца, что Мораддин, не удержавшись, фыркнул и заявил:

– Готов поспорить – сейчас угадаю, о чем ты думаешь. Подсчитываешь будущие доходы, верно? Послушай, дорогой варвар, существует в мире что-нибудь, помимо денег, способное тебя заинтересовать?

– Наверное, но я пока не знаю, что это такое, – не задумываясь, откликнулся Конан.

Полугном горестно вздохнул, смирившись с мыслью, что забота о постоянном наполнении кошелька у его компаньона стоит на первом месте, и напомнил:

– Так что у вас стряслось, если по порядку и с самого начала?

* * *

Долгожданный караван появился немногим после полудня. Задолго до того, как его заметили наблюдатели, по ущельям проплыл мелодичный перезвон множества медных колокольчиков, которыми туранцы украшают верблюжью упряжь. Звон постепенно приближался, в него вплетались новые звуки – цокот лошадиных копыт, пронзительные выкрики погонщиков и утробное ворчание верблюдов.

– Кажется, кто-то говорил о небольшом отряде или мне послышалось? – не преминул напомнить Мораддин. Он и Конан сидели на узком карнизе, пригнувшись и спрятавшись за огромным красноватым валуном.

– Мне говорили, что охраны будет совсем немного, – отозвался киммериец. Впрочем, сейчас его мало занимало, кто ему там чего обещал, и что конкретно наобещал он сам в ответ. Караван подошел уже близко и следовало немедленно придумать способ захвата груза. Наплевать, сколько народу пасется вокруг товара – никто не выйдет из этого ущелья!

– Конан, это безнадежно, – полугном внимательно прислушивался к надвигающемуся шуму. – Охранников не меньше трех десятков. Может, даже больше. А у тебя всего двадцать человек… не самых лучших, честно говоря. Трое моих ребят из хэрда справились бы с этой

бандой неумех запросто!

– Неважно, – бросил варвар.

– Твоих людей прикончат прежде, чем они успеют открыть рот, – гнул свое бывший капитан гвардии, принимавший участие не в одном десятке опаснейших вылазок.

– Неважно, – снова прозвучало в ответ.

Мораддин отступился и пожал плечами – что ж, если этому ненормальному варвару охота свести счеты с жизнью, пусть поступает, как знает. Он предупредил, его не послушали. Остается положиться на судьбу – что будет, то будет.

– Вот что мы сделаем, – негромко, точно про себя, произнес Конан и, быстро повернувшись, отправился назад, к своему притихшему отряду, наконец полностью уразумевшему, что сейчас произойдет нечто совершенно непривычное для простых вышибал и бандитов. И в данный момент осознающему печальное обстоятельство – слишком многим будет не суждено дожить до сегодняшнего вечера.

После краткой перебранки, сопровождавшей раздачу приказов, по пять человек с обоих сторон ущелья поползли вверх по долине. Когда караван подойдет поближе, они столкнут несколько камней покрупнее, отчего часть и без того держащемся на честном слове склона непременно обрушится, перекрыв каравану возможный путь к отступлению. Затем в дело вступят немногочисленные арбалетчики.

– И чтобы, сукины дети, стреляли в цель, а не куда глаза глядят! – подобным угрожающим напутствием сопроводил свои указания предводитель отряда. – Тупые болты хоть кто-нибудь допер взять? Ага, у всех. Много? Ладно, обойдемся тем, что есть. Целить сначала в лошадей, потом боевыми – в людей, да не в своих… недоумки!

Расчет был верным – грохот спускающегося каменного потока наверняка заставит караванщиков и охранников хоть на краткий миг да растеряться и перемешаться. Град тупых стрел выведет и без того напуганных лошадей из себя, одна-две обязательно начнут метаться, заражая своим испугом остальных. Кто-то не удержится в седле и свалится под ноги коням, неизбежно возникнет неразбериха. Вот тут-то отряд выскочит из засады и свалится на головы занятым своими бедами караванщикам. Главное – чтобы никто не успел сообразить и погнать верблюдов вперед, тогда у купцов еще будет шанс в суматохе проскочить ущелье и вырваться на равнину. А там верховых не догнать. Значит, нужно как можно быстрее перебить стражу и собирать разбегающихся животных. Хорошо бы изловить парочку лошадей – пригодится на будущее…

– Паника – дело хорошее, – понимающе заметил Мораддин, быстро прикинув все достоинства и недостатки плана киммерийца. Недостатков было гораздо больше, но выбирать было не из чего. В конце концов, даже эта наскоро придуманная затея имела некоторые шансы на успех, если нападающие смогут действовать достаточно быстро и нахально. – Может, что и получится… Только все равно, друг варвар, ты авантюрист и бестолочь. И меня втянул в свои дурацкие приключения…

– Посмотрим, – кратко отозвался Конан, даже не услышав этих ободрительных слов компаньона. – Вон они.

В конце ущелья возникли едущие попарно всадники. За ними из пылевого облака появились раскачивающиеся на длинных шеях головы верблюдов, а затем и сами пустынные звери, тяжело груженые плотно увязанными тюками. Заливались колокольчики, ржали лошади, чуя, что долгий путь скоро подойдет к концу, взревывали недовольные чем-то верблюды. Охрана замкнула караван в кольцо, держась по бокам, впереди и позади десятка

крупных косматых зверюг. Конан попытался сосчитать стражников и понял, что дело ему предстоит исключительно тяжкое и почти безнадежное.

Мораддин немного ошибся в подсчетах – караван сопровождало около пяти десятков отлично вооруженных туранцев. И каждый, не иначе, был бывшим военным, нанявшимся после ухода из армии в дорожные стражи – часто купцы платили значительно больше казначеев государя Илдиза…

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Караван между тем приблизился, уже почти полностью втянувшись в расселину и заполнив ее гулкими отзвуками голосов. Ехавшие впереди охранники явно не подозревали о грядущей опасности и почти не смотрели по сторонам. Их интересовал только близкий выход из ущелья. Туранцы, замыкавшие строй, переругивались с погонщиками, требуя прибавить ходу – мол, им давно надоело глотать пыль, поднятую верблюдами.

Вся эта пестрая и шумная кавалькада, сопровождаемая назойливым перезвоном колокольчиков, неспешно продвигалась по распадку вперед. Вот головные охранники поравнялись с засевшим в скалах отрядом, и, точно услышав безмолвные мольбы притаившихся грабителей, один из верблюдов внезапно замер на месте и заревел, заставив весь караван приостановиться. Погонщики изо всех сил тянули его за узду, но упрямое животное мотало головой, злобно рявкало и ни в какую не желало подчиняться, даже когда в дело пошли длинные палки с железными остриями на концах.

В общем гаме никто не обратил внимания на приглушенный свист, донесшийся откуда-то сверху. Зато его услышали в дальнем конце ущелья и спустя несколько мгновений все звуки заглушил зловещий рокочущий шорох, перешедший в глухой грохот обрушивающейся массы земли и камней. Земля под ногами ощутимо дрогнула, когда неудержимо катящаяся вниз лавина наконец достигла Дороги и рухнула на белые плиты, образовав завал высотой в человеческий рост или чуть побольше. Люди вполне могли его преодолеть, но ни одна находящаяся в здравом уме лошадь или верблюд даже под угрозой побоев не согласились бы карабкаться на шаткую преграду, где можно запросто переломать ноги. Путь обратно был перекрыт до поры, пока кто-нибудь из путешественников или местные власти, надзирающие за Дорогой Королей не догадаются разобрать завал.

В наступившей тишине по склону прокатились несколько застрявших прежде в щелях скал валунов и приземлились на вершину завала, довершив картину. Первая часть рискованного плана киммерийца была успешно выполнена, и следовало переходить ко второй.

Как и предполагал Конан, в караване после схода лавины возникла неразбериха. Несколько человек из охраны приблизились к завалу, пытаясь понять, что послужило причиной внезапно начавшегося камнепада – сдвинувшиеся с места по естественным причинам валуны, или все же происшедшее – дело рук человеческих?

– Сборище олухов, – еле слышно прошептал Мораддин, наблюдая за туранскими торговцами. – Кто ж так поступает? Им следовало как можно быстрее гнать караван вперед и не задерживаться здесь ни на миг.

– Тем лучше для нас, – отозвался киммериец и, высунувшись из-за камней, резко взмахнул рукой подавая знак к атаке. Сигнал заметили, и первая толстая стрела со свинцовым шариком на конце ударила в круп подвернувшейся лошади. Напуганное животное заржало, взвилось свечой, едва не выбросив всадника из седла, и заскакало каким-то козьими прыжками, расталкивая остальных животных. Вторая стрела оказалась еще более удачливой, угодив в норовистого верблюда, тут же вырвавшегося у сдерживающих его погонщиков и с ревом заметавшегося в узком пространстве распадка. Кого-то из караванщиков сбили с ног и ущелье огласили пронзительные вопли катавшегося под ногами коней человека.

Арбалеты защелкали чаще, заставив еще нескольких лошадей в панике шарахнуться в сторону. Однако к тому времени охрана каравана заметила летящие болты и смекнула, что самим по себе им взяться ну совершенно неоткуда. Вывод напрашивался сам – у неких разбойников хватило нахальства попытаться задержать мирно проходящий к городу караван.

К сожалению для купцов, осознавать сие простое обстоятельство охранникам понадобилось чуть больше времени, чем они могли себе позволить. Тупые стрелы сменились другими, несущими закаленные трехгранные наконечники, и вот уже кто-то, взмахнув руками, валится с лошади и больше не поднимается, а освободившийся от всадника конь бестолково скачет неизвестно куда.

«Может, нам еще и повезет, – подумал Конан, наблюдая за царящей в ущелье суматохой. – Пока все складывается просто замечательно.»

Ударившая рядом с ним в камень стрела заставила варвара мгновенно пригнуться и слегка изменить свое мнение. Туранцы сообразили, что напавшие на них люди засели в скалах по обе стороны распадка и единственное спасение караванщиков – как можно скорее пробиваться к близкому выходу в степь. Для начала уцелевшие охранники – а их все одно оставалось никак не меньше четырех десятков – ударили из луков и самострелов в скальный карниз, не позволяя нападающим даже высунуться. Тем временем караванщики усмирили испуганных верблюдов и, погоняя их, заставили сдвинуться с места.

– Уходят! – пронзительно завизжал кто-то из отряда, не в силах вынести душераздирающего зрелища ускользающей прямо из-под носа добычи. – Уходят же!

Этот вопль погубил последнюю возможность успеха. До того у грабителей еще оставался шанс на победу – внезапным рывком смять охрану и затем вплотную заняться караваном. Погонщики вряд ли бы сумели оказать серьезное сопротивление.

– Недоумки, – горестно вздохнул Конан, увидев, как его подчиненные, не обращая ни на что внимания, скатываются вниз, завязывая бой со стражей. Некоторые, удачно проскочив мимо туранцев, бросились к верблюдам, пытаясь вспороть вьюки, но столкнулись с караванщиками, донельзя возмущенными таким обращением с доверенными их попечению ценными товарами.

– А что ты ожидал? – сухо поинтересовался Мораддин. – Ну все, убедился, что твоему сброду обеспечен полнейший разгром? Пошли отсюда, пока нас еще не заметили.

– Не дождешься, – упрямо ответил киммериец. – Не могу же я просто так взять и смыться! Короче, я пошел. Если что – отыщи Рингу и помоги ей убраться из города.

– Но… – только и успел проговорить полугном, прежде чем его непредсказуемый компаньон спрыгнул с карниза, удачно приземлившись обеими ногами прямо на голову кому-то из охраны, и присоединился к кипевшей в ущелье заварушке. – Боги, и за что мне только такое наказание?

Бывший капитан личной царской гвардии тяжело вздохнул и последовал за варваром, в очередной раз выругав себя за то, что связался с этим проходимцем. Как спокойно и беззаботно жилось на рудниках! Нет, понесло его путешествовать, и с кем!..

Мораддин снова показал свои потрясающие способности во всей красе. Едва бородатый коротышка скатился на камни Дороги, трое купеческих стражей, выискивавших жертву, набросились на него с обнаженными саблями, рассчитывая прикончить на месте – слишком уж невзрачно выглядел этот разбойник. У туранцев имелось несомненное преимущество, так как они сидели в седлах, а противник оставался пешим, и у него в руках не было никакого оружия. Но Мораддин не хотел никого убивать. Потомок гномов мгновенно нырнул под

брюхо ближайшей лошади, перекатился под ней, успев в это время выхватить коротенький, будто игрушечный ножик и рассечь ремень подпруги. Всадник соскользнул на землю вместе с седлом, попав под копыта другого коня, Мораддин же сорвав с пояса кожаный мешочек с мелкими монетами рванул шнурок завязки и метко запулил медяшку точнехонько в переносицу второму нападавшему. Если б это были излюбленные бывшим аграпурским гвардейцем метательные звезды – туранцу тут же пришел бы конец. А так стражник лишь схватился за лицо обеими руками, бросив повод, из ранки потекла кровь, а напуганная лошадь, взбрыкнув, сбросила хозяина в придорожную пыль.

Мораддин в это время успел обезопасить третьего, уклонившись от рубящего удара саблей, перехватив и вывернув запястье так, что охранник забыл обо всем, кроме чудовищной боли в руке…

Белая летучая мышь с задорным верещанием порхала над хозяином и пугала его противников, мало обращая внимание на жгучие солнечные лучи.

В общей свалке все как-то позабыли о цели налета. Верблюды беспрепятственно обогнули поле боя и один за другим потянулись к выходу из распадка. Никому и не пришло в голову помешать купцам – скорее всего потому, что все были донельзя заняты. Туранцы – тем, что расправлялись с осмелившимися напасть на них разбойниками; несостоявшиеся грабители – спасением собственных жизней. Охране каравана везло куда больше – они уже уничтожили большую часть отряда и сейчас пытались справиться с явным предводителем дерзкой шайки.

Разозлившимся стражникам очень хотелось взять этого длинноволосого здоровенного нахала живым (для последующего примерного наказания, разумеется), но тот оказался несколько предусмотрительнее – забрался на каменный уступ, так что сзади его прикрывал склон ущелья и вертелся там, будто демон на сковороде, не позволяя никому приблизиться. Слишком длинный меч, которым он орудовал, с легкостью отражал выпады изогнутых туранских сабель, а когда кто-то из охранников набросил на него аркан, разбойник успел поймать летящую веревку и дернул как следует, после чего неудачливый стражник с истошным воплем рухнул с лошади.

Никто не ожидал, что зажатый со всех сторон предводитель грабителей попытается воспользоваться неожиданной возможностью для побега. Тем не менее, он рискнул – прыгнул со своего убежища прямо на спину освободившегося коня. Он почти не промахнулся, сумев повиснуть на седле, и попытался взобраться на спину нервно приплясывавшей лошади, но ему немного не повезло – оказавшийся поблизости туранец с размаху опустил рукоять своей сабли на голову неудачливого разбойника.

Любой другой человек тут же бы свалился замертво. Упрямый грабитель еще попытался достать своего обидчика мечом, и лишь затем рухнул на запорошенную пылью и теперь кое-где запятнанную кровью, а некогда белую Дорогу Королей. Оружие при этом он, правда, так и не выпустил. Длинный меч звонко лязгнул о камни, вытянувшись рядом с хозяином.

– Готов! – обрадовано заорал стражник. – Прихватим с собой?

– Да он же сдох, – разочарованно протянул командир отряда, охранявшего караван, свесившись с седла и осмотрев неподвижно лежащего на Дороге человека. – Болван, зачем надо было так сильно лупить? На что он нам теперь? Еще кто-нибудь остался?

– Никого! – донеслось с разных концов ущелья. – Всех перебили!

– Какие-то сумасшедшие, – с досадой пробормотал туранец, осматривая место побоища. И точно, опытная купеческая охрана сумела уничтожить всех разбойников до единого. Среди

своих погибших не было, только раненые. – На что они рассчитывали?

Он окинул взглядом скалистый распадок, убедившись, что ни одно из валявшихся повсюду тел не подает признаков жизни, и мельком подумал, что стоило бы проверить, не прикидывается ли кто умершим. Однако караван и так чересчур задерживался, не успевая к назначенному сроку, и командир махнул рукой, приказывая всем двигаться дальше. До ближайшего города – кажется, он назывался Дэлирам – оставалось еще около двух лиг пути. Как раз к середине дня доберутся, а там наверняка отыщется десяток-другой человек, которых можно будет послать на расчистку Дороги.

Об убитых тоже нашлось кому позаботиться – высоко в бледно-синем небе появились и закружились, медленно опускаясь все ниже и ниже, черные точки. Стервятники торопились успеть к разделу дармовой добычи.

* * *

– Конан! Конан, ты меня слышишь?

Голос пришел откуда-то издалека, с трудом пробившись через оглушительное громыхание множества обрушивающихся с гор камнепадов. Он казался смутно знакомым, но вспомнить, при каких обстоятельствах произошла встреча с его обладателем, совершенно не удавалось.

Честно говоря, было тяжко припомнить вообще хоть что-нибудь. Перед глазами все кружилось, расплывались веселенькие радужные пятна и расширявшиеся круги. Сейчас больше всего хотелось прилечь где-нибудь в холодке и ни о чем не думать…

– Конан?! – в голосе появилась явная озабоченность.

«Ага, кажется так меня зовут… Уже лучше, хоть что-то вспомнил. А что, собственно, случилось? Я что, с кем-то подрался?»

После некоторых усилий наконец удалось разлепить глаза. Наверху, как ему и полагается, обнаружилось небо, внизу, под лопатками, – что-то на редкость твердое и каменистое. Звон и грохот в голове постепенно проходили, а предметы перестали двоиться и троиться.

– Однако крепкие головы у вас, варваров, – уважительно заметил голос. – Любой другой давно уже концы отдал… Ты как?

В изрядно затуманенной памяти наконец-то всплыло имя человека, которому принадлежал голос. Мораддин. Да, точно, его зовут Мораддин, а находятся они в ущелье на Дороге Королей, где только что отряд из набранных с миру по нитке проходимцев попытался захватить торговый караван. Судя по всему, особого успеха они не достигли.

– Погано, – почти по буквам прохрипел киммериец и сделал неуверенную попытку сесть. Земля, обычно всегда такая надежная и непоколебимая, почему-то норовила уплыть куда-то вправо, а то и вовсе извернуться и сбросить с себя человека, как норовистая лошадь скидывает неумелого всадника. – Пить… дай.

– Ничего нет, – с сожалением ответил полугном. – Все кончилось.

Конан потряс головой, окончательно приходя в себя. Скалы наконец прекратили перескакивать с места на место и послушно замерли по сторонам распадка, а земля больше

не раскачивалась, как корабль, захваченный изрядной силы штормом.

– А где… все? – после некоторого размышления поинтересовался варвар, оглядевшись по сторонам. Представшее взгляду зрелище было не самым радостным. Не дать, ни взять – поле на редкость кровопролитного боя, и даже стервятники присутствуют, занимаясь своим обычным потрошительским делом.

– Перебиты, – незамедлительно последовало в ответ. – Чего и следовало ожидать. Караван, к твоему сведению, ушел. Тебя сочли мертвым и бросили здесь, а меня… ну, меня просто не заметили. При всем желании я не в состоянии выстоять против неполной полусотни.

– Ушел, – тупо повторил Конан и с сожалением понял, что в его многострадальной голове, видно, от удара что-то сдвинулось, раз он не может понять самых простых вещей.

– Конечно, ушел, – с легким раздражением подтвердил очевидную истину Мораддин. – А ты что, думал, они постоят и подождут, когда ты изволишь очухаться? Ладно, это дело прошлое… Иди сможешь?

– Ага, – не совсем уверенно заявил киммериец. – Только не сейчас… Слушай, а что нам теперь делать-то?

– Это уж тебе решать, – отрезал полугном и уже спокойнее добавил: – По-моему, так настало самое подходящее время быстро исчезнуть. Учти, купцы скоро доберутся до города и наверняка расскажут властям, что на них напали и опишут, кто командовал разбойниками. Если ты объявишься в Дэлираме и попадешься кому-нибудь из них на глаза, то проще простого предсказать, чем все закончится.

– Даммарос взбесится и решит, что я зажился на свете, – заключил Конан. – Плохи наши дела… Караван мы не остановили, ночного убийцу не поймали, – Мораддин на каждое новое признание неудачливости приятеля подтверждающе кивал головой, – в город соваться опасно… А, знаю!

– Что знаешь? – с некоторой опаской спросил туранец. – Что ты теперь задумал?

– Пошли! – с этими словами варвар решительно поднялся на ноги, качнулся, но все же устоял, держась за стену, и нетвердо шагнул вперед. – Все! Мне это надоело!

– Можно хоть узнать, куда ты собрался? – осторожно поинтересовался Мораддин.

– На виллу «Кипарисы», разумеется, сообщать о полном провале, – нехорошо ухмыляясь, ответил киммериец. – И побеседовать кой с кем по душам. Пошли, у нас еще есть время, пока караван доберется до города. Познакомлю тебя с очаровательной вдовушкой, которая затеяла всю эту заварушку. Если не убью ее до того…

– Где ты оставил лошадь? Я полагаю, ты прав – необходимо разобраться с этой историей. Едем к твоей подружке…

– Лошадь? – озадаченно переспросил варвар, – Мы пришли сюда пешком… А…

– Вот как? – поднял бровь Мораддин, – Ты оставил коня в том поместье?

Конан понял, что рано или поздно придется признаваться. Сомнений в том, что Мораддин снова начнет смеяться и стыдить не оставалось, но выдумывать байку о покраже лошади неизвестными злодеями или ее внезапной смерти, Конан был не в состоянии. Голова гудела все сильнее и соображать было тяжело.

– Понимаешь, – начал было варвар, старательно подбирая слова, которыми можно было бы объяснить бездарный проигрыш в кости подаренного шейхом Джагулом аль-Баргэми прекрасного гирканского скакуна. Но едва Конан вспомнил недавние султанапурские приключения, как перед ним встало лицо одного из мельком замеченных караванщиков.

Очень знакомая бородатая старческая физиономия. Только откуда он знал этого человека? Наверняка встречался с ним с Султанапуре, но где, при каких обстоятельствах? Это вылетело из головы совершенно…

– Да ну тебя с твоей лошадью, – проворчал Конан, стараясь не смотреть на насмешливо щурящегося Мораддина, – Поехали, вернее ты поедешь, а я пойду…

Спустившиеся в долину стервятники даже не подумали взлететь, заметив двух вполне живых людей, и только с явной неохотой отходили в сторону, уступая дорогу.

* * *

В уединенном поместье на первый взгляд ничего не изменилось. Куйо все также дремал в тени под воротами и поднял голову только когда шаги приближающейся лошади и человека раздались совсем рядом. По такой жаре псу даже лаять не хотелось, и он лениво махнул хвостом, показывая, что узнал одного из посетителей.

Зато во дворе кое-что добавилось. Под длинным навесом стояли шесть или семь лошадей, аппетитно похрустывающих овсом; в сарае, где ночевал отряд, появились три повозки – две груженые, да так, что даже слегка просели под тяжестью сложенного в них скарба, одна пустая. Под одной из повозок кто-то спал.

Уркаш почему-то не вышел узнать об итогах вылазки. Хотя, может быть, они его совершенно не интересовали.

Первое, что сделал Конан, оказавшись во дворе – вытянул из колодца полное ведро воды и сунул туда все еще трещавшую после удара голову. Мораддин тем временем со сдержанным любопытством осматривался по сторонам. Именно поэтому он первым заметил двух типов исключительно мрачного вида, вышедших из дома и целеустремленно направившихся напрямик к незваным гостям.

– Конан, у нас гости… – негромко предупредил полугном. Варвар фыркнул – мол, и сам вижу.

– А вам чего тут понадобилось? – довольно резко спросил один из громил.

Киммериец, не торопясь, сделал несколько больших глотков, отряхнул с волос воду и только затем небрежно осведомился:

– Где хозяйка?

– Не твое дело, – огрызнулся охранник. – Ты кто такой?

Второй из стражей усадьбы потихоньку переместился за спину Мораддина. Ему наверняка казалось, что он проделывает это совсем незаметно для окружающих. Полугном не собирался разочаровывать его в подобном заблуждении. Пока не собирался…

– Я Конан из Киммерии, – представился варвар. – А теперь быстренько позови хозяйку. Давай-давай, пошевеливайся!

– Госпожа не говорила, что кого-то ждет, – после долгого и мучительного размышления проговорил стражник.

– Так иди и скажи ей! – и без того скудный запас терпения киммерийца медленно, но верно подходил к концу. Возможно, в этом была повинна жара или недавний удар по голове, а может, сознание полного разгрома…

– Ага, – пришел наконец к какому-то заключению охранник. – Жди здесь. Или нет, лучше за воротами…

Мораддин издал чуть слышный издевательский смешок, что и оказалось последней каплей.

– Значит, за воротами, – процедил Конан. Те, кто был с варваром знаком поближе, прекрасно поняли бы, что сейчас произойдет и заблаговременно постарались отойти подальше. Кому-то предстояло быть избитым. И видимо, до смерти.

Незадачливый стражник совершенно не понял, что конкретно с ним произошло и почему земля внезапно вскинулась и бросилась ему навстречу. Величавый, но короткий полет закончился у твердого, как камень, сруба колодца. Врезавшись в него, охранник поместья скорчился внизу и затих. Его товарищ сделал слабую попытку рвануться с места и броситься к дому, мешком рухнул на пыльную землю, получив подножку и удар костяшками пальцев в шею от Мораддина, вроде бы задумчиво созерцавшего причудливые украшения на углах дома.

– Что с ним делать? – полугном одним незаметным движением заломил руку жалобно подвывавшего стражника назад, удерживая его в не совсем удобном положении, из которого, что самое досадное, было никак не вырваться.

– Ну его, – киммериец ограничился чувствительным пинком по ребрам ерзавшего на земле человека, после чего тот перестал шевелиться и издавать какие-либо звуки. – Пошли в дом, сейчас у нас будут душевные беседы…

Дверь в усадьбу с жалобным треском ударилась в стену, чудом удержавшись на петлях. За ней обнаружился крохотный коридорчик, завершившийся лестницей, покрытой блекло-зеленоватым ковром. Лестница заканчивалась возле высоких двустворчатых дверей, украшенных сложным узором из переплетающихся золотых пластин. Часть из них с тонким звоном осыпалась на пол, когда верный своей привычке варвар наградил створки таким сокрушительным ударом, от которого они неминуемо должны были рухнуть. Однако двери устояли, распахнувшись настежь и открыв прятавшуюся за ними маленькую уютную комнату, выдержанную в темно-розовых тонах.

За массивным резным столом сидела рыжеволосая женщина, немедленно вскочившая при появлении в ее тихом гнездышке разъяренного киммерийца и его молчаливого спутника. Мораддин на всякий случай аккуратно поправил слегка покосившиеся двери и остался стоять возле них, с интересом наблюдая за разворачивающейся сценой.

– Значит, вот как? – прямо с порога прошипел варвар, угрожающе надвигаясь на замершую на месте вдову. – А может, мне еще посидеть за воротами, подождать, пока у тебя появится настроение побеседовать?

– Прости, я не ждала, что ты вернешься… так рано, – женщина тщетно попыталась взять себя в руки и изобразить нечто вроде приветливой улыбки. Любому стороннему зрителю бросалось в глаза, что она исключительно взволнована чем-то, и причиной необычайного волнения послужило вовсе не неожиданное вторжение. – Где… где караван? – с дрожью в голосе спросила она.

– Караван? Какой, к Нергалу, караван? – заревел Конан, не давая Линдиссе даже слова вставить. – Чем ты думала, рыжая бестия?! С таким ублюдочным сбродом, который ты разыскала, только навоз хорошо убирать! Я что, должен был в одиночку положить половину туранской армии, чтобы раздобыть тебе этот дерьмовый караван?

– Он прошел, – еле слышно сказала Линдисса и, ухватившись за край стола, бессильно

рухнула в кресло. – Он прошел, все потеряно… – и благородная госпожа неожиданно побагровела, и истерично завизжала, точно обсчитанная базарная торговка: – А ты! Ты, проклятый недоумок-варвар! Ты небось даже не рискнул высунуться, а ждал, пока за тебя все сделают!..

– Еще никто… – яростно пошипел киммериец потянувшись за мечом, но его остановил невозмутимый голос Мораддина решившего немедля вмешаться:

– По-моему, это излишне. Конан, умоляю, перестань кричать. Госпожа, не имею чести знать вашего имени, могу заверить, что вы ошибаетесь. Если задержка каравана осуществлялась именно по вашему приказанию, то моим другом было сделано все возможное. Однако для исполнения этого не вполне законного действия вы подобрали явно неопытных людей.

– Мораддин совершенно прав, слышишь ты, дура?! – чуточку спокойнее подтвердил варвар. – Именно это я и хотел сказать. Недоумки, они и есть недоумки.

Линдисса даже не поинтересовалась личностью неожиданно вмешавшегося человека, а только тоскливо повторила:

– Проклятие, ну почему, почему? Все же было так хорошо рассчитано… Это ты во всем виноват! – она снова неистово набросилась на Конана. – Зачем ты только объявился в нашем городе? Ты хоть догадываешься, тупица, что я… мы из-за тебя потеряли?

В бессильном отчаянии Линдисса замолотила кулаками по столу, мотая головой и всхлипывая:

– Все пропало, все… Как мне теперь быть?

– Линдисса, дорогая моя, незачем так расстраиваться, – произнес чей-то негромкий и слегка насмешливый голос, – Я же предупреждал – не стоило вмешивать в серьезные дела лишних людей.

– Кто там еще вяка… – киммериец резко обернулся, готовый на месте прикончить любого, рискнувшего помешать беседе с вдовой, и внезапно ему показалось, что он по-прежнему в ущелье на Дороге Королей, а все вокруг расплывается и качается.

Ни варвар, ни предусмотрительный Мораддин, ворвавшись в комнату, не потрудились осмотреться по сторонам, считая, что на вилле находится только Линдисса и ее слуги. Поэтому еще одно кресло, скромно приткнувшееся в углу комнаты, равно как и занимающий его человек, остались до поры незамеченными.

При виде этого человека, со безмятежной усмешкой взирающего на происходящий в комнате скандал, Конан испытал нечто вроде легкого головокружения. Этому типу вот уже три дня полагалось мирно покоится в удобной могиле. Куда он сам, между прочим, его и отправил. Ну да, поединок возле заведения Мамаши Циль, а до того – малоприятная беседа с дальновидным месьором Эридатом. Да что же это творится в мире, а? Сначала мертвецы начинают шастать по улицам, а затем?..

– Иногда полезно задержаться на лишний миг и проверить, действительно ли ваш противник отправился в дорогу, с которой не возвращаются, – язвительно сообщил Леддар, несостоявшийся покойник. – Но господин наемник крайне торопился и немного промахнулся, лишь ранив меня в бедро. Я подумал и решил, что в возникшей ситуации мне лучше считаться мертвым, нежели живым, а госпожа Линдисса любезно оказала мне в этом посильную помощь… Кстати, если не секрет, кто же меня настолько невзлюбил?

– Эридат, – вырвалось у киммерийца, не успевшего сообразить, что к чему.

– А, я так и предполагал, – невозмутимо кивнул Леддар. – Он спал и видел, как бы от

меня избавиться… Впрочем, Эридат не отказался бы расправиться со всеми нами.

– Теперь это не имеет никакого значения! – вмешалась прекратившая всхлипывать, но все еще не нашедшая сил примириться с мыслью о полном крахе своего предприятия Линдисса. – Ничто теперь не имеет смысла!

– Кое-что имеет, – медленно проговорил Конан поворачиваясь к хозяйке. – Например, я требую немедля объяснить, что вы затевали и в какую авантюру впутали меня? Ну?!

– Какая разница! – истерически выкрикнула женщина и, схватив стоявшую перед ней тяжелую серебряную вазу, запустила ею в человека, казавшегося ей виновником всех произошедших бедствий, сопроводив действие воплем: – Убирайся! Убирайся отсюда!

К ее глубочайшему сожалению, бросок не достиг цели – Конан перехватил вазу в воздухе и аккуратно поставил обратно.

– И не подумаю, – отозвался варвар и развязно уселся на краю стола. – Пока не услышу подробного рассказа. Кое-кто, помнится, обещал мне поведать интереснейшую историю.

– Ничего я тебе не скажу! Мерзавец! Дикарь, слезший с ветки! Лучше бы ты сидел в своей проклятой всеми богами Киммерии! Мразь!

Конан слушал хозяйку с долей восхищения, даже не пытаясь ответить, а Мораддин кивал, улыбаясь в бороду, словно соглашаясь.

– Дорогая, угомонись, – мягко посоветовал Леддар Линдиссе и обратился к киммерийцу: – Похоже, наш план полностью не удался, так что стоит ли ворошить прошлое? Будет лучше, если мы сейчас мирно расстанемся… и постараемся не вспоминать о нашем кратком, но малоприятном знакомстве.

– Не лучше, – рявкнул Конан так, что Линдисса вздрогнула. – Я согласился выполнить просьбу этой женщины в обмен на подтверждение моей невиновности в кое-каких делах… Кстати, ты это сделала? – рыжая красотка гордо промолчала и отвернулась. – Похоже, вовсе не собиралась, верно? – заключил киммериец. – Да, и вдобавок мне клятвенно пообещали разъяснить, что происходит в вашем занюханном городишке. Я свою часть работы выполнил. Или, по крайней мере, честно постарался выполнить… Теперь ваша очередь. Иначе никто из вас отсюда не выйдет.

– Не говори ему ничего! – взвизгнула Линдисса. – Это не его дело! Ничего он нам не сделает!

Конан демонстративно вынул меч, положив на стол, рукоятью к себе и выразительно глянул на приятеля хозяйки. Позади послышался вздох Мораддина.

– Ну ладно, – пожал плечами Леддар. – Как мне сейчас представляется, у нас нет особого выбора… Если мы все расскажем, ты позволишь нам уйти?

– Посмотрим, – кратко отозвался варвар. – Давай, начинай. И побыстрее.

– Прошу прощения, – молчавший до того Мораддин шагнул вперед и внимательно вгляделся сначала в отпрянувшую госпожу Линдиссу, а затем в неожиданно напрягшегося Леддара. – Конан, ты хорошо знаешь этих людей?

– Мерзавцы они, вот что я точно знаю, – проворчал киммериец. – Что одна, что другой…

– А сам-то! – не удержалась вдовушка. – Можно подумать…

– Я не о том, – нетерпеливо перебил полугном. – Их имена – Линдисса и Леддар, правильно? В Аренджуне… а также в Шадизаре многие бы хотели повидаться с ними. Правда, я очень сомневаюсь, что такая встреча стала бы приятной для обоих сторон.

Двое заговорщиков настороженно переглянулись.

– Только не это… – с неподдельным ужасом проговорила Линдисса и схватилась за

голову. – Что, кто-то пронюхал?

– Пока нет, – безмятежно сказал Мораддин. – Но рано или поздно вас непременно разыщут. Видишь ли, Конан, в чем дело… Эта парочка ухитрилась везде изрядно наследить. Месьора Леддара ждут – не дождутся в Аренджуне его бывшие друзья, которых он достаточно изящно обвел вокруг пальца при разделе общей добычи, а госпожу Линдиссу с понятным нетерпением встретят в Шадизаре. С непременным условием, что она вразумительно растолкует, куда подевались некие ценности, внезапно научившиеся летать и покинувшие своих законных хозяев.

– Стеречь надо лучше… – с коротким смешком, больше напоминавшим рыдание, отозвалась женщина.

– Возможно, – спокойно отозвался бывший гвардеец. – Однако это ничего не меняет. Или вы предпочтете объясняться с здешним градоправителем?

– Н-нет, – замотала головой Линдисса и дрожащим голосом спросила: – Но… Вы ведь не выдадите нас?

– Это напрямую зависит от вашего рассказа, – и Мораддин занял свой прежний пост у дверей.

– Хорошо, – после некоторого молчания проговорил Леддар. – Вкратце дело обстояло так… Всеми делами в нашем городишке вот уже почти три года заправляли известные вам Гебер и Эридат. Я и ныне покойный Райнак были… как бы это сказать… ударной силой, что ли. Госпожа Линдисса и Тамир присоединились к нам позже. Местная власть в лице градоправителя – опять же, покойного – и его помощников получала причитающуюся ей долю с нашего промысла и разумно не беспокоила нас.

– Какого промысла? – поинтересовался Конан.

– Выражаясь изящно – скрытая переправка ценностей из Турана в закатные страны и обратно. Власти это называют контрабандой, – пояснил Леддар. – Однажды Тамир привез из Аграпура странную новость… Мы не знали, стоит ей верить или нет, но предусмотрительно разработали план действий на случай, если сообщение окажется истинным. Задуманное нами дело выглядело очень рискованным, но в случае успеха…

– Успеха! – язвительно выкрикнула Линдисса. – Успеха, как же!

– Заткнись, – не выдержал Конан. Рыжая красотка обиженно замолчала. Леддар, бросив на компаньонку испепеляющий взгляд, продолжил:

– Так вот, в случае успеха некоторые из нас могли покинуть этот, скажем прямо, ничем не блещущий городок и устроиться где-нибудь получше. Со стороны все выглядело просто замечательно… однако чем ближе подходил срок осуществления нашей идеи, тем больше каждый из нас начинал опасаться за собственную жизнь. Известное дело: там, где много золота – всегда оказывается много лишнего народу желающего заполучить побольше прикладывая минимум усилий…

– Какую именно новость вам привезли? – напомнил дотошный Мораддин.

– О караване. О весьма необычном караване, что пойдет из Аграпура в Аренджун, – медленно ответил Леддар. – Внешне он ничем не отличается от других, но вот его груз… Очень ценный и ходовой товар, в определенных, конечно, кругах. Мы решили сделать все, чтобы караван бесследно исчез где-то в Кезанкии. В Туране, скорее всего, никто представления не имеет о его подлинном содержимом, значит, аграпурцы о нем будут беспокоиться не более, чем о любом другом пропавшем караване. В Кезанкийских горах много разбойников и других неприятностей, а в пустыне еще не перевелись песчаные

равахи… Поищут, не найдут и благополучно позабудут. Не в первый раз, в конце концов! В Аренджуне и Шадизаре каравана не дождутся и, конечно, забеспокоятся гораздо больше, но к тому времени все концы будут надежно спрятаны. Итак, все было готово, однако случилось непредвиденное.

– Что, ваш убийца прикончил не того, кого нужно? – проворчал киммериец. Леддар недоуменно взглянул на него:

– Не понимаю, что ты имеешь в виду. Наши неприятности начались с женщины, которую Эридат привез из Шадизара. Женщины-стража.

Линдисса скривилась:

– И где он только достал такое чудовище…

– По крайней мере, это чудовище не врет через слово, – заступился за рабирийку Конан. – Ну, и чем стражница Эридата вам помешала?

– Лично мне – ничем. Мы ее даже не видели, знали только, что Эридат держит девицу где-то в доме и вроде они неплохо ладят между собой. Но потом что-то произошло… Эридат точно взбесился и решил, что необходимо устроить в городе нечто такое, что будет способно отвлечь городские власти, а всю вину свалить на эту женщину. Мы попытались его отговорить, убеждали, что прекрасно справимся и так, а лишний шум нам совершенно ни к чему, но безуспешно. Он просто не желал нас слушать. Вот тогда все начали косо посматривать друг на друга и подозревать в рытье ям для своих приятелей.

– А что, разве вы этим не занимались? – хмыкнул киммериец.

– Конечно, любой бы предпочел заполучить груз каравана исключительно для себя, – признал Леддар. – Однако только последние идиоты станут изменять план действий перед самым началом событий, а именно этим и занялся Эридат. А потом все как из дырявого мешка посыпалось: сначала ты обокрал дом Эридата и забрал женщину, затем в городе появилась тварь, устроившая резню… Это просто невероятно, но чудище словно специально охотилось за всеми имеющими отношение к нашим делам. Даже градоправителя и его помощника, знавших меньше других оно не пощадило!

– Что? – насторожился Мораддин и, повернувшись к варвару, подозрительно посмотрел на него. – Конан, зачем тебе понадобилось грабить дом?

– Потом расскажу, – отмахнулся варвар. – И вы двое решили сами позаботиться о себе, так?

– А что нам еще оставалось делать? – презрительно спросила Линдисса. – Сидеть и ждать, пока они все окончательно перегрызутся и упустят такую возможность…

Тут она вспомнила, что возможность все-таки была упущена и снова всхлипнула.

– Это вы устроили покушение на немедийского капитана? – прямо спросил Конан, – Боялись, что Даммарос помешает вашим планам?

– Господин капитан начал кое-что подозревать, – нехотя проворчал Леддар. – Организовано, конечно, было бездарно. Просто времени не было. А вдобавок ты под ногами путался. С какой стати надо было влезать в чужие дела?

– Мне Даммарос ничего плохого не сделал, – заявил Конан. – А вам я теперь не посоветую появляться в городе – если немедиец узнает, висеть вам на воротах обоим.

– Не узнает, – буркнул хозяин. – Если ты не скажешь.

– Допустим, вы не врете, – задумчиво сказал киммериец. – Но пока я услышал главного – что же такое везли в этом распроклятом караване?

– Скажи ему! – со слезами в голосе выкрикнула рыжая красотка. – Скажи, пусть пойдет

и удавится!

– Я уже говорил, что у каравана был очень необычный груз? – едко поинтересовался Леддар. – Ах, говорил? Так вот, большую часть этого груза с величайшими трудностями доставили из Кхитая. Лотос, серый лотос, вот что там было!

– Серый лотос… – только и выговорил Конан, хватаясь за голову. – Проклятый порошок для хозяев Аренджуна! Куча денег…

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

– Балда! Безмозглая рыжая дура! Почему, почему сразу все не рассказала, бестолочь? – подобного отчаяния Конану уже давненько не доводилось испытывать. – У тебя что, язык отсох? Сетовы змееныши, мы смогли бы придумали что-нибудь поумнее, а не набросились бы на караван с шайкой никуда не годных болванов! А теперь купцы уйдут и догнать их невозможно!

Линдисса угрюмо молчала, видимо признавая полнейшую справедливость упреков, или не зная, что ответить. В ее взгляде, однако, мелькало плохо скрываемое злорадство.

– Эй, полегче, – Леддар самоуверенно попытался вступиться за оскорбляемую верную подругу и помощницу, и даже приподнялся с кресла. Лишь своевременное вмешательство Мораддина спасло несостоявшегося заговорщика от неминуемой гибели – варвару настоятельно требовалось на ком-нибудь сорвать злость, а Леддар чуть было не оказался под рукой.

– Конан, прекрати, – сердито сказал полугном, загородив собой стол на котором лежал меч. Варвар неожиданно послушался, но в ответ последовал настолько густой поток ругательств и проклятий на смеси известных и неизвестных языков, что Мораддин только пожал плечами и предпочел обождать. Все равно запас бранных выражений рано или поздно иссякнет, а до того разговаривать с явно спятившим северным дикарем бесполезно.

– Курица безголовая, – устало заключил киммериец, поняв, что даже прикончи он сейчас Линдиссу, ее смерть совершенно ничего не изменит. Теперь понятно, отчего Дэлирамская шайка старалась, чтобы наружу не просочилось ни единого, даже самого малейшего слуха о планируемой авантюре. Сотоварищи Линдиссы согласились бы даже на то, чтобы клыкастая ночная тварь истребила полгорода, или даже весь, но при одном условии – их секрет останется нераскрытым.

А задумка была весьма неплоха… Да что там неплоха, просто великолепна! Карела в подобной ситуации даже мгновения раздумывать не стала бы – скликнула всю свору и бросилась ловить драгоценный караван. Правда, Рыжий Ястреб наверняка провернула бы столь трудное дело куда более грамотно и умело, обязательно добившись своего. Карела позволила бы каравану беспрепятственно пройти через горы и даже миновать Дэлирам, и преспокойно захватила груз в степи, где некуда скрыться.

«Лучше Линдисса с Леддаром вообще ничего не говорили. Когда знаешь, что именно потерял – действительно хочется повеситься… – с тоской подумал Конан. – Хотя… Может, еще не все потеряно?..»

Серый лотос. Два простых слова объясняли многое. Даже слишком многое. Внешне ничем не примечательный цветочек произрастал на огромных болотах, затерянных где-то в далеких полуночных провинциях Кхитая. Раз в год, в пору его цветения, специально отобранные и обученные рабы собирали созревшие семена, которые затем измельчались, превращаясь в горсточки невесомой серой пыли. За одну-единственную подобную горсточку в Заморе или Туране можно было получить не меньше сотни полновесных золотых монет, и то – если особо не торговаться. Дальше на закат цена неуклонно возрастала, достигая двух, трех, а порой и пяти сотен…

Конечно, это была отрава. Причем, по мнению знатоков, такая, что знаменитый пурпурный лотос с Великих болот Стигии не выдерживал с ней никакого сравнения. Не

говоря уже о дешевеньком желтом лотосе Турана. Одна неумело употребленная крупинка кхитайского порошка могла навсегда свести человека с ума, а могла подарить невероятный мир с любыми осуществленными мечтами. К сожалению, великолепная страна грез существовала исключительно в воображении употребившего заветную крохотную пылинку, и, что самое досадное, с каждым разом таких пылинок было необходимо все больше и больше. А конец всегда был одинаков…

Серое зелье требовалось всем – колдунам Стигии и Шема, скучающим пресыщенным богачам Кофа и Офира, просвещенным мудрецам Аквилонии, жаждущим познать жизнь во всех ее проявлениях, дворцовым интриганам Немедии… Однако, по большей части, то немногое, что удавалось с огромными трудами доставить из Кхитая через Вилайет, оседало в Туранских прибрежных городах, и лишь малая толика проникала через Кезанкию дальше, в страны заката.

«Караван с лотосом… Как много там может оказаться порошка? Впрочем, неважно. Мы бы получили за него столько, сколько захотели… Нет, об этом лучше не думать… Что еще можно сделать?» – Конан лихорадочно перебирал оставшиеся возможности. Каравану потребуется еще пять или шесть дней, чтобы добраться до Аренджуна… Попытаться разыскать Карелу? Да где ж ее найти теперь? Вытрясти из этой бестолково хлопающей глазами рыжей овцы все возможные сведения, придумать какую-нибудь правдоподобную байку, догнать караван и заморочить голову охранникам? Не поверят, ведь наверняка запомнили, кто командовал засевшими в ущелье разбойниками… Вдобавок, купеческая охрана может и не знать, где спрятан товар и вообще не подозревать, какое сокровище везет караван. Помчаться к Даммаросу и убедить его задержать торговцев? Понадобится веская причина, да и вряд ли задерганный и замороченный военный градоправитель согласится выполнить просьбу и без того надоевшего ему хуже горькой редьки наемника… Уговорить Мораддина вспомнить приобретенное у кхитайского учителя и в гвардии умение да рискнуть напасть на караван вдвоем? Если подкрасться ночью и действовать как можно тише… Да, еще есть Ринга! Уж она наверняка согласится помочь! Что ей стоит усыпить или насмерть перепугать стражу? Пусть не всех, но хоть часть, остальных они с Мораддином возьмут на себя… Линдисса безусловно права: такой шанс дается всего лишь раз и упускать его – все равно что добровольно признать себя величайшим олухом на свете.

«Когда возьмем караван – надо будет непременно поделиться с нашей вдовой. Все-таки она рассказала о необычном товаре. Десятую, нет, пятнадцатую часть…» – решил киммериец и уже собирался изложить терпеливо ожидающему дальнейшего развития событий компаньону свой потрясающий план, когда наткнулся на прямой взгляд потомка гномов. Взгляд, не предвещавший ничего хорошего.

– Даже не думай об этом, – очень холодно и спокойно произнес Мораддин. – Я не собираюсь участвовать в распространении подобной мерзости… и тебе не позволю.

– Да ты хоть представляешь, сколько это может стоить? – взвыл варвар. – Да на эти деньги ты сможешь купить должность начальника гвардии у любого короля или князя! Снова поступишь на службу, станешь уважаемым человеком!..

– Представляю, – бесстрастно ответил бывший гвардеец. – А ты представляешь, сколько людей погибнет, употребляя эту гадость? Или сколько колдунов порадуется, заполучив ее? Знаешь, дорогой мой варвар, вернуться в армию и получить хороший чин я предпочел бы менее отвратительным способом! Ты хочешь стать таким – же как ублюдки из Шадизара и торговать смертью за золото?

– Да какая тебе разница?! – в полный голос заорал Конан, понимая, что переубедить упористого сына настоящего подгорного гнома – задача почти невыполнимая. Чтоб ему подавиться своей честностью и сдохнуть в муках! Почему злобный маг из гномского предания не довел столь замечательно начатое дело до конца и не истребил бородатое племя карликов под корень? От гномов все беды в мире! Сначала упустили магический горшок и возможность хорошо подзаработать на нем, а теперь прямо из рук вырывают такое сокровище, которое можно заполучить только раз в жизни! Недаром знающие люди говорят: гномы тупые, ленивые, упрямые и только оружием махать горазды! А подумать о благополучии ближнего – это нет… Что стоит Мораддину захотеть немного заработать самому и позволить сделать это своему другу?!

Испуганная Линдисса выбралась из-за стола и потихоньку перебралась поближе к ненадежной, но все же хоть какой-то защите в лице Леддара. Парочка несостоявшихся мошенников явно не понимала, что происходит и почему жуткий варвар считается с мнением какого-то тихого коротышки?

– Может, для тебя и никакой, но для меня разница существует. И, могу тебя заверить, очень большая разница, – к разразившейся грозе Мораддин отнесся в высшей степени равнодушно. Проще говоря, он пропустил вопли варвара мимо ушей.

– Но если тебе самому не нужно золото, почему ты не даешь мне… – со всей возможной убежденностью начал киммериец, решив испробовать иной способ убеждения. Криком от Мораддина ничего не добиться, а вот если разумно и обоснованно втолковать свою мысль, то, глядишь, и выйдет толк.

– Потому что ни один честный человек – а я все же полагаю тебя именно таким! – не воспользуется деньгами, полученными столь низменным путем, – отчеканил Мораддин, не дав варвару договорить, и уже мягче добавил: – Послушай, это отнюдь не последнее золото в твоей жизни. Раздобудешь еще… не таким поганым способом. Нужно будет – пойдешь кого-нибудь ограбишь, ремесло разбойника гораздо безобиднее, чем торговля серым лотосом! Опыт у тебя большой.

– Поганым! – вполголоса повторил Конан, тоскливо поднимая глаза к потолку. Ясно, переупрямить туранца, накрепко вбившего себе в голову идиотские понятия о достоинстве, чести и прочей ерунде, не удастся. Может, попробовать скрутить его?..

Варвар прикинул возможный исход подобной схватки и с сожалением признал – шансов на победу у него совсем немного. Слишком маленькая комната, слишком много лишних предметов – да еще и шушукающаяся в углу парочка, которая наверняка поднимет крик и будет мешаться под ногами – и слишком большая вероятность, что проигравшим окажется именно он. А самое главное – меньше всего на свете Конану хотелось ввязываться в драку с Мораддином. Это было как-то… неправильно, что ли.

Странно, раньше подобные тонкости варвара вовсе не заботили, все было просто и понятно. Золото – оно и есть золото, и любой, кто попытается встать между ним и северным наемником, должен быть немедленно отправлен к Нергалу или еще куда подальше. Но только не Мораддин.

«Плакали мои денежки… – мрачно подумал киммериец. – Надо же, как не повезло! Хотя с другой стороны, – Конан попытался уговорить сам себя: – Что нам делать с этим караваном, даже если б он попал в руки вместе с товаром? Он нам совершенно ни к чему. Допустим, мы отыскали серый лотос, наверняка надежно запрятанный… А где его продать? В Шадизар или Аренджун соваться никак нельзя – сразу сообразят, где мы раздобыли эдакое

сокровище. Возвращаться в Туран опасно – там еще не забыли наши проделки в Султанапуре, а если мы снова заявимся, да еще с запрещенным порошком – изловят и моментально четвертуют. Ехать в Коринфию или Немедию? Я там никого не знаю… Получается, с товаром мы огребем целую кучу хлопот, а какая выгода? Выгода, скажем откровенно, призрачная. Что ж получается – столько сил ушло и все впустую?!»

– И что ты предлагаешь, раз такой умный? – язвительно вопросил Конан, искоса взглянув на насупленного Мораддина. – Я, как проклятый, ношусь тут… жизнью рискую, можно сказать… а теперь по твоей милости ничего не получу взамен?

– Так тебе и надо, – немедленно встряла Линдисса.

– А ты вообще помалкивай! – огрызнулся варвар. – Кто, спрашивается, втравил меня в эту переделку? Стерва рыжая!

– Прекратите ругаться, уши начинают болеть, – негромко проговорил Мораддин, но и киммериец, и женщина немедленно замолчали. – Насколько я понимаю, караван беспрепятственно пройдет через заставу в Дэлираме?

Встревоженная криками белая летучая мышь выползла на плечо своего хозяина, пару раз возмущенно пискнула, едва не доведя испуганную появлением необычного зверька Линдиссу до обморока, но Мораддин решительно сгреб крылатого любимца в ладонь и засунул под плащ. Вдовушка посмотрела на него будто на сумасшедшего – какой нормальный человек станет таскать с собой эдакую маленькую гадость?

– Конечно, – хмыкнул Леддар. – Не вызовя ни малейших подозрений. Подорожные листы в порядке, разрешение на торговлю в городах Заморы заверено в Аграпуре, досмотр груза ничего не даст. Товар надежно спрятан, большинство из караванщиков и охраны представления не имеет, *что* они везут вдобавок к совершенно безобиднейшим вещам. Даммарос, кстати не имеет никакого права осматривать товары – он не королевский чиновник пограничной стражи, а обычный вояка.

– Значит, купцы не должны миновать город, – невозмутимо заявил полугном. – Конан, перестань пялиться в потолок! Поехали быстрее!

– Куда? – без всякого интереса спросил варвар, так, впрочем, и не двинувшись с места.

– В Дэлирам, разумеется! – пожал плечами Мораддин. – Военный градоправитель Даммарос показался мне вполне разумным человеком. Если мы расскажем ему обо всех обстоятельствах, у капитана найдется причина задержать и тщательно осмотреть караван. Когда найдется лотос, все встанет на свои места.

– Да ну, – уныло помотал головой киммериец. – Не поеду. Даммарос увидит меня и немедленно прикажет вздернуть. А поскольку мне это вовсе не по душе, то выйдут сплошные неприятности… для капитана. Поезжай, если хочешь, а я здесь подожду.

Госпожа Линдисса после этих слов киммерийца едва смогла сдержать злорадную ухмылку. Действительно, если Даммарос не полный болван, то проклятому дикарю долго идти до Серых Равнин не придется – за одно покушение на почтенную вдову по меньшей мере положена виселица…

– Почему ты считаешь, что он поступит именно так? – нахмурился бывший капитан гвардии.

– Я же обещал ему отыскать ночного убийцу, – напомнил варвар. – И не поймал. И вообще много всякого натворил. Будет лучше в городе не показываться… Не подумай, я не боюсь, просто весь этот бардак смертно надоел.

– Мог бы еще пообещать солнце с неба, – фыркнула осмелевшая Линдисса, сообразив,

что между компаньонами возник серьезный разлад, и никто не придаст значения ее подначкам.

– А с какой радости ты вдруг начал бросаться обещаниями направо и налево? – уточнил полугном.

– Чтобы Даммарос и его обормоты отстали от меня, – буркнул Конан. – Ну пообещал и пообещал…

– Погоди. Подумаем о ночном убийце. – задумчиво протянул Мораддин. – Что ты знаешь об этом… существе? Вообще кто-нибудь знает о чудовище хоть немного? Откуда оно взялось, когда появляется, как охотится?

– Ринга говорила, будто оно похоже на помесь человека и одержимого демона, – вспомнил полуночный разговор в доме Эзаэдро киммериец. – И что оно выходит на охоту в полнолуния. А сам я думаю, что его натравливали на всех, кто имел отношение к тайне каравана. Только непонятно, зачем оно заявилось к Эзаэдро…

– А кто это? – поинтересовался Леддар. – Человек с таким именем не имел к нам ни малейшего отношения. Ведь зверь охотился исключительно за нашими друзьями!

– Мой старый знакомый, живет в городе, – кратко отозвался Конан. – Тоже изрядный мошенник… Правда, почестнее вас всех. Короче, ничего я об этом чудище не знаю, кроме того, что оно действительно существует и убивает людей, хоть немного причастных к незаконной торговле между Тураном и закатными странами.

При этих словах Линдисса, присевшая на ручке кресла, встрепенулась, подалась вперед, словно намереваясь что-то сказать, но затем внезапно передумала и наклонилась к своему приятелю.

– Послушайте, – серьезно сказал Леддар, отодвигая женщину, настойчиво шептавшую ему что-то на ухо. – Вы действительно собираетесь поехать в город и рассказать обо всем Даммаросу? В том числе и о нас?

– Я – да, – подтвердил Мораддин. Варвар промолчал. У Конана вновь появилось мерзкое чувство, что в разговоре прозвучало нечто, какая-то мелочь, имеющая большое значение, а он по невниманию пропустил это мимо. Было впечатление, будто он ходит совсем рядом с ответом на самую мрачную загадку последних дней, да все никак не может найти его. Чудовище, чудовище… Если оно действительно представляет собой некое подобие оборотня, человека, превращающегося ночами в жуткую тварь, вовсе не исключено, что этот оборотень (вернее его человеческая половина) – насквозь знакомый житель Дэлирама. Только им может оказаться кто угодно, от капитана Даммароса, до трактирщика.

– Помнится, вы обещали отпустить нас, если мы расскажем о нашем плане, – напомнил Леддар. – Мы целиком выполнили условие… и можем уйти?

– Еще чего! – рявкнул обозленный варвар. – Между прочим, у меня появилась замечательная идея… – Конан взял Мораддина за плечо, – давай скрутим эту парочку и отвезем в подарок Даммаросу! Я скажу, что они есть чудовище!

Линдисса побелела и вцепилась в спинку кресла, явно сочтя угрозу наемника чистой воды правдой. Леддар переводил настороженный взгляд с одного из незваных гостей на другого, пытаясь разрешить трудный вопрос – говорит варвар всерьез или затеял на прощание поиздеваться?

– Послушайте, господа, я предлагаю небольшую сделку, – неуверенно начал Леддар. – Я сообщу вам одну вещь, а вы, за мои сведения, в беседе с капитаном Даммаросом не станете называть наших имен. Можете смело валить все на Гебера и его приятелей, но не упоминайте

о нас!

– А что взамен? – оживился Конан. – Очередная сказочка? Мораддин, ты даже не представляешь, как в этом паршивом городе любят заключать сделки, а потом делать вид, что напрочь позабыли о них!

– По-моему, ты сам хорош, – безмятежно заявил полугном и повернулся к Леддару: – Хотя мой друг варвар, несомненно, прав. Мы должны знать, равноценно ли твое сообщение предлагаемому условию? О чем ты хочешь рассказать?

– О чудовище, – дрогнувшим голосом сказал Леддар. – Правда, я не совсем уверен, могу серьезно ошибиться… Короче говоря, кажется, я знаю, где прячется зверь.

Мораддин несколько мгновений колебался, что доставило киммерийцу некоторое мрачное удовольствие – наконец-то сыскалась задача, которую и потомок гномов не в состоянии сразу решить. Однако, если Леддар наведет на след твари, отправившей к праотцам почти десяток людей, можно и согласиться с его просьбой. Поймать тварь – дело хорошее, и позволит оправдаться перед Даммаросом. А Линдисса с дружком пусть уезжают – толку от них более никакого.

Наконец, бывший гвардеец с величайшей неохотой проговорил:

– Ладно. Мы умолчим о ваших делах. Говорите.

– Оно… Оно живет у Эридата! – выпалил Леддар. Его слова немедленно заглушил искренний смех Конана:

– Ерунда! Можно было придумать что-нибудь получше! Эридат, конечно, скотина изрядная, но держать у себя под боком подобную тварь!..

– И все же я убежден, – упрямо повторил Леддар. – У него в доме есть подвал и Эридат в нем что-то прячет. Я постарался разузнать подробнее и точно выяснил, что там расположена не сокровищница и не обычная кладовая. А свою женщину-стража он держал в другом месте… Он не пускает вниз никого из слуг, зато по крайней мере раза три в месяц бывает в подвале сам.

– Ринга смогла бы почуять присутствие в доме неизвестного зверя или демона! – уверенно сказал Конан компаньону, – Но она ничего подобного не говорила! Леддар, как обычно, врет.

– Во всяком случае, это выглядит подозрительно, – вынес окончательное решение Мораддин. – Если мы хотим поймать это существо, пригодятся любые сведения… Благодарю вас, господа. Надеюсь, мы больше никогда не увидимся.

– Взаимно, – с кривой улыбкой отозвался Леддар. – Счастливого пути… – он повернулся к подруге и вполголоса быстро произнес: – Линдисса, дорогая, что бы ты не собиралась сказать, держи слова при себе, ладно?

– Пошли, – полугном подтолкнул задумавшегося приятеля и направился к двери. – Если рвануть напрямую, через степь – успеем в Дэлирам раньше каравана.

Он вышел, а его компаньон на мгновение задержался и забрал меч, сверху вниз глядя на парочку притихших и еще не верящих до конца в случившееся мошенников.

– И почему только я тебя сразу не придушил? – задумчиво поинтересовался у Линдиссы варвар. – Насколько бы стало спокойнее жить…

– А пошел ты знаешь куда? – зло процедила женщина. – Не радуйся, я тебе все равно отомщу! Ты мне за все заплатишь! Мерзавец!!

– Неудачница, – отпарировал Конан. Рыжая красавица ошеломленно открыла рот, но, не найдя достойного ответа, бросила взгляд по сторонам. Серебряная ваза все также лежала на

столе, поблескивая гладкими боками. Линдисса подхватила ее и изо всех сил швырнула в спину уходящему варвару.

Видимо, он ожидал подобного прощального знака внимания и успел вовремя выскочить из комнаты. Ваза тяжело грохнулась в захлопнувшиеся створки. Линдисса растерянно посмотрела на закрытую дверь, всхлипнула, затем, будто вспомнив нечто важное, метнулась к распахнутому окну и пронзительно выкрикнула:

– Урка-аш!

* * *

Мораддин стоял на высоком крыльце усадьбы, ожидая замешкавшегося приятеля, и, когда Конан вышел из дома, невинным голосом поинтересовался:

– Надеюсь, там не остались два трупа? Разорванных на кусочки?

– Отвяжись! – зло рыкнул варвар, сбегая по ступенькам вниз и оглядывая двор. Низкорослая кобылка полугнома стояла там, где ее оставил хозяин; один из стражников по-прежнему валялся у колодезного сруба; второй, прикидывавшийся покойником, сумел куда-то улизнуть. Принадлежащие Линдиссе лошади тоже никуда не делись и, не переставая жевать, с любопытством покосились на вошедшего под навес сарая человека. После краткого осмотра Конан выбрал приглянувшегося чалого жеребца и, выведя его во двор, привязал к пустующей коновязи.

– Опять за свое, – горестно констатировал Мораддин. – Тебе что, Султанапура мало? И вообще, что за варварская привычка – постоянно красть лошадей?

Конан, услышав эти слова, снова вспомнил напуганное лицо одного из караванщиков – не купца или охранника, а видимо простого путешественника, заплатившего за место в караване. Лицо насквозь знакомое. Что-то связанное с Султанапуром и лошадьми… Проклятие, кто же это был?!

– А ты что, хочешь, чтобы я пешком прогулялся по такой жаре до города? – огрызнулся киммериец, отбросив тщетные попытки вспомнить имя замеченного во время налета на купцов старика. – Хватит с меня, и так уже три раза туда-сюда мотался! Сейчас седло найду и поедем.

Он скрылся в сарае, откуда вскоре донеслись не слишком сдержанные проклятья по адресу бестолочей-конюхов, вечно распихивающих все так, что нормальному человеку потом нужную вещь отыскать просто невозможно. Затем что-то загремело, упало и в дверном проеме показался варвар с седлом в руках.

– Сзади! – неожиданно выкрикнул полугном, заметив промелькнувший в полутьме конюшни подозрительно пригнувшийся силуэт. – Берегись!

Конан успел бросить короткий взгляд через плечо, уловить блеск стали, а спустя миг он уже стремительно перекатывался по пыльной и твердой земле вытоптанного двора, уходя от обрушивающегося сверху удара. Мораддин вихрем слетел с крыльца, и его длинный, слегка изогнутый на конце клинок с визгом скрестился с кривой туранской саблей неизвестного.

Впрочем, какого там, к Нергалу, неизвестного…

– Уркаш! – не веря своим глазам, заорал варвар. – А ты-то куда лезешь?..

Старый гирканиец, не отвечая и упорно смотря отсутствующим взглядом куда-то прямо перед собой, с непредставимым для его возраста проворством отбивал атаки Мораддина. Какое-то время Конан с искренним восхищением наблюдал за развернувшимся поединком, понимая, что в забытой всеми усадьбе сошлись два настоящих мастера, но затем забеспокоился. Бывшему царскому гвардейцу, конечно, только дай отвести душу и проявить свое незаурядное искусство владения мечом, однако время-то поджимает!

Впрочем, беспокоился варвар напрасно. Мораддин остался верен своему главному принципу – убивать только в крайнем случае. Кривая сабля Уркаша взлетела над двором, описав сложную и вычурную петлю, и воткнулась точно в центр коновязной жерди, заставив чалого жеребца испуганно метнуться в сторону. Уркаш несколько мгновений недоуменно смотрел на свои пустые руки, затем коротко поклонился прямо-таки сиявшему от удовольствия Мораддину, ответившему, между прочим, аналогичным поклоном, и направился вглубь двора, точно сразу потеряв интерес к варвару и его спутнику.

– Уркаш! – не выдержал Конан. – Что за дурацкие шутки? Ты как, на солнце перегрелся? Или перепил?

– Оставь почтеннейшего… э-э… в покое! – немедленно вмешался полугном, но варвар только отмахнулся. В конце концов, именно его внезапно спятивший старикан пытался преждевременно отправить туда, откуда еще никто пока не возвращался!

Уркаш нехотя повернулся, смерил киммерийца взглядом узких прищуренных глазок и точно через силу проговорил:

– Госпожа велела… В письме, и сейчас.

– Что?! Вот сука! – вскинулся варвар, сообразив, что эти слова могли означать только одно – милейшая Линдисса собиралась любым способом избавиться от него, независимо от исхода предприятия. – Ну все! Сейчас эта рыжая стерва у меня получит!..

– Конан, прекрати, – сердито проговорил Мораддин. – Зачем ты так взъелся на бедную женщину?

– Хороша «бедная женщина»! – до глубины души возмутился Конан. – Да ты хоть понял, что она затевала? Этот старый сморчок…

– Будь этот, как ты выразился, «старый сморчок» лет на десять помоложе, мы сейчас с тобой не беседовали. Хороший мастер, – отрезал полугном. – И, помнится, мы собирались в Дэлирам!

– Собирались, – с не предвещавшей госпоже Линдиссе ничего хорошего ухмылкой отозвался варвар и двинулся к крыльцу виллы. – Мы туда и поедем… немного погодя. Или ты отправляйся сейчас, а я догоню попозже.

– Конан, мы обещали отпустить этих людей, – напомнил Мораддин.

– А я их и не задерживаю, – с искренне-недоумевающим видом развел руками Конан. – Что, нельзя сказать очаровательной женщине пару слов на прощание? Да не трясись, не буду я ее убивать! Хотя стоило бы…

– Знаю я твою пару слов, – буркнул полугном. – Таковые почему-то всегда оборачиваются парой мертвецов… Седлай лошадь и поехали! Не ты ли постоянно твердил, что обещания надо выполнять?

– Так я и выполняю… Когда другие не увиливают! – попытался доказать свою правоту киммериец, но Мораддин явно не желал ничего слушать. Пришлось отказаться от мысли тепло и сердечно попрощаться с дорогой Линдиссой и идти подбирать уроненное седло.

– …Еще чуть-чуть – и я окончательно стану честным человеком, – недовольно ворчал

Конан, затягивая подпругу и пытаясь заставить чалого коня спокойно стоять на месте. – Докатился, ничего не скажешь!

– Не вижу в этом ничего плохого, – невозмутимо проговорил бывший гвардеец, забираясь в седло своей низкорослой лошадки.

– Конечно, не видишь! У нас уплыло из рук целое состояние, а ты этого даже не заметил! – варвар с досадой дернул ремень, отчего жеребец беспокойно заплясал на месте. – Что ты вообще видишь? И почто тебе на рудниках не сиделось? Или шел бы к папаше – ковыряться в камнях! Ненавижу гномов!

Говоря так, Конан напрочь позабыл о том обстоятельстве, что причиной, заставившей Мораддина покинуть опостылевшую должность старшего надсмотрщика, послужил он сам и неизбежно следовавшие за ним неприятности…

Мораддин сделал вид, что не расслышал бурчания приятеля, и, тряхнув поводьями, направил кобылку к воротам поместья. Чалый конь после некоторого сопротивления и робкой попытки скинуть устроившегося на его спине человека, смирился и последовал за ней. Ни один из всадников не оглянулся, иначе они бы увидели госпожу Линдиссу, стоявшую в дверях виллы и пристально смотревшую им вслед. Прощальные слова, однако, последовали:

– Катись, катись, киммерийский недотепа! Я еще выпью вина на твоей могиле!

Конан дернулся было, а рука непроизвольно потянулась к мечу, но свирепый взгляд Мораддина заставил варвара утихомириться.

Единственным живым существом, проводившим уезжавших гостей, был Куйо. Пес соизволил даже вылезти из ставшей совсем короткой и незаметной тени и прогуляться вслед за лошадьми. Отойдя на полсотни шагов от поместья, собака уселась на обочине и, вывалив длинный розовый язык, насмешливо посмотрела на проезжавших мимо людей. В карих выпуклых глазах явственно читалось: «Все вы, двуногие – редкостные глупцы. Все носитесь туда – обратно, деретесь, убегаете, все чего-то хотите, и сами не знаете – чего… А я вот сижу спокойно и гляжу, как вы сходите с ума. Самое приятное занятие на свете!»

* * *

…Не доезжая четверти лиги до места, где узкий пыльный проселок сливался с Дорогой Королей, двое всадников свернули направо и рысью поскакали через поросшую высокой пожухлой травой равнину. Над степью поднималось колышущееся полупрозрачное марево полуденной жары, мерный топот лошадиных копыт вспугивал мелких зверьков и птиц, в испуге выскакивавших из травяных зарослей. Всадники ехали в молчании, пока более высокий, пристально вглядевшись в медленно движущееся на горизонте темное пятно, не заявил:

– А вон и караван. Им до города еще ехать и ехать!

– Я же говорил, что мы его обгоним, – отозвался его спутник.

– Ну, обгоним, и что будет дальше? – сердито и явно не в первый раз повторил Конан. – Даммарос, сам говоришь – не дурак, значит, слушать нас он вовсе не станет.

– Тебя, конечно, не станет, – с готовностью согласился Мораддин. – Ума не приложу –

почему же я, несчастный, до сих пор слушаю?

– Купцы непременно поднимут вой, начнут доказывать, что мы пытались их ограбить, – совершенно не внимая словам Мораддина, продолжал варвар. – Кстати, они ведь и тебя видели, так что особо не задавайся. Про ночную тварь мы как не знали ничего, так и посейчас не знаем… Слушай, а может, послать их всех к Нергалу? Заберем Рингу, быстро купим припасы, да рванем подальше?

– Нет, – непреклонно отрезал полугном. – Я не допущу, чтобы караван с подобной мерзостью прошел в Замору или дальше. Не мне объяснять, чем это может обернуться… Если лотоса много – из Аренджуна отрава обязательно потечет дальше, в Аквилонию, Зингару… И про местного загадочного потрошителя мы кое-что знаем. Он же, если останется на свободе, весь город перережет! А вдруг получится изловить или прикончить зверя?

– Ага, так я Леддару и поверил! – с презрением фыркнул Конан. – Он и дорогая вдовушка нам бы и не такое наплели, лишь бы их отпустили восвояси. Ох, дрянь рыжая, интриганка доморощенная… И почему мне так везет на чокнутых женщин? В Султанапуре – Мирдани со Стейной, теперь эта рыжая искательница приключений на свою задницу… Сколько можно?

– Каждый получает то, чего заслуживает, – разумно предположил туранец, не обращая внимания на сердитый взгляд приятеля. – И потом, насколько я понимаю, у тебя в городе есть еще одна подружка. Или даже не одна?

«Интересно, что бы сказал Мораддин, узнай, что на самом деле представляет из себя Ринга? – хмыкнул варвар. – А может, они мигом нашли бы общий язык. Все-таки оба не совсем люди…»

– Ну хорошо, вот мы приезжаем в город, – киммериец вернулся к более насущным делам. – Что прикажешь говорить Даммаросу? Задержи, мол, этот караван и обыщи его сверху донизу? Караван, между прочим, из Турана, Дэлирам – заморийский город, а власть в нем пока принадлежит Короне Немедии. Представляешь, какое веселенькое положение у господина гвардейского капитана? Сделаешь любую ошибку – потом столичные начальники все припомнят. А уж за самовольную остановку каравана на Дороге Королей просто шкуру снимут. Жаль человека, так хорошо начал…

– Разговоры я беру на себя, – уверенно заявил Мораддин, поглаживая выползшую из-под плаща подышать свежим воздухом летучую мышку. – А ты, пожалуйста, постарайся немного помолчать, а? Каждый раз, как ты открываешь рот, дела начинают идти значительно хуже.

– Да куда уж хуже, – буркнул Конан. – Это ж сколько тысяч сейчас удаляются у нас из-под носа и машут ручкой на прощание?

– Варвар и дикарь, – сокрушенно вздохнул Мораддин и наставительно поднял палец: – Когда ты наконец поймешь такую простую вещь, что не все в мире…

– Продается и покупается, – скривившись, закончил фразу киммериец. – Слышал, и не раз. Только вранье все это… Просто надо знать точную цену.

Полугном тяжко вздохнул, показывая, насколько ему противны подобные рассуждения, задрал голову и, прищурившись, глянул на ослепительный диск солнца, неподвижно застывшего в зените:

– Давай-ка галопом. Нам еще с господином градоначальником беседовать, а это, чует мое сердце, будет дело долгое…

Кони прибавили шагу и вскоре впереди показалась узкая полоска блеклой зелени с

вкрапленными кое-где цветными пятнами домов. Всадники приближались к крохотному городку, внезапно вырванному из обычного полусонного состояния и ставшему местом необычных и загадочных происшествий. Возможно, сегодняшний день расставит все по местам, и Дэлирам вновь надолго погрузится в дремоту, а, может быть, нынешний печальный эпизод послужит началом для новой цепочки непредсказуемых событий?

Скучавший на окраине городка немедийский патруль немного удивился явлению неизвестно откуда выскочившей подозрительной пары обвешанных оружием наемников, но ничего не успел предпринять – незнакомцы, безжалостно погоняя лошадей, вихрем пронеслись мимо и свернули в ближайшую улочку, явно направляясь к казармам немедийского полка.

В казармах Даммароса не оказалось. Встрепанный и задерганный караульный на все вопросы только отмахивался и, наконец, высказал предположение, что капитан находится в доме бывшего градоправителя.

– Поехали, – решительно сказал Мораддин, терпеливо выслушав сбивчивое и не совсем вразумительное объяснение, как отыскать этот самый дом. – Надо поторапливаться!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Варвар и Мораддин добрались до дома покойного градоправителя как раз вовремя – расположившиеся на площади немедийские гвардейцы, громко перекликаясь, выстраивались в колонну, явно собираясь куда-то отправиться. Капитан Даммарос стоял возле массивных входных дверей, беседуя с двумя субъектами важного вида, скорее всего, местными купцами. Даже издалека было заметно, что происходящий разговор немедийцу вовсе не по душе, и только необходимость не позволяет послать говорливых купцов ко всем демонам да уйти в дом.

На подъехавших Конана и Мораддина никто не обратил даже малейшего внимания. Они беспрепятственно приблизились к собеседникам и спешились. Привлеченный раздавшимся неподалеку шумом, Даммарос оглянулся, скривился, увидев, кто именно приехал, и, отрывисто бросив что-то недовольным купцам, направился к новоприбывшим.

– Явился! – сердито сказал он варвару вместо ожидаемого приветствия. – Только тебя мне к прочим бедам не хватало! Пошли, поговорим…

Немедиец махнул рукой своим людям на площади, приказывая трогаться с места, а сам, прихрамывая, вошел в дом градоправителя.

– Что с ним такое приключилось? – удивленно спросил киммериец. – И впрямь взбесился, разве только не кусается…

– Сейчас узнаем, – отозвался полугном. – Но мне кажется, почтенного градоправителя наше появление совершенно не обрадовало.

Двое стражников, переминавшихся с ноги на ногу возле дверей, с удивлением взглянули на странных посетителей, однако пропустили их без единого слова. Даммарос ожидал искателей приключений в пустой и удивительно уныло выглядевшей комнате, раньше, видно, служившей помещением для многочисленных писцов городской управы. Теперь же длинные, казенного вида столы были придвинуты к стенам, за исключением одного, за которым восседал хмурый капитан немедийцев. Мораддин, оглядевшись по сторонам, занял подозрительно поскрипывавшее кресло. Конан предпочел устроится на узком подоконнике распахнутого настежь окна – кто его знает, как повернется разговор, а иметь путь для отступления никогда не помешает.

– Ну? – мрачно поинтересовался Даммарос. – Какие гадости вы мне припасли на этот раз? Давайте, не стесняйтесь, выкладывайте!

– Да чего ты вызверился? – недоуменно поинтересовался киммериец. – Опять кого загрызли?

– Нет, – отрицательно покачал головой Даммарос. – Спасибо и на этом… Кстати, я ожидал, что ты приведешь мне ночное чудовище на веревке, – едко напомнил он. – А я не вижу никого, кроме твоего друга.

– Погоди, теперь не до чудовища, – отмахнулся варвар. – Лучше послушай, мы разузнали для тебя интереснейшую историю…

И двое авантюристов, иногда перебивая друг друга, принялись излагать, скрывавшиеся прежде в глубокой тени, подлинные причины событий, случившихся в тихом городке за последние три дня. Выполняя данное обещание, Конан и Мораддин умолчали об участии в заварушке Линдиссы и ее живучего приятеля, хотя пару раз варвар чувствовал сильнейшее искушение рассказать о проделках рыжей вдовушки. Наверняка несостоявшиеся заговорщики

уже успели покинуть виллу «Кипарисы», так что справедливое возмездие им не грозит. Однако, думать, что находятся в полной безопасности Линдиссе и Леддару не придется! Они наверняка двинулись в Туран, памятуя о том, что в Заморе неудачливых прохвостов не ждет ничего хорошего, а Даммарос всегда может дать знать аграпурским властям о беглых мошенниках. Уж что-что, а в Туранской Империи, надо признать, прекрасно умеют ловить злоумышленников. Уж если умудрились изловить однажды даже Конана, то Леддар и рыжая красотка вряд ли смогут далеко уйти…

По молчаливому соглашению не прозвучало и единого слова о неудачливом нападении в ущелье на Дороге Королей. В слегка приглаженном изложении главными виновниками произошедшего стали те, кому уже ничто не могло повредить – покойный Гебер и его дружки. О загадочной твари тоже временно умолчали: Конан потому, что не особо поверил в слова Леддара, а Мораддин, похоже, считал, что в данной ситуации важнее задержание каравана, чем поимка ночного убийцы.

– Значит, караван? – переспросил Даммарос, когда несколько путаное из-за наскоро вносимых изменений повествование подошло к концу. Капитан немедийцев выглядел куда более уставшим, нежели в тот момент, когда отделывался от назойливых купцов на крыльце дома. – Караван с самым настоящим серым лотосом?

– Совершенно точно, – подтвердил Конан. – Из-за него все и перегрызлись – никому не хотелось делиться.

– И караван скоро войдет, если уже не вошел в Дэлирам, – подхватил Мораддин. – Купцов необходимо остановить и досмотреть!

– Необходимо, – уныло согласился немедиец. – Только…

Он неожиданно подобрался и внимательно взглянул на варвара:

– Только скажи мне сперва одну вещь – где ты находился вчера ночью?

«Сначала в одной уединенной подозрительной усадьбе, потом в городе и снова вернулся в усадьбу,» – мысленно отозвался киммериец, но, поскольку такой ответ ну совершенно не согласовывался с недавним живописным рассказом, предпочел более расплывчатое:

– Да нигде… У приятеля.

– Чьего имени, разумеется, не скажешь? – не отставал Даммарос, и Конан насторожился, почуяв неладное:

– А в чем дело?

– В том, что вчера ночью – точнее, сегодня рано утром – некий разбойник напал на одного из жителей города, – медленно проговорил гвардейский капитан. – Напал с явным намерением прикончить… Но не добился желаемого и скрылся.

– Ну и дальше что? – не понял варвар. – Вроде, именно ты отвечаешь за порядок в городке, вот и лови на здоровье своего злоумышленника.

– Нападавшего узнали, – серьезно продолжал немедиец, не обратив внимания на подначку наемника. – Это – ты.

– Я? – Конан от неожиданности спрыгнул с окна. – Я на кого-то напал? Интересно знать, на кого же?

– На известную в городе госпожу Линдиссу, вдову месьора Райнака, – последовало в ответ, и Мораддин, поняв, что сейчас разразится буря, поторопился вмешаться:

– Подобное совершенно исключено. Могу поклясться своим честным именем («Пока еще честным», – мрачно добавил про себя полугном), что у моего компаньона не имелось никаких веских причин для нападения на эту женщину.

– Но ты ее знаешь? – уточнил Даммарос, посмотрев на Конана. – Ведь правильно?

– Ну знаю, – буркнул киммериец. Вот ведь змея подколодная! И здесь не забыла поставить ловушку! Нет, надо было не обращать внимания на Мораддина и прикончить проклятую рыжую ведьму!

– Честно говоря, мне самому в подобное не слишком верится, – после некоторого молчания признался Даммарос и задумался, а парочка возмутителей спокойствия ждала, что предпримет градоправитель. Наконец, капитан немедийской гвардии решительно стукнул ладонью по столу:

– Вот что. По-моему, вы сейчас изрядно наврали, хотя я совершенно не понял, в чем именно и с какой целью. Знаете, что мне больше всего хочется сделать? – мрачно вопросил Даммарос и сам ответил: – Засадить вас обоих куда-нибудь… Желательно туда, где двери покрепче и открываются только снаружи. На пару деньков, чтобы глаза не мозолили. А потом убирайтесь на все четыре стороны…

– Сбегу, – сразу честно предупредил Конан. – И вообще – за что? Мы тебе преподносим прекрасную возможность выбраться из здешнего болота, а ты? Скотина неблагодарная…

– Власть обычно плохо влияет на людей, – с коротким смешком сообщил Мораддин. – Но, как мне кажется, месьор капитан не собирается выполнять свою угрозу…

– Как вы мне все надоели, – вздохнул Даммарос. – Знаете, почему я не стану запирать вас в темную? Потому что ваши сплетни о караване очень похожи на правду.

– Это и есть правда! – возмутился киммериец, но Даммарос раздраженно махнул рукой в его сторону и безрадостно сообщил:

– Только я все равно ничего не могу сделать.

– Как? – оторопел полугном. – Ты же единственная власть в городе!

– Правильно, – согласно кивнул капитан немедийцев и криво усмехнулся: – Власть… Все, что я могу – приструнить лавочников да присматривать, чтобы горожане не резали друг друга. А права досматривать проходящие караваны у меня нет.

– Да какое сейчас может быть право? – раздраженно бросил Конан. Истинной причиной его недовольства послужило сознание того печального обстоятельства, что караван с товаром уйдет-таки в Аренджун. А он собирался сделать все, чтобы такого не случилось. Уж если сокровище не досталось ему – оно не достанется никому! – В городе же военное положение! Придумаем что-нибудь, скажем, что…

– Нет, – оборвал Даммарос. – Послушайте, следует наконец понять: не сегодня – завтра о случившемся станет известно в Аренджуне, примчится назначенный королевским наместником законный градоправитель… Что тогда станется со мной? Мне и так обеспечен пяток лет за решеткой за самоуправство, а когда выяснится, что я самовольно устроил обыск туранского каравана? Мне, знаете, еще пожить охота.

Конан и Мораддин переглянулись – опасения немедийца были вполне обоснованы. Любой человек в первую очередь опасается за собственную шкуру, и уж вдвойне стоит за нее опасаться, если вы схватили за хвост тигра и пытаетесь его удержать. Именно этим и занимался Даммарос.

– Вот так, – разочарованно протянул киммериец. – Это даже не обычное «не повезло», а что-то гораздо худшее… Мораддин, что станем теперь делать?

Бывший гвардеец открыл рот, явно собираясь разразиться речью и убедить Даммароса изменить решение, но тут из коридора донеслась какая-то возня и обрадованный голос стражника, маявшегося под дверями, окликнул:

– Эй, красотка, ты куда собралась? К господину градоправителю сейчас нельзя! Постойка лучше снаружи, а я доложу…

Затем раздался грохочущий звук, неминуемо сопровождающий падение человека в полной военной амуниции. Трое в комнате недоуменно переглянулись, наемники привычно потянулись за мечами, но тут дверь открылась, издав протяжный скрип, и внутрь вошла невысокая черноволосая девушка.

– Так и знала, что все вы сидите здесь, – удовлетворенно заявила она.

– Ринга, а тебе-то что понадобилось? – удивился Конан, признав свою неугомонную подружку. – Зачем пришла?

– Мне показалось, будто у вас возникли трудности, – безмятежно пояснила рабирийка, подходя к столу. – И что я смогу немного помочь в их преодолении.

– Это каким образом? – с некоторым недоумением поинтересовался полугном.

– Ну хотя бы вот таким, – только сейчас варвар обратил внимание, что девушка держит в руке пергаментный свиток. Рабирийка бережно положила его на стол, а сверху опустила маленький поблескивающий предмет.

Варвару не часто приходилось так сильно удивляться, как сегодня. Впрочем, покосившись на своих собеседников, он понял, что не остался в одиночестве – у Даммароса и Мораддина были такие же широко открывшиеся глаза и полуоткрытые рты, как у него самого.

На столе, заляпанном чернильными кляксами, лежало, тускло отсвечивая золотом, массивное кольцо, на печатке которого свернулся крохотный оскалившийся дракон, широко раскинувший крылья.

Знак наивысшей военной власти Немедии.

* * *

– Караван с лотосом, – задумчиво повторила Ринга. – Я так и думала, что должно всплыть нечто в этом роде… Отлично задумано – устроить переполох и под шумок провернуть свои делишки!

Ей никто не ответил. Даммарос находился в состоянии, близком к легкому умопомешательству и сейчас сидел, обхватив обеими руками голову и даже, кажется, тихонько подвывал. Превращение прежде разыскиваемой подружки подозреваемого в нескольких убийствах и грабежах наемника в представительницу королевской власти Немедии – это оказалось немного слишком для его и без того истрепанных нервов. Однако против очевидного не попрешь – на столе лежал исключительно солидный документ, подтверждавший право «предъявителя сего распоряжаться всеми военными частями королевства Немедия, независимо от страны и города, в которых они расположены», скрепленный личной печатью всесильного командующего лучшей армии в закатных странах. И лучшей тайной разведки, если на то пошло…

В самом низу пергамента было красиво выписано: «Прочел и согласился. Нимед, король и повелитель Немедии.»

На бесстрастном лице Мораддина ничего не отразилось – видимо, он хотел показать,

что в хэрде Илдиза иногда творились не менее загадочные дела, а лично ему доводилось видеть кое-что и похлеще.

Что же до Конана…

Варвару хотелось сделать одновременно несколько прямо противоречащих друг другу вещей – отыскать где-нибудь тихое и спокойное место, где его хоть ненадолго оставят в покое; схватить рабирийку и трясти до поры, пока она не признается, что означают все эти идиотские выкрутасы; пойти и напиться… Последнего хотелось больше всего.

– Что приуныли, господа? – девушка хмыкнула и окинула молчаливую троицу откровенно насмешливым взглядом желтых глаз: – Даммарос, честное слово, не стоит так сильно убиваться. Повышение тебе обеспечено, я за этим пригляжу. Хочешь должность при дворе? Или в Академии в Бельверусе?

– Великий Митра, – выдавил из себя градоправитель. – Ну почему все именно на мою голову?..

– Ох, какие же вы все ранимые, – фыркнула Ринга. – Ладно, хватит сидеть! Почтеннейший Мораддин, – она повернулась к полугному. – Во всей этой теплой компании вы один выглядите способным действовать. Составите мне компанию, не могу же я идти и захватывать туранский караван в одиночку?

– Конечно, – обрел дар речи бывший гвардеец и удивленно посмотрел на своего необычно притихшего компаньона. – Конан, тебе стало нехорошо?

– А что случилось? – встревожилась девушка.

– Его… Его по голове ударили, – нехотя признался полугном, не уточняя, где и при каких обстоятельствах произошло сие печальное событие.

– Бедный ты мой, – сочувственно протянула рабирийка глядя на варвара, однако в ее голосе слышался плохо скрываемый смех. – Вечно-то тебе достается…

– Сейчас крупно достанется кому-то другому, – мрачно пообещал варвар. – Ринга, как прикажешь все понимать?

– Потом, – неожиданно резко сказала девушка. – Если ты захочешь, мы поговорим обо всем попозже… А пока нам необходимо поскорее задержать караван. Даммарос! – немедиец с трудом поднял голову и уставился на рабирийку. – Где останавливаются приходящие в Дэлирам караваны? На рыночной площади?

– А? – Даммарос явно не понимал, о чем его спрашивают. – Чего?

– Я полагаю, что в караван-сарае, – предположил Мораддин. – Я видел здесь один такой.

– Хорошо, – кивнула рабирийка. – Поехали туда. Боги, да что это со всеми вами? Окаменели? Давайте, просыпайтесь!

Немедиец наконец сумел взять себя в руки и вразумительно проговорил:

– Караван должен стоять на постоялом дворе возле Дороги Королей и ждать местных писцов, которые проверяют подорожные листы и собирают налоги…

– Даммарос, а ты, оказывается, сообразительный, – с ехидцей похвалила гвардейского капитана девушка. – Значит, поступим следующим образом – ты командуешь, а мы тебя всемерно поддерживаем. Если туранцы попытаются брыкаться – я с ними разберусь. Не станут – нам же легче. Так мы идем или будем здесь сидеть до конца света?

Ринга решительно направилась к двери, даже не оглянувшись, чтобы посмотреть, следуют ли за ней остальные. Мораддин тихонько хмыкнул и обратился к Конану:

– Расскажешь мне как-нибудь, где раздобыл эдакое сокровище?

– Отвяжись, – только и сказал варвар. – Знаешь, мне постоянно начинает казаться – или

весь мир сошел с ума, или я сам свихнулся…

У полугнома явно вертелся на кончике языка язвительный ответ, но, взглянув на приятеля, он решил на этот раз для разнообразия промолчать.

* * *

Вскоре от дома градоправителя отъехали четверо всадников, рысью направившихся в предместья городка, туда, где на обочине Дороги Королей приютился недавно выстроенный караван-сарай. По пути к ним присоединился разъезд немедийской гвардии, числом в три или четыре десятка прекрасно вооруженных военных. Отряд с грохотом пронесся по улицам, пугая шарахавшихся к стенам домов горожан, и, не замедляя хода, ворвался в обширный двор гостиницы для путешественников.

– Какая радость, все в сборе, – вполголоса заметила возглавлявшая отряд девушка.

Ринга не ошиблась – пыльное пространство перед входом в караван-сарай занимали лошади, лежавшие верблюды и шнырявшие между многочисленными животными люди. Прибытие гвардейцев не осталось незамеченным, караванщики зашушукались, кто-то вбежал в дом, на ходу зовя старшего над караваном.

Отряд спешился, Даммарос и державшиеся позади него наемники остановились посреди двора, оглядываясь, и почти сразу же навстречу им вышел средних лет туранец, явно обрадовавшийся при виде представителей законной власти.

– Нухайб, – узнал его Даммарос. – Он часто тут проезжает. Пили вместе несколько раз. Обычно под его началом охрана караванов…

Туранец, похоже, не ожидал, что нынешняя власть будет представлена немедийским капитаном, ранее распоряжавшимся только в своем гарнизоне, но, после краткого размышления, решил – лучше Даммарос, чем никто.

– Приветствую уважаемого… – начал начальник каравана, но вдруг внезапно онемел, воззрившись на Конана будто на посланного Сетом демона, и сложил пальцы в знак, защищающий от нечистой силы.

– Он же мертв!

– Простите, почтеннейший Нухайб, кто мертв? – поднял бровь Даммарос, с удивлением глядя на побледневшего туранца. Тот вытянул трясущуюся руку, ткнув в сторону стоявшего за спиной немедийца и безмятежно улыбавшегося Конана:

– Вот этот! Разбойник!

За спиной капитана послышалось приглушенное фырканье Мораддина и полугном вежливо потянул капитана за рукав:

– Понимаешь ли, – осторожно начал Мораддин. – Вышло небольшое недоразумение…

– Какое, к Нергалу, недоразумение?! – взвыл караванщик. Привлеченные его воплями охранники и купцы заинтересовались и начали сходиться к месту событий. – Я и сам прекрасно вижу, что этот выкормыш раваха никакой не демон, а самый настоящий грабитель!.. Он и его шайка напали на караван неподалеку то города!

– Вот как? – капитан круто развернулся к Конану. – Полагаю, ты в спешке просто позабыл рассказать эту часть своей занимательной истории?

Окружившие немедийца и его спутников караванщики подняли возмущенный гвалт. Слишком многие, как и предсказывал Мораддин, запомнили внешность главаря нападавших.

– Верно, верно! – слышались возгласы. – Этот черноволосый был предводителем! И коротышка с ним! Господин капитан, задержите разбойников!

Мораддин смутился и опустил глаза. За все время его жизни и службы в гвардии его называли по-всякому, но чтобы «разбойником»… Еще десяток-другой дней в компании этого ненормального варвара – и некогда образцовый воин туранской гвардии превратится в ее позорище…

Даммарос укоризненно покачал головой и язвительно проговорил:

– Я, конечно, немного наслышан об аграпурском хэрде, но представить, что бывший капитан армии владыки Илдиза выйдет на большую дорогу, как последний грабитель… Уважаемый Мораддин, может быть, тебе все-таки стоит немножко посидеть под замком вместе с приятелем? Подумаете, вспомните все позабытое, а потом расскажете мне настоящую историю вашего появления в Заморе… Желательно со всеми подробностями.

– Отвяжись от человека! – прошипел Конан. – Мы все делали для твоего же блага!

– Нет, вы только подумайте! – возмущенно заорал начальник охраны, расслышавший слова киммерийца. – Они разбойничали для блага Немедийской короны! Да что же творится на дорогах в этой стране?

Даммарос понял, что если немедля не взять инициативу в свои руки, то туранцы схватятся за оружие. Следовало что-то предпринять, иначе и ему, и двум наемникам предстоит быть если не растерзанными, то изрядно помятыми взбешенными караванщиками.

Ринга, до того молчаливо наблюдавшая за разворачивающимися событиями, опередила капитана, шагнув вперед, и непререкаемым тоном отчеканила:

– Нам стало известно, что ваш груз несколько отличается от указанного в подорожной. Этим людям было поручено задержать ваш караван, однако они не сумели выполнить задания. Поэтому немедийские власти вынуждены будут осмотреть тюки.

– С каких пор всякое бабье… – начал было Нухайб, покраснев от ярости, но неожиданно ему на плечо легла тяжелая рука Конана:

– Заткнись, – грозно прорычал варвар. – И слушай, что говорят! Она, – Конан кивнул в сторону Ринги, – в этом городишке сейчас главнее всех капитанов и предводителей стражи! Сказано, что нужно осмотреть – значит, будем смотреть!

– Спасибо, – невозмутимо кивнула девушка и, в упор посмотрев на растерявшегося охранника, вкрадчиво проговорила: – Не заставляйте нас прибегать к силе…

Даммарос, прекрасно понимая, что сейчас либо Нухайб смирится с неизбежным, либо призовет своих к оружию, оглянулся на солдат. Немедийцы, в кои веки вовремя сообразив, что именно требуется, подняли самострелы, направив оружие на караванщиков.

– Расходитесь! – рявкнул Конан, беря командование на себя. Нерешительность капитана грозила обернуться срывом всего дела. Даже присутствие Ринги и строжайший приказ из Бельверуса не могли заставить Даммароса совершить откровенно противозаконное действие – досмотр груза должны производить только королевские чиновники, предъявив сначала надлежащие бумаги.

Туранцы, возмущенно переговариваясь и зло поглядывая на немедийскую гвардию, расползлись по двору, купцы бросились к верблюдам, дабы не допустить откровенного грабежа, в который часто выливался пограничный досмотр. Больше всего караванщиков

возмущало то обстоятельство, что грабитель и разбойник – к великому сожалению, оставшийся в живых – сейчас вовсю распоряжается, а представитель власти и ухом не ведет, словно так и надо! Однако самострелы гвардейцев недвусмысленно говорили: «Начнете бунтовать – пожалеете.» Нухайб, смекнув, что охранная полусотня (и то после нападения в ущелье неполная) вряд ли сможет противостоять гвардии, предпочел подчиниться.

– Ищите! – возмущенно взмахнул руками начальник охраны. – Что найдете недозволенного – все ваше!

– Согласен, – кивнул Конан и направился к ближайшему верблюду, вынимая нож. Долгое время занимаясь контрабандой, варвар прекрасно изучил все возможные тайники и сейчас не сомневался – лотос (если Линдисса с приятелем снова не обвели его вокруг пальца!) будет найден. Одно плохо – Мораддин не позволит прихватить и крупинку. Вон он, маячит за спиной, не отходя ни на шаг. Похоже, потомок гномов всерьез задался изначально невыполнимой целью – перевоспитать своего компаньона и попутчика.

* * *

Верблюд, лежавший в пыли на полусогнутых ногах, неодобрительно воззрился на приближающихся к нему темноволосого громилу и невысокого бородача, но остался на месте, даже не пытаясь дернуться. Зато хозяин зверя… Конан, обомлев, застыл при виде сморщенной физиономии и моментально вспомнил, кем был отдаленно знакомый человек, замеченный в ущелье. Возмездие не заставило себя ждать.

– Великий Митра и все боги Шема! – богато одетый бородатый старец воздел руки, будто в молитвенном жесте. – Почему мне вечно приходится терпеть такое наказание? Ты, молодой человек, что, специально бегаешь за мной? Разве ты еще не в тюрьме?

– А ты разве еще не помер? – спросил в ответ Конан. Ну конечно, как можно было сразу не признать старого султанапурского знакомца! Проклятый зануда-шемит, владелец дома госпожи Стейны, давней подруги варвара! Нергал и все демоны Серых Равнин, его-то каким ветром сюда занесло?

– Как же я могу умереть, не навестив родственников? – воскликнул шемит, мало обращая внимания на тоскливое выражение лица киммерийца. – Едва мне возместили убытки за сожженный тобой, юноша, дом, я собрался в Асгалун. Ну ты знаешь, это в Шеме… Какая досада, что я не захватил с собой своего племянника, он ведь лекарь! Твоя голова все также плоха?

– Кром! – взвыл Конан, краем уха улавливая сдавленный смешок Мораддина за спиной. – Уйди с глаз долой! Убью!

– Зачем убивать? – возмутился шемит. – Что плохого я тебе сделал? – тут старец узрел другое знакомое лицо и набросился на Мораддина: – Юноша, разве я не просил тебя присмотреть за своим болезненным другом? Ты подумай, он вовсе помешался! Или я не прав?

– Конечно, прав, почтеннейший, – с трудом подавив смех, подтвердил Мораддин. – Но, к сожалению, у нас нет денег на лекаря…

– Вы поэтому напали на караван? – сочувствующе поинтересовался шемит. – Нет, и не

просите, я не стану ничего одалживать! Мой двоюродный брат в Султанапуре – его зовут Енох, разве ты не знал? – так вот он ростовщик! Можете съездить к нему и одолжиться. Он берет самые низкие проценты в городе…

– Обязательно съездим, – сгибаясь от хохота едва не вдвое, простонал Мораддин. – Конан, может быть, друга госпожи Стейны мы осмотрим в последнюю очередь?

– Конечно, конечно, – со странной поспешностью согласился варвар и быстро направился к следующему верблюду. Шемит без умолку болтал:

– Только подумайте, какие несчастные молодые люди! Вынуждены пойти в разбойники, чтобы раздобыть несколько золотых на лекаря! Даже я, при всей своей нищете, бедствуя и голодая, никогда не пошел бы грабить – разве так можно? Столько бедствий всего за три десятка дней! Сожгли дом, украли лошадь… Прикажете идти нищенствовать или как?..

– Ненавижу шемитов! – мрачно буркнул под нос Конан. – Туранцев ненавижу! И немедийцев! И вообще всех!

Мораддин, прыская в кулак, покосился на приятеля и поинтересовался:

– И не тяжело тебе?

– Гномов тоже ненавижу! – рявкнул варвар, вызвав тем очередной приступ неудержимого хохота у Мораддина.

Тем временем Конан, наплевав на возмущенное оханье купца, резко взмахнул ножом и распорол погруженный на верблюда тюк. Искоса наблюдая за караванщиком, варвар не заметил никаких признаков особого беспокойства, кроме вполне понятной тревоги за сохранность товара. Значит, туранец не везет ничего предосудительного, а, вполне возможно, попросту не знает, что именно может содержаться в тюке.

Водопад шелковой ткани и аграпурской парчи низвергся в пыль. Мораддин и подошедшие поближе Даммарос с Рингой наблюдали, как варвар копается в куче пестрого тряпья, разматывая свертки и пинками отшвыривая просмотренное в сторону. Наконец капитан не выдержал:

– Сколько можно меня дурачить! Сначала наплели про какой-то заговор! Потом совершили попытку разбоя! А сейчас хотят найти то, чего нет! Теперь я вас точно повешу, несколькими днями под стражей не отделаетесь!..

– Помолчи, Даммарос, – тихо и зло проговорила девушка. – Ты, видимо, хочешь всю оставшуюся жизнь провести в Дэлираме, командуя пограничным гарнизоном? Между прочим, Дэлирам – местечко еще неплохое, а специально для тебя начальник гвардии отыщет дыру, рядом с которой здешний городок покажется блистательной столицей…

– Они же наверняка врут! – возмутился несколько струхнувший от подобной угрозы капитан. – Как ты не понимаешь!..

– Есть! – вдруг резко выкрикнул Конан. В сердцевине одного из последних свертков обнаружилась маленькая костяная коробочка, плотно обвязанная крученым шнурком. Варвар повернулся к купцу и, показав добычу, грозно вопросил:

– Твое?

– Нет, – туранец побледнел и попятился. – Ткань упаковывали без меня… Откуда я знаю, что туда напихали! Мое дело – доставить товар заказчику в Аренджун и все!

Ринга подошла к Конану, переступая через разбросанные повсюду свертки ткани, и брезгливо взглянула на резную шкатулку:

– Это она и есть? Открывай, посмотрим…

Варвар разрезал шнурок ножом, сорвал восковую печать и поднял крышку. Внутри

находился мелкий серовато-бурый порошок. Коробка была заполнена им доверху.

«Надо же, из-за этой гадости и получился весь бардак! – подумал Конан, с легким удивлением рассматривая кхитайскую отраву. – Кром и все боги! Да за эти крупицы мне могли отвалить столько, что я бы безбедно прожил до самой старости и оставил детям огромное наследство! А все Мораддин с его дурацкой честностью!»

– Попробуем, – проворчал варвар и, послюнявив палец, ткнул его в шкатулку. – Говорят, хорошо пробирает…

– Конан!! – заорал Мораддин, наблюдая, как компаньон подносит палец ко рту. – Остановись!

Потомок гномов одним прыжком преодолел расстояние до Конана и ударил его по руке, в которой тот держал коробочку с зельем. Шкатулка улетела в сторону, варвар издал недовольный возглас, а драгоценный порошок лотоса просыпался в пыль и, подхваченный ветерком, разлетелся по двору.

Варвар неодобрительно посмотрел на Мораддина, постучавшего себя пальцем по лбу, словно говоря: «Шемит совершенно прав – сходи к лекарю!»

– Ну, кто врал? – обратился Конан к Даммаросу. – Теперь тебе наверняка обеспечено повышение по службе. Прикажи своим обыскать все. А начальника охраны и старшего из купцов я бы непременно допросил… С пристрастием.

Спустя некоторое время двор караван-сарая стал похож на самую необычную в мире лавку торговца тканями, где товары раскладываются прямо на земле. Горестные причитания купцов, у которых сердце обливалось кровью при виде того, как немедийцы безжалостно топчутся прямо по дорогим шелкам, смешивались с азартными воплями гвардейцев, обнаруживавших все новые и новые коробочки.

Мораддин и воспрявший духом Даммарос набросились на изрядно растерявшегося Нухайба, выпытывая у него все подробности отправки каравана из Аграпура. Конан присоединился к обыскивающим караван гвардейцам, испытывая нечто вроде злорадного удовольствия – все-таки удалось утереть нос умникам из Аренджуна! Ринга крутилась между вскрывавшими тюки немедийцами и вопящими караванщиками, вроде бы просто глазея на разгром… Однако вскоре в толчее раздался чей-то пронзительный крик и девушка выскочила на открытое пространство, подталкивая впереди себя ничем не примечательного туранца с безжалостно заломленной назад рукой.

– Этот что-то знает, – коротко сообщила она, пинком отправляя свою добычу к Мораддину, и снова юркнула в шумную толпу. Выловленный рабирийкой купец хотел было рвануть в сторону, но наткнувшись на ласковый взгляд бывшего гвардейца Илдиза замер как вкопанный. Коротышка не выглядел грозно, однако туранец мгновенно понял – с этим бородачом может связаться только помешанный… Такие глаза и добрая улыбка встречаются лишь у людей умеющих убивать столь же хорошо и привычно, как пить воду или расплачиваться с трактирщиком.

Из караван-сарая вынесли стол, на котором немедленно начала расти горка маленьких резных шкатулок. Попутно обнаруживались и еще кое-какие запрещенные к провозу мелочи, вроде дурительной травки для кальянов или вендийских ядов, пользовавшихся большим спросом у придворных всех стран мира или у молодых красавиц, которым опостылели мужья…

– Но я всего лишь бедный одинокий старик, собравшийся в гости к родственникам! Я мирно еду в Асгалун, это в Шеме, вы разве не знали?! – перекрыл царивший во дворе шум

дребезжащий старческий фальцет, и Конан, бросив наполовину распотрошенный тюк, направился к источнику звука, решив не отказывать себе хоть в этом маленьком удовольствии – посмотреть, как будут осматривать имущество старого шемита. Тот уже успел слезть с верблюда и теперь стоял рядом, горестно причитая:

– Я заплатил сотню золотых, чтобы ехать с этим караваном, и что же? Сначала грабители, потом снова грабители, но уже другие!..

Тут старец заметил ехидно ухмылявшегося киммерийца. Конан откровенно любовался.

– А, молодой человек, так это твоих рук дело? Ты, наверное, решил посвятить свою жизнь тому, чтобы доставлять другим как можно больше несчастий?

Гвардейцы перестали увлеченно перетряхивать вскрытые узлы и с интересом прислушались к жалобам говорливого старикана:

– Юноша, разве папа с мамой никогда не говорили тебе, что нехорошо забирать принадлежащее другим? Скажи, сколько несчастных не вернулось домой, к жене и маленьким детям по твоей вине?

«Много! – мысленно согласился Конан. – А насчет того, чему меня учили папа с мамой… Это разговор особый и долгий.»

– Кстати, не ты ли прислал госпоже Стейне золото для покрытия расходов по постройке нового дома? – не унимался шемит. – Конечно, этот поступок заслуживает всяческого одобрения, но откуда ты достал эти деньги? Считаешь, будто я подумаю, что ты заработал эти деньги честным трудом?

«Хоть одно хорошее известие, – подумал варвар. – Значит, шейх Джафир выполнил обещание… Надо же, отыскался один-единственный человек, не отступающий от данного слова, и тот – шейх какого-то занюханного оазиса!»

– Скольких, юноша, ты заставил пойти с сумой ради помощи своей подруге?! – скорбно воскликнул старец, заламывая руки, но, неожиданно позабыв о своей проповеди, накинулся на гвардейца с воплем: – Это мое! Ты же не лишишь бедного нищего старика тех немногих сбережений, что ему удалось скопить за всю тяжелую и безрадостную жизнь?..

– Полную лишений и страданий, – вполголоса проговорили рядом, сопроводив слова тихим смешком. Конан оглянулся – за спиной стояла Ринга, восхищенно любуясь на перебранку шемита с немедийцами. – Это и есть тот тип, которого вы с Мораддином повстречали в Султанапуре?

– Он самый, – подтвердил варвар.

– Я бы тоже его убила, – согласилась рабирийка, еще немного послушав сетования шемита и перечисление многочисленных бедствий обрушившихся на него после знакомства с Конаном. – Но это подождет, а вообще-то я ищу тебя. Пойдем, надо поговорить…

– Юноша, неужели ты успел так быстро позабыть погибшее по твоей вине несчастное дитя? Та бедная девушка с хорошим приданым, которую ты похитил из родительского дома? – от взгляда старца не ускользнуло появление нового лица. – Или твоя душа окончательно очерствела от творимого постоянно разбоя?

– Окаменела, – буркнул киммериец. – Вот сейчас прибью тебя – и даже жалеть не буду…

– Деточка! – трагически воззвал шемит к рабирийке. – Как же ты согласилась связать жизнь с таким бессердечным молодым человеком? Он однажды украл у меня лошадь, только представь? Разве не было лучшего выбора?

– Действительно, – удивленно спросила Ринга. – И как меня угораздило?

Она подумала и решительно заявила:

– Наверное, по чистой случайности – оказался под рукой. Надоест – найду другого, а этого зарежу, и все разговоры…

Старец растерянно открыл рот, снова закрыл, не найдя, что сказать, а варвар и его спутница тем временем скрылись в шумной толчее.

Мораддин и Даммарос обнаружились возле выбеленной стены караван-сарая, у стола, заваленного горой разнообразного недозволенного к провозу барахла. Драгоценные шкатулки лежали отдельно, сложенные аккуратной горкой. Немедиец сосредоточенно пересчитывал костяные коробочки, прикидывая, сумму, в которую может быть оценена эта потрясающая добыча.

– Всего везли три десятка, или три с половиной, – мрачно сообщил Даммарос. – Сначала не догадались посчитать, а теперь пес его знает, сколько было на самом деле… Кажется, все нашли.

Конан благоразумно промолчал о том, что содержимое по меньшей мере двух коробочек, под шумок переместившееся в ничем не примечательный кожаный мешочек, лежало в его собственной седельной сумке. Чтобы там не твердил потомок гномов, а о себе забывать никогда не следует!

– И что вы собираетесь делать со всем этим лотосом? – поинтересовался варвар, указывая на собрание шкатулок.

– Сжечь! – немедленно отозвался Мораддин. – Причем сейчас же и здесь же! Я однажды командовал перехватом похожего груза неподалеку от Хоарезма, и приказ аграпурского визиря требовал полного уничтожения этой отравы на месте.

– Пожалуй, это наилучший выход, – согласилась Ринга.

– По-моему, вы все спятили, – убежденно заявил киммериец. – Но моего мнения, кажется, никто не спросил.

– Оно и так прекрасно известно, – тяжело вздохнул полугном. – Конан, ты же понимаешь…

– Только не начинай все сначала! – раздраженно перебил варвар. – Хорошо, делайте, что хотите! Хоть весь городок спалите, я даже помочь могу – до того он мне опротивел!

– Погодите, – вмешался Даммарос. – Осталось еще одно серьезное дело.

– Какое? – непонимающим тоном поинтересовался Конан, хотя прекрасно представлял, о чем пойдет речь.

– Как – какое? – тяжкий денек, похоже, окончательно лишил немедийца способности понимать шутки окружающих. – Ночная тварь! Зверя нужно поймать, прикончить или посадить на цепь! Пока чудище шастает по городу, я не буду спокоен.

– Ах это, – пренебрежительно отмахнулся варвар. – Зверюгу я тебе сегодня к вечеру поймаю. Это совсем не трудно.

– Опять врешь? – с тоской спросил гвардеец.

– Не веришь – можешь поехать со мной и убедиться собственными глазами! – искренне возмутился Конан. – Кстати, прихвати десяток своих головотяпов – чудище может оказаться кусачим.

– А… А где мы его будем ловить? – растерянно поинтересовался Даммарос.

– Там, где оно прячется, – незамедлительно отозвался Мораддин. – В подвале у достойнейшего месьора Эридата. Кто поедет с нами?!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Маленький дом розового камня, спрятавшийся в предместье городка посреди высохшего от зноя сада, встретил незваных гостей тишиной и полнейшим отсутствием обитателей. Входная дверь оказалась незапертой, все вещи в комнатах стояли на своих местах, на глаза не попадалось никаких признаков, свидетельствующих, что хозяева и слуги в спешке покидали усадьбу. Обстановка больше указывала на то, что обитатели дома спокойно забрали самое необходимое и без всякой суеты отбыли в неизвестном направлении.

– Ну, и кого вы собираетесь здесь искать? – недавнее доказательство полнейшей правоты наемников не помешало Даммаросу снова впасть в уныние и мрачность. Вдобавок, гвардейскому капитану не повезло: он оказался с подветренной стороны от костра, на котором горели шкатулки с кхитайским зельем, и умудрился вдохнуть изрядную порцию ядовитого дыма. Ему посчастливилось – неподалеку стоял внимательный Мораддин, успевший подхватить немедийца прежде, чем тот, почти потеряв сознание, свалился в огонь. После этого досадного происшествия Даммароса начало раздражать все окружающее, а особенно – двое навязчивых искателей приключений.

– Я же сказал – будем ловить зубастую тварь, – огрызнулся Конан. – Не хочешь помогать, так не мешайся – постой здесь да подожди, пока мы ее вытащим.

Киммериец не знал, на чем обосновывается его твердая уверенность, что чудовище посейчас находится в доме Эридата. Если существо на самом деле принадлежало Эридату, то куда проще было предположить, что предусмотрительный заговорщик заблаговременно смылся, прихватив с собой жуткую ручную зверюшку. Однако как бы он незаметно вывез кошмарное существо из города и кольца пускай не излишне ревностной, но все же обученной охраны? Патрулировавшие улицы гвардейцы клялись, что последние три дня никто не покидал Дэлирама. За исключением, разумеется, недоброй памяти госпожи Линдиссы, сумевшей проскользнуть незамеченной и Конана, тоже проходившего скрытно. Эридат мог бы воспользоваться аналогичным путем, но почему-то варвар был уверен, что заморие и ночной убийца не выбрались за пределы Дэлирама.

Гвардейцы, осматривавшие сад и хозяйственные постройки за домом, вернулись с известием, что не обнаружили ни одной живой души, за исключением нескольких лошадей и пары коров. Животных явно уже несколько дней не кормили, а потому они вели себя весьма беспокойно…

– И что теперь? – хмуро поинтересовался Даммарос. – С чего вы взяли, что чудовище прячется именно здесь? Если дело не обошлось без Эридата, то он сразу понял, что затея провалилась и поспешил исчезнуть.

– Тогда почему оставили вещи? – задал вопрос рассудительный Мораддин. – Если уж спешно уезжать из города, то необходимо захватить с собой все, что поможет обосноваться на новом месте. Это не похоже на поспешное бегство…

Добровольные охотники за неведомым чудовищем стояли в гостиной тихого домика и решали, как быть дальше. Из рассказов Леддара следовало, что нужно искать какое-то большое помещение под домом, и Конан как раз придумывал подходящую фразу, чтобы перевести разговор на необходимость полностью обыскать дом. Его опередили:

– Вряд ли Эридат держал эту мерзость прямо в доме, – Ринга вроде бы бесцельно кружила по комнате, мягко ступая по толстому ковру и точно принюхиваясь. – Ему нужна

хорошо закрывающаяся и мало посещаемая комната.

– Подвал, – произнес варвар таким тоном, будто эта мысль только что пришла ему в голову. – Больше негде.

– Пожалуй, Конан прав, – согласился Мораддин, тщательно скрывая понимающую ухмылку и уже серьезнее спросил: – Кто-нибудь знает, где в этом доме вход в подвал?

– Пошли, – мгновенно встрепенулась рабирийка. – Я покажу.

«Интересно, если тварь действительно прятали здесь, то почему маленькая хитрюга не сказала о домашнем животном месьора Эридата ни слова? – думал Конан, идя вместе со всеми за девушкой, уверенно выбиравшей дорогу в путанице комнат и коридоров. – Впрочем, Ринга о многом не сказала… Например, кто же она самом деле и что ей понадобилось в городке? Она явно околачивалась здесь не просто так… Гуль, работающий на благо Короны Немедии – подобного я никогда не встречал и не встречу, пожалуй! Бедняга Даммарос, так ему и окончательно свихнуться недолго… А моя бешеная кошка опять стала какой-то другой.»

Последнее соображение было совершеннейшей истиной. Рабирийка в очередной раз сменила облик. Беззащитную девочку или невозмутимую убийцу сменила деловитая и уверенная в себе женщина, не сомневавшаяся в своем праве распоряжаться. К счастью, в отличие от памятной варвару Карелы Ястреба, она хоть не требовала взамен всеобщего безоговорочного подчинения, довольствуясь ролью надзирающего высшего начальства и не претендуя на должность командира.

– Вот, – Ринга остановилась возле низкой и неприметной двери, сделанной из толстенных дубовых досок, обитых для крепости бронзовыми полосами. На двери покачивался массивный навесной замок.

– Ключа нет? – поинтересовался полугном.

Девушка отрицательно покачала головой:

– Если он и есть, то лишь у пропавшего хозяина дома. Придется ломать.

Даммарос, вспомнив о той приятной истине, что его пока никто не лишал чина капитана гвардейцев, разослал своих подчиненных на поиски чего-нибудь, пригодного для взлома замка и фонарей, здраво предположив, что в подвале может оказаться темно. И кто знает, вдруг свихнувшиеся наемники снова говорят правду и чудовище действительно прячется здесь? Тогда свет уж точно не помешает…

Немедийцы отыскали пару старых масляных ламп с заляпанными стеклами и короткий железный ломик, которым немедленно завладел варвар. Толстая железная палка наискосок вошла между дужками замка, последовал короткий рывок и замок не выдержал, с хрустом сломавшись на две половинки, упавшие на пол.

Мораддин, носком сапога толкнув тяжелую и неохотно приоткрывшуюся дверь, осторожно заглянул в открывшийся темный проем.

– Лестница, – доложил он после внимательного осмотра. Летучая мышь выбралась из капюшона полугнома, заставив Даммароса от неожиданности отпрянуть, и белым комочком упорхнула в темноту. Впрочем, она быстро вернулась, недовольно вереща, и заняла прежнее место.

– Ей что-то не понравилось внизу, – негромко сказала Ринга и вдруг шарахнулась в сторону с воплем: – Осторожнее, под ногами!

Предупреждение оказалось своевременным – через порог двери шустро перебрался крупный и малопривлекательный на вид черный скорпион, воинственно помахивающий лихо

загнутым хвостом с жалом на конце. Конан прицельно пнул ядовитую мерзость, под сапогом отвратительно хлюпнуло.

– Только скорпионов нам здесь не хватало! – буркнул немедиец. – Ну что, полезем?

– А разве будут другие предложения? – невесело поинтересовался в ответ варвар, вытащил из ножен меч, и, нагнувшись, вошел в маленькую дверь. Позади него кто-то зажег лампу, отбрасывающую мечущиеся светло-желтые блики на мокрые каменные стены. Рядом зашлепали легкие шаги – рабирийка попыталась проскочить вперед.

– Куда? – Конан успел перехватить Рингу прежде, чем она спустилась на пару ступенек. – Опять жизнь надоела?

– Я прекрасно вижу в темноте, – спокойно ответила девушка. – Давай сначала пойду я, мало ли что…

– Мораддин видит в темноте не хуже, а драться умеет значительно лучше, – отрезал киммериец. – Так что пропусти его, а сама держись за спиной.

Полугном и Ринга поменялись местами, и маленький отряд начал спуск вниз. Подвал оказался значительно глубже и больше, чем сооружаемые в обычных домах, и скорее заслуживал названия настоящего подземелья. Лестница, как заметил Конан, постоянно плавно сворачивала влево, лепясь к невидимому опорному столбу. Несколько раз неяркий свет фонарей выхватывал из темноты прилепившихся к потолку летучих мышей – свернувшиеся кожистые лоскуты привычного темного цвета. Ручная зверюшка Мораддина перебралась на плечо к хозяину, не высказывая никакого желания присоединиться к диким сородичам, и лишь изредка пронзительно шипела.

Скорпион оказался единственным представителем своего ядовитого рода, но в подвале с избытком хватало прочей кусачей живности – тонких черных змеек с белыми узорами на чешуе, огромных пауков, резво носящихся по стенам и на редкость здоровенных нахальных крыс, пялившихся на проходивших мимо людей крохотными черными глазками. В довершение всего отряд наткнулся на привалившегося к стене человека в одежде слуги. Бедняга был мертв уже два или три дня, и здешние мелкие твари успели вволю поработать над телом.

– Миленькое местечко, правда? – нарочито жутким шепотом спросила идущая сзади Ринга и тихонько хихикнула. Капитан Даммарос вполголоса выругался и поднял свой фонарь повыше.

Спустя еще десяток ступенек низкий потолок отодвинулся куда-то наверх, а лестница завершилась, выведя людей в просторный зал, почти полностью погруженный в темноту. Мрак разрушала чуть теплившаяся свеча, стоявшая прямо на полу шагах в десяти от замершего на месте отряда и едва освещавшая некое подобие закругленной арки.

– Ну и ну, – еле слышно сказал Даммарос. – На кой ему понадобилось сооружать под домом… такое?

Конан толкнул гвардейца в бок, чтобы тот замолчал, и попытался разглядеть в окружающей полутьме хоть что-то. Дело принимало несколько угрожающий оборот – мрачный подвал и, вполне возможно, прячущееся совсем неподалеку чудовище… Варвар вспомнил, что, когда он вместе с Мораддином недавно околачивались возле зуагирской крепости Баргэми, охваченной вырвавшейся на свободу магией древнего кувшина подгорных гномов, Мораддин постоянно утверждал – он, мол, ощущает присутствие посторонних могущественных сил. Вдруг и здесь повторится то же самое?

– Мораддин, – прошипел киммериец. – Ты ничего такого особенного… не чуешь? Ну,

всякой волшебной пакости, вроде как в оазисе у нашего чокнутого шейха?

– Да, – после некоторого размышления отозвался потомок гномов. – Здесь рядом есть что-то очень злое…

– И мертвое, – неожиданно вмешалась Ринга и тревожно прошептала: – Но до чего же оно сильное… Даже сейчас, после смерти.

– А живого тут ничего нет? – уточнил более практичный Конан. – Такого, чтобы могло свалиться нам на головы в самый неподходящий момент?

– По-моему нет, – неуверенно сказал Мораддин и осторожно шагнул вперед, по направлению к одинокой свече. Под его ногами что-то сухо хрустнуло и переломилось. Рабирийка вдруг присела, пошарила вокруг, подняла странную вытянутую вещь и поднесла к тусклому огоньку лампы.

– Кость, – безжизненным голосом сказала она. – Человеческая. Значит, тварь действительно жила тут…

Девушка с отвращением отбросила свою жуткую находку подальше и тщательно вытерла пальцы об одежду.

– Идите сюда, – полугном поравнялся с аркой, на мгновение заслонив неяркий огонек, и наклонился, рассматривая темную бесформенную горку на полу. Конан подошел к нему, чувствуя, как рассыпаются в прах растаптываемые им останки жертв ночного убийцы.

«Сколько же их тут?» – спросил у самого себя варвар и неожиданно обнаружил, что ему совершенно не хочется знать ответа на этот вопрос. Мало того, больше всего Конану хотелось поскорее убраться из этого жутковатого подземелья и никогда в жизни не вспоминать о нескольких днях, проведенных в тихом провинциальном городишке у подножья Кезанкии.

Мораддин, оказывается, склонился над телом лежавшего ничком в проеме арки человека.

– Давай перевернем, – негромко сказал он, когда компаньон остановился рядом. – Сдается мне, мы нашли последнюю жертву… А сам зверь скрылся.

Наемники осторожно перекатили ставшее тяжелым и неподатливым тело на спину. Даммарос приблизил к лицу покойного лампу, желтоватый свет отразился в зрачках выкаченных глаз, и осветил аккуратную тонкую рану, алым штрихом перечеркнувшую горло человека.

В наступившей тишине прозвучали голоса озадаченного выругавшегося Конана, и Ринги, отчетливо проговорившей имя убитого:

– Эридат.

* * *

– Значит, тварь окончательно вырвалась из его подчинения, – еле слышно сказал Мораддин. – Он зачем-то спустился сюда, может, хотел увести чудовище с собой, а оно подкараулило его, убило и сбежало… Но куда? Наверняка тварь прячется где-то в городе. Надо устроить большую облаву и поймать, пока она не натворила новых бед!

– Только этого мне еще не хватало, – скорбно проговорил Даммарос из темноты. – Где я столько людей найду и где мы будем искать чудовище?

Ринга, присев на корточки, несколько мгновений пристально вглядывалась в лицо бывшего хозяина, затем резко вскочила на ноги и настороженно огляделась по сторонам. Конан расслышал, как она неразборчиво бормочет:

– Не то, не то… Здесь!

Девушка решительно выхватила из рук Даммароса лампу и шагнула в арку, осветив расположенное за ней маленькое помещение. Отблески лампы неожиданно ослепительно сверкнули двумя красными огоньками.

– Митра, защити! – выкрикнула рабирийка, и варвар мельком подумал, что к числу необычных вещей, увиденных и услышанных им на протяжении двух с лишним десятков лет жизни, можно смело добавить еще одну: гуль, взывающий к защите Светлого бога. Впрочем, вопрос, на кого из небесных покровителей стоит уповать в подобной ситуации, вполне мог потерпеть, а сейчас Конан одним прыжком очутился рядом с девушкой, в ужасе смотревшей на единственного обитателя глубокой ниши.

…Черная каменная кобра с полуразвернутым капюшоном и светлыми оскаленными клыками выгнулась над глубокой чашей, в которой чуть колыхалась густая темная жидкость. Алые злобные глаза пристально уставились в какую-то точку, недосягаемую для людей, умудряясь сохранять при этом на редкость презрительное выражение.

– К-конан, что это? – кажется, впервые в жизни Мораддину изменила его обычная уверенность в себе. Утешало одно – кратковременное жуткое потрясение испытали все увидевшие черного идола люди.

– Даммарос, поздравляю, – хрипло сказал варвар. – Вдобавок ко всему прочему в твоем городишке обосновались поклонники Сета.

– Пошел ты знаешь куда со своими шуточками… – вяло отругнулся побледневший немедиец и попятился, пока не уткнулся в стену. – Боги, да кто бы мне растолковал, что здесь творится…

Притихшая Ринга внезапно резко повернулась и бросилась назад, к выходу из тайного святилища. Киммериец подумал, что даже на бесстрашную бешеную кошку нашлась управа и девушка сейчас с воплями кинется наверх, однако рабирийка упала на колени возле тела покойного главаря городских мошенников и схватила его руку.

– Конан, иди сюда! – почти закричала она. – Лампу принеси! Пожалуйста, скорее, или я с ума сойду!

– А орать-то зачем? – буркнул варвар, присаживаясь рядом с трясущейся – но не от страха, а от какого-то охотничьего возбуждения – девушкой и придвигая поближе наполовину прогоревшую лампу. – Ну, что такое?

Вместо ответа рабирийка поднесла безжизненную ладонь Эридата к тускло мерцающей лампе и с такой силой согнула его начавшие коченеть пальцы, что кости отчетливо хрустнули.

– Видишь? – с истерическим смешком спросила она. – Я последняя дура в этом паршивом городишке, можешь напоминать мне об этом хоть каждый день.

Из кончиков пальцев покойника высунулись когти – пять длинных острейших крючков бледно-коричневого цвета. Варвар и девушка коротко переглянулись, наемник выдернул из ножен кинжал и разжал стиснутые челюсти бывшего мирного и непримечательного дэлирамского торговца. Клыки оказались на месте, однако они были гораздо короче и тупее прятавшихся за узкими губами рабирийки и больше походили на слегка искривленные человеческие.

– Эридат и есть чудовище, Сет его забери? – шепотом спросил Конан. – Но он же выглядел совершенно нормальным человеком! А коли он твой сородич, отчего же ты его сразу не признала?

– Знаешь, ты совершенно прав – его забрал Сет, – устало отозвалась Ринга, выпуская мягко шлепнувшуюся на каменный пол руку ночного существа. – Он не мой сородич, потому я почти ничего не ощущала. Мы, рабирийцы, всегда чуем присутствие друг друга… Эридат – полукровка, полукровка в третьем или четвертом поколении, самое жуткое, что можно представить, – она неожиданно безумно захихикала, раскачиваясь взад и вперед. – Луна и ночь, полукровка, как я сразу не догадалась, одержимый полукровка… Варвар, ты представляешь, что Эридат мог бы натворить, сумей прожить на свете еще десяток-другой лет?.. Полукровки, они от рождения все сумасшедшие, а с возрастом впадают в лунное бешенство…

– Прекрати! – Конан с силой несколько раз тряхнул девушку за плечи, и желтые глаза приняли осмысленное выражение. – Скажи одно: ночной убийца, которого мы ищем – он?

– Ну разумеется, – твердо сказала рабирийка и торопливо заговорила, с опаской оглянувшись на Мораддина, Даммароса и нескольких гвардейцев, осматривавших жуткий алтарь Змея: – У него в предках были мои сородичи, это совершенно точно. У полукровок нашего племени в душе всегда слишком много звериного, сколько бы людей не стояло между предком из Рабиров и потомками. Чем они становятся старше – тем сильнее темная половина рвется наружу. Мы, настоящие гули, умеем ее сдерживать, полукровки – почти нет. Кроме того, они всегда считают себя неполноценными. Им хочется быть либо полностью людьми, либо гулями, а им не дано ни того, ни другого. Они – самые несчастные и потому самые злобные существа в мире. А этот…

– Он вдобавок решил продаться Змею, – догадался Конан. – Ну и мерзость… Значит, к старости Эридат окончательно свихнулся и начал потрошить своих друзей и приятелей?

– И да, и нет, – Ринга поежилась. – Здесь слишком много всего перемешалось. Он хотел заполучить караван… И еще минувшее полнолуние…

«Вот уж действительно – слишком много всего, – мрачно подумал варвар. – Хитроумный Эридат – спятивший гуль-полукровка, решивший с тоски и недовольства жизнью податься в змеепоклонники! Что ж нам теперь с этим делать? Кто его прикончил? А главное – зачем? Непонятно.»

Девушка задумалась, сосредоточенно уставившись в стену, а затем повернулась к Конану и вполголоса спросила:

– Как считаешь, сказать им, что ночного убийцы больше нет?

– Надо бы, – согласился киммериец. – А то ведь не успокоятся, а Даммароса просто жалко, бедолагу… Мне другое интересно – почему Эридат так целеустремленно убивал всех своих приятелей? И почему в итоге прикончили его самого? Ты заметила – ему какой-то умелец перерезал горло одним ударом?

– Заметила, – кивнула Ринга и нахмурилась: – Я вот о чем думаю… В последние два или три дня Эридат полностью превратился в чудовище и прятался здесь, выходя только на охоту. Кто-то должен был присматривать за ним, открывать дверь в подвал, впускать и выпускать его. Прислугу наверняка отпустили, кроме того бедняги, что торчит на лестнице… И этот «кто-то» под конец расправился с Эридатом, причем не просто зарезал – принес в жертву Сету и собрал кровь. Значит…

– Значит, в городе есть человек, знающий все от начала до конца! – варвар произнес эти

слова достаточно громко, чтобы Мораддин подошел поближе и мрачно спросил:

– Вы о чем тут шепчетесь?

– А мы чудовище поймали, – нарочито равнодушным тоном сообщил Конан и с удовольствием полюбовался на удивленное выражение лица полугнома: – Вон оно валяется…

– Он?! – Мораддин на редкость быстро сумел справиться с собой. – Полуночная тварь – месьор Эридат?

Варвар и девушка покосились друг на друга и закивали.

– Ох, – полугном вздохнул, присел рядом с ними и недоуменно поинтересовался: – Вы полностью в этом уверены?

Предоставив рабирийке объясняться с Мораддином и несколько приунывшим Даммаросом, киммериец поднялся на ноги и подошел поближе к черной змее. Слитая в чашу кровь отсвечивала в лучах догорающей лампы темно-красным цветом, почему-то напоминая огромный драгоценный камень, превратившийся из твердой вещи в жидкость.

«Вот так все и закончилось, – со странным равнодушием подумал Конан. – Никто ничего не получил, разве что одному Даммаросу немного повезло. Лотос сгорел, большинство участников заговора мертвы, а кто остался жив – сматывается без оглядки. Призрачная тварь, наводившая ужас на город, погибла, ее возможный хозяин так и остался неизвестным. А ведь он тоже наверняка был заинтересован в товаре туранского каравана и натравливал свою взбесившуюся скотину на каждого, кто мог помешать ему в достижении своей цели. Когда же стало ясно, что затея провалилась – прикончил опаснейшую мерзость и сбежал… Что самое странное – число загадок ненамного уменьшилось. Кто такая на самом деле эта бешеная кошка Ринга? Что ей было нужно в городке? Действительно ли ее продали покойному Эридату? Ладно, разберемся… Может быть.»

Варвар отвернулся от прекрасной в своей застывшей вечной ярости, но почему-то внушавшей ему непреодолимое отвращение каменной змеи и хотел уже окликнуть Мораддина и остальных да выбираться наверх, когда его взгляд упал на закатившийся в угол блестящий предмет. Киммериец нагнулся, зачем-то поднял его и повертел в руках, удивленно разглядывая. Подобной вещи совершенно не полагалось находится в таком месте, как потаенное капище Сета.

– Ринга, – позвал Конан. – Это случайно не твое?

Он поднял вещицу повыше, чтобы девушка могла получше рассмотреть его находку – небольшой дешевенький женский браслет из красноватой меди, издалека похожей на золото, украшенный несколькими слегка отшлифованными синими и зелеными полудрагоценными камешками.

– Мои все при мне, – рабирийка недоуменно подняла обе руки и позвенела своими немногочисленными украшениями. – Ровно шесть штук и все здесь… Погоди, ты сейчас нашел эту штуковину?

– Браслет валялся в углу, – отозвался варвар. Может, в этом подвале не по своей воле побывала какая-то женщина, и это все, что от нее осталось? Но безделушка выглядит относительно новенькой…

– Где он лежал? – спросил Мораддин. – Здесь? Странно…

– Что странно? – не понял Конан.

– Дальний угол, сюда он мог попасть только в случае, если его специально туда положили, – отозвался полугном. – Или он закатился туда упав с руки. Вот, взгляните,

замочек погнут, и выскакивает из дужки…

– Далась вам эта фитюлька, – сердито буркнул Даммарос, явно донельзя удрученный последними открывшимися обстоятельствами и теперь соображавший, что стоит предпринять в связи с этим. – Лучше бы подумали, как нам теперь быть…

– Погоди, – варвару показалось, что маленькое украшение некогда попадалось ему на глаза и мимолетная встреча с его владелицей имела отношение к таинственному каравану. Только вот каким образом? Довольно невзрачная, хотя и не лишенная изящества поделка, могущая принадлежать небогатой женщине… Нет, он начал не с того конца. Когда стало известно, что караван благополучно миновал засаду в ущелье и все-таки придет в город? Когда он сам и Мораддин вернулись на виллу «Кипарисы», принеся это безрадостное известие. Если кто-то подслушивал памятный разговор с Леддаром и дорогой Линдиссой, у него оставалось достаточно времени, чтобы на хорошей лошади доскакать до города и постараться замести все возможные следы.

Спрашивается, кто это мог быть? Кто, помимо уцелевших в резне Линдиссы и Леддара, знал обо всем происходящем? Одним словом, чей браслет? Не Линдиссы – рыжая красотка никогда бы не надела столь скромную и незаметную вещичку. Не Ринги – ее украшения куплены самим Конаном и он прекрасно помнил, что именно покупал. Такого браслета среди подарков не было…

Тогда кто же знал все подробности заговора, присутствовал при всех разговорах, оставаясь при этом незамеченным? Кто был настоящим призраком, управлявшим действиями спятившего Эридата? Может, этот неизвестный сам и довел умудрявшегося как-то сдерживать свои кровожадные инстинкты полукровку до полного безумия, а затем, убедившись, что ничего не достиг, избавился от него? Кто, кто еще постоянно был рядом? На кого в суматохе последних трех дней они совершенно не обратили внимания?

– Никто и никогда не замечает слуг, – медленно проговорила Ринга, точно отвечая на невысказанный вопрос киммерийца. – А слуги видят и слышат все…

«Старая Чари! Она постоянно была рядом с Линдиссой! Однако на вилле она не показывалась, – сообразил Конан. – Браслет… Ну конечно, это браслет Чари, я видел его, когда мы навели страху на Гебера с компанией, а потом разговаривали с Линдиссой в саду… Такого не может быть! Впрочем, тут уже случилось столько всякой невообразимой небывальщины, что еще от одной невероятной вещи ничего не изменится.»

– Чари, – уверенно сказал варвар. – Чари могла знать все. Даже если это не она, я бы не отказался задать Линдиссиной служанке пару вопросов… Только где она может находится сейчас? В усадьбе я ее не видел…

– А здесь, в городе, в доме Линдиссы? – предположила девушка. – Вдруг она еще не успела никуда улизнуть? Пошли, проверим!.. – Ринга стрелой вылетела из святилища и понеслась вверх по лестнице. Киммериец помчался за ней. Мораддин недоуменно пожал плечами и бросился вслед внезапно удравшему компаньону, здраво рассудив, что подобное стремительное бегство наверняка имеет вескую причину. Имя Чари ему ничего не говорило, однако оставлять варвара одного не следовало – непременно опять ввяжется в опасную историю!

* * *

Остававшиеся наверху гвардейцы были порядком напуганы, когда из загадочного и мрачного подвала один за другим выскочили двое наемников, странная девушка, а затем и их собственный капитан с помощниками. Не обращая ни на кого внимания, эти шестеро взлетели на лошадей и галопом понеслись куда-то в центр городка. Даммарос, правда, задержался на несколько мгновений, чтобы приказать оцепить дом, никого не впускать и не выпускать, а также ничего не трогать. После чего прихватил с собой еще десяток человек и ускакал вслед за наемниками.

Владение госпожи Линдиссы, неудачливой мошенницы, стояло на прежнем месте. Конан поймал себя на том, что ничуть не удивился бы, застань они на месте уютного особняка заросший сорняками глухой пустырь или огромную яму. Но дом со всеми его пристройками, верандами и коридорами никуда не делся, занимая свое место на улице Прыгающей Ящерицы.

Главные ворота оказались закрыты, но не заперты. Во дворе царили ставшие уже привычными тишина и безлюдье, зато в комнатах, в отличие от дома Эридата, явно проводились недавно поспешные сборы. Шкафы и сундуки стояли нараспашку, повсюду валялось небрежно разбросанное пестрое барахло – одежда, украшения, какие-то флакончики… Мораддин и Конан заглядывали в каждую встречавшуюся на пути комнату – ни одной живой души!

– Сюда, – уверенно бросила Ринга, взбегая по застланной ковром деревянной лестнице на второй этаж. – Оно где-то поблизости…

Девушка привела своих спутников в небольшой зал с несколькими дверями и здесь заметалась, точно упустив невидимый след. Мораддин, оглядевшись по сторонам, решительно подошел к одной из дверей, ничем не отличающейся от других, и толчком распахнул створки.

– Я знала, что вы непременно приедете сюда, – мягко и слегка снисходительно произнес вкрадчивый женский голос. – Вы нашли браслет, не правда ли? Какая неосторожность с моей стороны – позабыть его там…

Ринга угрожающе зашипела, и, пригнувшись, медленными шагами двинулась вперед, к удобно расположившейся в кресле женщине.

В маленькой комнате не было ничего примечательного или зловещего – обычная комната, с повытершимися коврами на стенах и на полу, с узким стрельчатым окном, выходящим на сонную пустую улицу да единственным креслом. В кресле сидела невысокая полноватая женщина средних лет, та, которую Конан и Ринга знали под именем Чари, верной служанки госпожи Линдиссы.

Но не это заставило всех остановится на месте и озадаченно переглянуться, точно спрашивая: «Видим ли мы на самом деле то, что видим?»

За спинкой развернутого к двери кресла переливалось под ослепительно-ярким полуденным солнцем всеми оттенками синего море, набегая на белый песчаный берег. Дальше по берегу различались мотающиеся на ветру лохматые пальмы, а за ними… За ними поднималась к небу темно-коричневая заостренная верхушка какого-то гигантского каменного сооружения. Всего этого, конечно, не могло здесь быть. И все же оно было – и море, чей приглушенный плеск долетал до слуха остолбеневших людей, и скрипящие зеленые пальмы, и даже отдаленный шум ветра в листьях. Словно в стене дома кто-то проделал огромную дверь, выводящую на побережье далекого моря. Дверь, рамой которой

служили бледно-светящиеся узкие полосы, как живые, подрагивающие на месте и отделявшие странный проход от поверхности обычной каменной стены.

Конан помотал головой, пытаясь прогнать наваждение, но, поскольку таковое не думало исчезать, пришлось согласиться, что колдовская дверь ведущая к песчаному побережью (варвар готов был поставить собственную голову, за то, что видит берега Стигии) действительно существует. Вроде бы вид на спокойное зеленоватое море и гигантское четырехугольное сооружение на берегу не представлял никакой опасности, а посему его присутствие сейчас не имело значения. Главным было – разобраться с женщиной, и варвар, перешагнув через порог, вошел в комнату.

– Значит, это ты, – рабирийка преодолела два или три ужасно длинных шага, отделявших ее от кресла, но так и не смогла приблизиться вплотную, точно уперевшись в невидимую стену.

– Постой лучше там, – насмешливо сказала Чари, если ее настоящее имя было именно таковым. – Мне будет спокойнее… А то я тебя знаю, рабирийское отродье, – сначала загрызешь, а потом разбираешься. Да и твои дружки ничуть не лучше, особенно вон тот, длинный… Никогда не могла понять, что за извращенная тяга к дикарям?

– Не твое дело, – зло огрызнулась Ринга. – Я спросила – это твоя работа?

– Ну, моя, – пожала плечами Чари. – Собственно, чем ты недовольна, дорогая? Можешь быть счастлива – ты добилась своего. Беги к своим хозяевам в Бельверус, пусть они тебя похвалят.

– У меня нет хозяев, и это тебе прекрасно известно, – холодно процедила девушка. – В отличие от тебя, змея стигийская!

– Ринга, что происходит? – решил вмешаться Конан, уяснив из перебранки женщин только одно – они уже встречались раньше и не испытывают друг к другу теплых чувств.

– Ты был совершенно прав, – устало сказала Ринга. – Вот наш призрак. Бедняга Эридат, у него и так с головой было не все ладно, а почтенная госпожа Чари окончательно сделала из него чудовище. Наверняка убедила, что, продав душу Змею, он сможет достичь всего, чего хочет. Он и достиг – стал ночной тварью и отправился по ее приказу собирать жизни… А когда Чари поняла, что ничего не получит – прикончила Эридата ради своего драгоценного червя!

– Помолчи, ты, кровопийца неудавшаяся! – вскинулась Чари. – Не болтай своим поганым языком о том, чего не понимаешь!

– Сама заткнись, – рявкнул варвар. – Ринга, а может, прибить ее, и дело с концом?

– Мы не можем ее достать, – тоскливо сказала рабирийка. – Ведьма поставила магический щит между нами и окном, а я не могу его разбить.

– Вот именно, – издевательски подтвердила Чари. – Что ты вообще можешь, кроме как вынюхивать, высматривать да подслушивать? Сегодня тебе по чистой случайности повезло, но разве смертному известно, что произойдет завтра? Ты хоть разок задумывалась над этим, Ищейка? Думаешь, люди всю жизнь будут бросать тебе кости за хорошую работу? Когда-нибудь ты окажешься им больше не нужна, и что тогда с тобой станет?

Ринга промолчала, сделав вид, что не расслышала обращенных к ней издевательских слов однако Конан заметил, как побелели крепко стиснутые кулачки девушки.

– Значит, за караваном охотилась еще и она? – негромко спросил Конан.

– Конечно, – ответила вместо рабирийки Чари. – Не могли же владыки Стигии допустить, чтобы такое сокровище ушло к не заслуживающему этого сборищу недоумков,

именуемых по недоразумению разумными созданиями!

– И вы позволили своему сумасшедшему убийце перебить множество ни в чем не повинных людей? – холодно поинтересовался Мораддин, доселе тихонько стоявший за спиной варвара.

– Десяток, два, какая разница? – с неподдельным недоумением отозвалась Чари. – Если бы некоторые не вмешались в чужое дело, они наверняка остались бы живы… Кстати, варвар, как там поживает моя дорогая хозяюшка и ее приятель? Надеюсь, ты их прикончил?

– Можешь себе представить – нет, – отрезал Конан.

– Жаль, – искренне сказала Чари. – Ну да ладно, пускай поживут… Как не жаль, – она поднялась с кресла, – но теперь настало самое время попрощаться.

Ринга яростно взвыла, и, забывшись, бросилась на невидимую преграду. Ее отшвырнуло назад, а Чари рассмеялась:

– Маленькая глупая Ищейка, которая никогда не поумнеет! Даже твой туповатый дружок-варвар сообразительнее тебя! Великий Сет защищает меня и я возвращаюсь в Стигию! Вы ничем не сможете помешать!

В какой-то момент киммериец едва не последовал примеру девушки – так хотелось дотянуться до этой ядовитой гадюке в человеческом образе и вышибить мозги…

Тихий двойной щелчок пальцев – привычный сигнал, означавший: «Посмотри на меня!» – заставил Конана покоситься назад. Мораддин все так же спокойно стоял на месте, наблюдая за происходящим, но его правая рука украдкой сделала странный жест – сняла с пояса что-то невидимое и метнула в смеющуюся Чари.

«Кинжал, ну конечно! Кром, как я мог забыть!»

Висевший на поясе варвара длинный кинжал-дага в простых ножнах – подарок покойного старого шейха из оазиса Баргэми – был не совсем обычным оружием. Когда-то он принадлежал магу из Аквилонии, Раэну Танасульскому и поныне сохранил часть вложенных в него магических свойств. Неизвестно, захочет ли клинок проявить их сейчас, однако попробовать-то никогда не помешает!

– Ринга, быстро в сторону! – заорал Конан, выхватывая нож. Рабирийка послушно метнулась к дверям, споткнулась о завернувшийся край ковра, полугном еле успел подхватить ее. Стоявшая на пороге своей удивительной двери Чари обернулась и растерянно взглянула на летевший прямо в нее кинжал.

Блестящее лезвие с легкостью прошило магический щит, послышался тонкий жалобный звон, словно кто-то разбил огромную хрустальную вазу, да не одну, а по меньшей мере десяток. Полыхнул безжалостно-чистый белый свет, заставив людей зажмуриться и шарахнуться назад.

Созданный неизвестной силой проем, ведущий на берег далекого моря, начал стремительно сужаться, его светлая огнистая кайма вспыхнула мрачно-багровым светом. Спустя еще миг раздался отчетливый хлопающий звук и колдовская дверь исчезла, не оставив ни малейшего следа своего пребывания, если не считать кинжала, глубоко воткнувшегося в деревянную панель.

А Чари осталась, прижавшись к стене и с ненавистью глядя вокруг.

– Вот и попалась, змея стигийская – подвел итог Мораддин. – Вяжем ее!

ЭПИЛОГ

Полуденное солнце освещало сонный провинциальный городок, расположенный на границе унылой выжженной степи и закатных отрогов Кезанкийских гор. Среди пыльно-зеленых островков выживших вопреки всему садов поднимались плоские черепичные крыши, кое-где вился еле различимый дымок – городок, пережив пролетевший над ним ураган самых невероятных и зловещих событий, возвращался к прежней незамысловатой жизни.

Поселение обегала широкая белая дорога, устремлявшаяся через равнину на полдень, к ближайшему из крупных городов здешней страны – Аренджуну. Дорога вопиюще пустовала, если не считать странной группы из трех человек и их лошадей, расположившихся прямо на обочине, возле придорожного камня с вытершейся надписью, сообщавшей всем и каждому, что до Аренджуна ровно десять лиг и ни шагом больше.

Кони, не обращая внимания на развернувшуюся возле них небольшую бурю, сопровождавшую довольно бурное выяснение отношений между людьми, равнодушно пощипывали ломкую и сухую траву. Впрочем, один из странноватой компании придерживался мудрой точки зрения лошадей и, удобно устроившись возле теплого камня, невозмутимо и терпеливо ждал, пока его разошедшиеся приятели придут хоть к какому-то решению.

– Конан, дорогой мой, и не надо делать такое обиженное лицо, – втолковывала киммерийцу Ринга. – Послушай, насколько я тебя знаю, ты всю жизнь ходил в наемниках, служил когда-то у Илдиза, потом в Офире…

– Ну, было такое… – угрюмо буркнул варвар. – Однако ты могла бы рассказать все сразу! Соображаешь, насколько легче было бы закончить эту историю? И вообще, ведьма зубастая, разве можно было так подставлять меня? Я, как охотничья собака, бегаю по следу, разыскиваю всяких умалишенных, а ты просто стоишь и смотришь…

– Какая ерунда, – скривилась рабирийка. – Разве теперь ты подвергался куда большей опасности, нежели во время похождений с Карелой или пиратства на Западном океане? «Тигрица» прославилась, благодаря тебе, очень надолго!

Конан изумленно воззрился на свою необычную подружку, помолчал некоторое время, и, наконец, выдавил:

– Про Карелу я тебе рассказывал… Но от кого ты узнала про мои плавания на «Тигрице» и Белит?

Ринга рассмеялась и хлопнула варвара по руке:

– Конан, душка, о твоих похождениях наслышаны не только в Стигии, Шеме или Туране, но даже в Тайной канцелярии Нимеда! Пойми, киммериец, что влипая в течении десяти лет во всякие громкие истории, связанные с важнейшими государственными делами и именами самых великих властителей Закатных и Полуденных стран, просто невозможно остаться незамеченным! Люди, пославшие меня в Дэлирам, как-то рассказывали о некоем Конане Киммерийском, а, кроме того, я просто узнала тебя в лицо.

Варвар застыл с открытым ртом. Разве что слюна не текла.

– Но откуда?.. – преодолев оторопь, прошипел он. – Я тебя совершенно не помню!

– Разумеется, не помнишь, – пожала плечами девушка. – Ты меня и в глаза никогда не видел. Зато я тебя прекрасно запомнила. Не подскажешь, кто четыре года назад служил

Нимеду, а затем Амальрику Офирскому, да так хорошо, что в обоих многострадальных государствах потом еще долго дым стоял коромыслом?

– Ладно, – сдался Конан, никак не отреагировав на смешок Мораддина, несколько удивленного столь солидным послужным списком человека, которого гвардеец Илдиза привык почитать за самого тривиального авантюриста. Киммериец продолжил: – Ну хорошо, может быть, ты меня видела… Однако я попрошу объяснить одну напрочь непонятную вещь – Ринга, ты ведь… – Конан оглянулся на Мораддина, но все-таки брякнул: – Ты ведь гуль! Скажи, как можно гулю поступить на королевскую службу и получить высокий чин?

Мораддин даже не пошевелился. Он и раньше подозревал, что подружка варвара не совсем человек, пусть и общался с ней недолго. Потомок гномов мало обращал внимание на происхождение своих знакомых, благо у самого отец был самым настоящим нелюдем. Ну, гуль, ну, вампир, и дальше что? На людей не бросается, служит королю Немедии, внешне выглядит вполне недурственно… Разве стоит сторониться существа, не относящегося к созданиям злых сил, а просто совсем отличного от человека?

В общем, Мораддин промолчал, но навострил уши, рассчитывая услышать интересное повествование.

– Всякое случается, – тем временем отвечала Ринга Конану. – Помнишь, я тебе рассказывала историю о том, как меня поймали стигийцы и обучали ремеслу сторожа? Почти все так и было, разве что не двадцать лет назад, а все семьдесят…

– Что?! – округлились глаза у варвара. – Так ты…

– Да, – кивнула рабирийка. – Мне… Скоро буду праздновать столетие. Гули живут значительно дольше людей и почти не меняются внешне… Впрочем, это не интересно. Стигийцы продали меня в Бельверус, одному придворному тогдашнего короля. Придворный оказался начальником тайной службы и, очень быстро уяснив, что мои способности могут пригодится, освободил от рабства и предложил захватывающую и рискованную работу на благо трона. Я согласилась, рассчитывая позже сбежать, но со временем мне понравилось… И вот уже шестьдесят лет я выполню самые опасные и… не особо невинные поручения короля, главнокомандующего и главы Тайной канцелярии. Платят хорошо, дали дворянство…

Конан схватился за голову, потом за меч, потом выкрикнул несколько удивительных по своей изощренности ругательств и, наконец, в упор посмотрел на Рингу:

– Детка, хорошо! Я поверил, что Нимед взял на службу вампира! Что тебе сто лет! Что ты герцогиня, графиня или кто там еще! Но ответь, что ты делала в клетке у Эридата? Пусть меня сожрет равах, но этого я никак не могу понять!

Мораддин беззвучно посмеивался, искоса взирая на варвара и его приятельницу. Белая мышка, выбравшись из капюшона плаща, залезла хозяину на макушку, и, свесившись вниз головой, с интересом обнюхивала его ухо, видно, надеясь найти внутри угощение.

– Я сидела у Эридата, потому что должна была там сидеть! – отчеканила Ринга. – Не раскрою особой тайны, сказав, что начальник тайной службы давным-давно был осведомлен о потоке запрещенных товаров, идущих в Немедию через заморийские пограничные заставы. Ты прекрасно представляешь, что такое Замора: взятка чиновнику, дорогой подарок гвардейцу, убийство строптивого начальника стражи – и все остается шито-крыто! Мы знали и знаем о делах в Аренджуне и Шадизаре, рано или поздно и тамошним хозяевам придется ответить за все, но сейчас было необходимо проследить пути переправки лотоса и прочей дряни через границы. Эридат недавно совершил ошибку – приехал в Шадизар закупать товары, а в оплату предлагал стигийское белое золото. Благодарение Митре, торговец,

разговаривавший с Эридатом, работал на Бельверус и успел все сообщить в тайную канцелярию – откуда у простого купца может быть настоящее белое золото Стигии? Мы решили, что вышли на след и мгновенно подкупленный торговец предложил Эридату приобрести необычного сторожа. А остальное ты знаешь…

– А Чари? – прохрипел варвар, – Кажется, ты знала ее раньше? Правильно?

– Да, знала, – подтвердила Ринга. – Эта ведьма из ближайшего окружения Тот-Амона служила Черному кругу много лет. Появлялась в Закатных странах с серьезными поручениями, гадила как могла… Я услышала о ней после неудачного покушения на короля лет пять назад. Тогда Чари сбежала, но ожидать, что встречу ее здесь, в Дэлираме, я не могла. Жаль, не узнала ведьму сразу…

Мораддин приобрел откровенно скучающий вид. Абсолютно ничего нового! Интрижки двора Нимеда в сравнении с историями, случавшимися в Аграпуре – просто детские забавы.

* * *

Конан заслужил одну спокойную ночь после всех, наполненных беготней, драками и заумными разговорами. Несколько дней в городке, как с ехидцей сообщила Ринга после поимки Чари, стоили варвару многих седых волос. Впрочем, наверное, врала, как обычно.

После визита в пустой дом Линдиссы, обошедшегося в несколько жизней немедийских гвардейцев захвата поклонницы Сета и стигийской лазутчицы, Конан с Мораддином плюнули на все трудности Даммароса, предоставив капитану самолично разбираться со связанной и ругавшейся на чем свет стоит колдуньей. Между прочим, Чари оказалась сильным и знающим магом: двоих гвардейцев она уложила заклятьями огня – люди просто вспыхнули как факелы, еще четверо полегли от взявшихся прямо из воздуха стальных стрел, и только потом скромную служанку госпожи Линдиссы удалось повязать, заткнуть кляпом рот и вытащить из дома.

Даммарос решил поместить Чари прямо в казармах гвардии, до следующего утра, непременно связанную – чтобы не могла колдовать. На рассвете капитан собирался отправить стигийку в Аренджун, королевскому наместнику – пусть он и разбирается с проклятой тварью. В Заморе, конечно, не особо почитали Митру, более склоняясь к культу Бела или божкам – покровителям городов, но в то же время ни единый заморие́ц, будь он самым прожженным разбойником или торговцем серой смертью, не станет поклоняться Стигийскому Змею – Сету.

Ринга немедленно подняла скандал, требуя именем короля казнить стигийку прямо сейчас, и все равно каким способом. Даммарос, однако, подумал и отказался. Если повезет, за грядущую ночь он сумеет выведать у Чари все обстоятельства ее появления в Дэлираме и имена прочих стигийцев, действующих в Заморе. С тем капитан гвардии и представительница короля вместе с опасной пленницей и уцелевшими солдатами отправились в сторону немедийских казарм. Туранская полусотня, к слову, учуяв, что силы сейчас не на стороне Аграпурской короны, все последние три дня сидела тихо, не выступая и не протестуя против действий капитана Даммароса…

Конан, не желая соваться в трактир Барракса, где о нем осталась далеко не лучшая

память, направил своего коня к дому Эзаэдро. У входа в жилище старого приятеля состоялся следующий скандал: охранники заявили, что месьора Конана, равно как и его друзей, хозяином пускать не велено, а если и придут – гнать в шею без разговоров. Злой и уставший киммериец вкупе с Мораддином расшвыряли охрану, никого, впрочем, не лишив жизни, прошли в дом, где немедленно наткнулись на вышедшего по причине шума Эзаэдро. Моментально состоялся третий скандал: хозяин и гость орали друг на друга так долго, что Мораддин, устав ждать, когда закончится выяснение отношений между старыми знакомцами, отправился в гостиную и, пытаясь не обращать внимания на разносящиеся по дому вопли, налил себе вина, устроился в кресле и заснул.

Вполне понятно, что завершения дружеской беседы Конана и Эзаэдро Мораддин не слышал, хотя таковое было весьма примечательным.

Конан в ответ на очередные обвинения в нарушении спокойного течения жизни, сообщил Эзаэдро о поимке, а вернее, смерти, нападавшего на хозяина дома чудовища и захвате немедийцами Чари, оказавшейся настоявшей виновницей большинства бед, обрушившихся на Дэлирам в последние дни. Эзаэдро несколько оторопел, примолк на некоторое время, а потом сказал Конану, что подозревает, отчего гнусная стигийка натравила на него своего послушного раба. Конан, без особого, впрочем, удивления, а скорее, со спокойствием и безразличием, выслушал историю Эзаэдро. Последний, оказывается, и был наблюдателем, посланным дельцами Шадизара в приграничный городок – надзирать за прохождением караванов с товарами, а вдобавок и за местными деятелями, желавшими получить независимость от аренджунских и шадизарских дельцов.

Эзаэдро и оказался тем самым таинственным Арнаком…

– Я знал, что ты далеко пойдешь, – устало кивнул варвар, выслушав рассказ старого приятеля. – Могу успокоить тебя и твоих хозяев – караван не прошел через город без досмотра, и виной тому я. Лотос обнаружен и сожжен. Станете за мной охотиться – вам же хуже. Мой меч пока не сломался, да и тайная служба Немедии, полагаю, заступится…

Эзаэдро, раскрыв в изумлении рот, сел прямо на пол, но затем очухался, вскочил и заорал так, что у Конана заложило уши. Вопли посланника аренджунцев разбудили даже Мораддина, явившегося в комнату и сонно спросившего:

– Что это вы тут делаете? Опять кого-то убили?

– Справедливость наводим, – пожал плечами варвар. – Пока все живы… Но один труп вполне может быть.

И Конан указал на побагровевшего от ярости Эзаэдро. Не слушая дальнейших излияний хозяина дома, Конан и Мораддин отправились в гостиную, прикрыли за собой дверь поплотнее и устроились спать прямо на полу, на мягком туранском ковре. Эзаэдро до глубокой ночи бродил по дому, то шипя из-за боли в ране, нанесенной покойным Эридатом, то выкрикивая бессвязные проклятья в адрес немедийской гвардии, тупых киммерийцев, болванов из Аренджуна, не сумевших утаить перевозку серого лотоса и мерзавки Линдиссы, сорвавшей все дело из-за собственной алчности.

К утру хозяин слегка угомонился, лег отдыхать и видеть, как проснувшиеся на рассвете варвар вместе с приятелем покинули дом, не мог.

* * *

Чари, служанку Линдиссы, повесили утром. К величайшему сожалению для варвара, он с Мораддином не успел застать самого интересного момента, и прибыл на базарную площадь, где Даммарос, Ринга и немедийские гвардейцы проводили экзекуцию, к моменту, когда стигийка, посейчас связанная по рукам и ногам, уже болталась в петле. Однако, взглянув на ее синий язык, вываленный набок, и лужу вытекшей мочи под виселицей, Конан только добродушно хохотнул:

– Люблю стигийцев!

– Вот как? – удивленно поднял бровь Мораддин. – Вчера ты утверждал, что всех ненавидишь. Туранцев, немедийцев, шемитов… Гномов, опять же.

– А я их и сейчас ненавижу, – широко улыбнулся варвар. – А стигийцы мне нравятся исключительно в удавленном состоянии!

Вопросы, обращенные к Даммаросу, принесли немногое – капитан сообщил только следующее: оказывается, Черный Круг стигийских магов, крайне заинтересованный в постоянной добыче магического и дурящего зелья, попытался перекрыть все пути кхитайскому товару на Закат и постепенно направить его в Стигию. Имен других посланников Черного Круга, орудующих в Заморе, Туране или Немедии, Чари так и не назвала. Также осталось неизвестным то, каким образом Чари смогла получить полное доверие Линдиссы и подчинить себе Эридата. Впрочем, догадки были. Ринга рассказала, будто стигийские маги знают некие древние заклинания, способные приводить гулей или их потомков в состояние полнейшего исступления, когда жертва колдуна выполняет все его приказы. Потом, втихомолку, рабирийка призналась Конану, что прежние ее хозяева пытались опробовать на ней подобное заклятие и она до сих пор не хочет вспоминать о его последствиях…

Цели Чари, однако, были ясны как день: уничтожить всех, имеющих отношение к незаконной торговле между Тураном, Кхитаем и Немедией, постепенно завладеть возможностью направлять товары не в Аренджун или Шадизар, а на полдень, в Стигию и тем самым лишить господ из Заморы власти над потоком серого лотоса.

Само собой, Конан не забыл про обещание Даммароса и прямо возле виселицы потребовал свое вознаграждение за поимку «чудовища», равно и его хозяйки. Тут едва не случился четвертый скандал – капитан искренне возмутился, сказав, что не собирается платить деньги из казны короля всяким разбойникам, грабящим караваны и способным лишь указать место, где прячется чудовище-убийца.

– А ты что хотел? – не выдержав рявкнул Конан на Даммароса. – Все условия выполнены! Ты получил гору серого лотоса, зверя, убивавшего людей, стигийскую ведьму! Без меня хоть что-нибудь получилось бы?

– Нет, – уныло признался капитан. – Но все равно – ты изрядно побезобразничал в Дэлираме. Кто нарушил спокойствие на городском рынке? Кто ограбил Эридата? Кто убил Леддара? (После этого вопроса Конан едва не брякнул, что Леддар жив-здоров, но сдержался, помня данное слово). Кто покушался на госпожу Линдиссу?..

– Не я, – отрекся Конан от последнего обвинения. – Это дело Эридата и Чари! И вообще, ты дашь деньги или нет?

Ринга ткнула Даммароса локтем в бок и серьезно взглянула на него, как бы говоря: «Заплати ему и пусть подавится!»

– Сожри тебя Нергал! – проворчал капитан, отвязывая с пояса мешочек с золотом. –

Грабитель! И чтоб я тебя больше здесь не видел, понял?

– Да пожалуйста, – обиженно пожал плечами варвар, упрятывая тугой кошелек за пазуху. – Ну, счастливо, что ли, капитан?

– Сгинь! – прошипел Даммарос. Лошадь киммерийца развернулась и двинулась шагом к выезду из города. Жители Дэлирама, собравшиеся поглазеть на казнь ведьмы из Стигии, постепенно расходились, но все равно приходилось проталкиваться сквозь толпу. Тут Конана и догнал прежде молчавший Мораддин.

– Эй, варвар, ты ничего не забыл?

– Забыл попрощаться с Рингой, – кивнул Конан. – Делать это как-то совсем не хочется… Набить морду паре ублюдков забыл, но с этим тоже можно обойтись. Прирезать Линдиссу, опять же…

– Еще? – железным голосом спросил потомок гномов. – Про мои камешки не запамятовал? Я же отдавал их тебе на хранение.

– О, Кром! – понурился варвар. – Слушай, ты извини, я их раньше проиграл в кости, но потом выкупил… Не все, правда.

Мораддин состроил физиономию, какая бывает только у собравшегося кого-то убить человека.

– Где камни?

Конан зашарил по поясу, нащупал новый мешочек на правом боку, достал его, развязал и…

– Это серый лотос, который ты украл, – ледяным тоном сказал Мораддин. – Успел-таки, мерзавец! Камни где?

– Потерял, – сокрушенно вздохнул варвар, так и не обнаружив кошеля с подаренными гномами самоцветами. – Наверное, во время боя в ущелье. Ты уж извини…

– Дуби-ина, – протянул Мораддин, испепеляя компаньона взглядом, но тут же неожиданно бодрым голосом воскликнул: – Ладно, забыли! Поехали из этого проклятого города, пока ты еще чего-нибудь не потерял! Голову, например…

* * *

Разговор Ринги, догнавшей буйную парочку возле выезда из города, и киммерийца закончился почти ничем. Рабирийка снова повторила, что сожалеет о невольно причиненных неприятностях, но ведь все это делалось в благо закона и короны, а варвар едва сдерживался от того, чтобы не разораться на бывшую подружку.

– Меня в очередной раз обманули, – с некоторыми разочарованием признал Конан. – вы вместе с Даммаросом меня просто использовали, только он непреднамеренно, а ты – вовсе наоборот.

– Не огорчайся, – отмахнулась Ринга. – Все кончилось хорошо. Я выполнила свою работу, ты получил неплохие деньги и остался жив. Караван задержали, а лотос уничтожили… Все нормально, правда?

Слева, со стороны Дэлирама, послышался звон бубенчиков и редкие взревывания верблюдов. Изрядно потрепанный караван продолжал свой путь к Аренджуну. Часть купцов

должны были на развилке дорог свернуть к полудню, в сторону Кофа и Шема.

– Так куда поедем дальше? – неожиданно подал голос Мораддин, упрятывая свою мышку обратно в капюшон. – В Шадизаре или Аренджуне нам показываться вообще нельзя…

– О! – подняла палец Ринга. – Кстати, я догнала вас с одной определенной целью. Мне необходимо ехать в Бельверус, доложить о всем случившемся. Давайте со мной, а? Ведь вам все равно куда ехать, а вдруг у Тайной службе моего короля найдется поручение и для вас? – заметив скучающий взгляд Конана, Ринга добавила: – Нимед очень хорошо платит своим людям…

– Да? – заинтересовался варвар. – Что скажешь, Мораддин?

– Все равно, – отмахнулся бывший начальник тайной гвардии. – В Бельверус, так в Бельверус…

Караван поравнялся с сидевшей на обочине Дороги Королей троицей и большая часть верблюдов уже прошла мимо, когда Конан снова услышал знакомый скрипучий голос:

– Клянусь мамой, это опять он! Молодой человек, ты снова ждешь меня?

Глаза старого шемита строго смотрели на варвара сверху вниз, из-под высокого лазорево-белого тюрбана.

– О, нет… – простонал киммериец, рассмотрев всадника на верблюде. – Уберите его от меня!..

Мораддин тихонько затрясся от подступающего смеха. Шемит, задержав верблюда, снова задал вопрос:

– Разве вы хотите ехать со мной в Асгалун? Это очень правильно! Вы не знаете, что в Шеме самые лучшие лекари для головы друга госпожи Стейны?

– Да, – шутки ради кивнул Мораддин. – Мы все стоим и ждем именно тебя, почтенный, чтобы поехать вместе в Шем. А то мы дороги не найдем…

– Еще не хватало! – взвился Конан. – Я поеду куда угодно, буду служить кому угодно и выполнять какие угодно поручения! Но в Асгалун я не поеду! И не просите!

К О Н Е Ц